91.
Д.79.

51
9729
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

КАМЫШЛОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

91
Д. 79.
51
9729

В. В. ДУБЯНСКІЙ.

НА ЭЛЬБРУСЪ ПО БАКСАНУ.

(Изъ путевыхъ воспоминаній участника восхожденія на западную вершину Эльбруса 3 августа 1908 года).

«Къ тебѣ, Кавказъ, къ твоимъ сѣдинамъ.
Къ твоимъ суровымъ крутизнамъ,
Къ твоимъ ущельямъ и долинамъ,
Къ твоимъ потокамъ и рѣкамъ,
Изъ края льдовъ—на югъ желанный,
Въ тепло и свѣтъ—изъ мглы сырой
Я, какъ къ землѣ обѣтованной,
Спѣшу усталый и больной!..».

(Жадсонъ).

Приложеніе къ № 4-му Ежегодника Кавказскаго Горнаго Общества Въ Пятигорскѣ.

1910 Г.

ПЯТИГОРСКЪ.
Электропечатня «Сукіасянцъ и Лысенко».
1911

Перепечатка свѣдѣній и рисунковъ помѣщенныхъ въ настоящемъ выпускѣ «Ежегодника» К. Г. О-ва безъ разрѣшенія Правленія О-ва будетъ преслѣдоваться по закону.

ГЛАВА I.

Видъ вершины Машука.—Въ чаду воспоминаній.—Мечты и дѣйствительность.—Сборы въ походъ.—Подъ флагомъ Кавказскаго Горнаго Общества.—Въ Горячеводской станицѣ.—Подъемъ на Кабардинское плато.—Большой и малый Тамбуканъ.—Въ кабардинскихъ степяхъ.—Привалъ у родниковъ.—Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Кто хотя одинъ разъ побывалъ на Кавказскихъ Минеральныхъ Водахъ, тотъ, вѣроятно, долго не забудетъ той дивной картины, которая развертывается передъ нимъ, если судьба заброситъ его въ ясную погоду на южные склоны Машука. Внизу, подъ ногами, точно огромный муравейникъ, живописно раскинулся Пятигорскъ со своими цѣлебными источниками; немножко поодаль серебристою змѣйкой вьется Подкумокъ; на противоположномъ берегу, утопая въ садахъ, пріютилась одна изъ обширнѣйшихъ въ области станицъ—Горячеводская, у подножья равниннаго плоскогорья, на которомъ вздымаются зеленыя шапки Этоки, Джуцы и Юцы, питающей своими чудными родниками пятигорскій водопроводъ; еще далѣе обрисовываются постепенно переходящіе въ равнину, сильно пониженные отроги передовыхъ кряжей, изъ-за которыхъ выростаютъ ледяные зубцы и причудливые каскады, увѣнчивающіе снѣговую, переливающую на солнцѣ брилліантами, цѣпь Главнаго Кавказскаго хребта, убѣгающую въ туманную даль; а впереди всѣхъ, словно насаженный прямо на зеленые склоны предгорья, высится величественный двуглавый конусъ Эльбруса—красавца Минги-Тау, бѣлѣя надъ равниной, какъ шатеръ вольнаго кочевника...

Съ раннихъ лѣтъ я привыкъ любоваться имъ и въ ясное майское утро, и въ тихую лунную іюльскую ночь. Неотразимая сила всегда влекла къ этимъ вѣчно безстрастнымъ льдамъ и снѣгамъ мои мысли. Я уносился, глядя на нихъ, въ какой-то новый, чудный міръ свѣтлыхъ видѣній и сладостныхъ грезъ далеко, далеко отъ тоскующей, скорбной земли. Мнѣ страстно хотѣлось прижать свой разгоряченный лобъ къ его холодной груди, заглянуть въ его сокровенныя тайны, упиться мгновеньемъ забвенья... Въ августѣ 1907 года мнѣ посчастливилось отчасти осуществить свою завѣтную мечту: я побывалъ на восточной вершинѣ сѣдого великана; закутанный въ плащъ провелъ ночь на его фирновыхъ поляхъ, точно заброшенный судьбой на далекій сѣверъ, когда морозъ доходилъ до 12° С, а въ предразсвѣтный утренній часъ въ

сѣверо-восточной части неба задумчиво сіяла августовская комета 1907 года; пересѣкъ снѣговыя поля отъ верховьевъ ледника Ирикъ до верховьевъ ледника Азау, натолкнувшись при этомъ на барьерные выходы оригинальной лавы съ лентовидно полосатыми участками вулканическаго стекла и живописныя площадки, словно покрытыя зеленымъ бархатнымъ ковромъ отъ обилья особыхъ зеленыхъ водорослей въ образующейся при подтаиваніи фирна снѣговой кашицѣ на высотѣ почти 4000 метровъ; и спустился въ долину Баксана по дикому ущелью Гара-баши, гдѣ путнику то и дѣло приходится выбирать между опасностью сорваться со скалы или погрузиться въ холодныя струи неудержимо льющагося горнаго потока.

Съ той поры во мнѣ еще болѣе окрѣпла рѣшительность рано или поздно, но во чтобы-то ни стало побывать на вершинахъ, такъ неотразимо въ лунномъ сіяніи манившихъ меня къ себѣ въ памятную преображенскую ночь 1907 года, убѣдиться своими глазами, что творится на нихъ, отчего такъ бѣдна снѣжнымъ покровомъ восточная шапка колосса, нѣтъ-ли тамъ, въ заоблачныхъ высяхъ, признаковъ чуткой дремоты величаваго старца, что за дивныя тайны хранитъ онъ въ своемъ холодномъ спокойствіи.

Прошелъ годъ. Я снова судьбой былъ заброшенъ на Кавказскія Минеральныя Воды. Съ прежней силой воскресли былыя мечты. Меня потянуло опять къ роднымъ горамъ, въ темныя ущелья, къ беззаботно звенящимъ ледниковымъ ручьямъ, къ изумруднымъ нагорнымъ лугамъ, къ одинокимъ, царящимъ надъ сплошной снѣговой пеленою, скаламъ.

Наступило 28 іюля,—день, намѣченный Кавказскимъ Горнымъ Обществомъ для выступленія экскурсантовъ изъ Пятигорска въ долину Баксана и далѣе на фирновыя поля Эльбруса, какъ гласила публикація въ газетахъ. Утро было чудное. Эльбрусъ и вся цѣпь Главнаго Кавказскаго Хребта съ его предгорьями была, какъ на ладони, и красиво выдѣлялись на голубомъ фонѣ безоблачнаго голубого неба, ярко сверкая въ потокѣ солнечныхъ лучей своими брилліантовыми діадемами.

Къ назначенному времени (8 часовъ утра) на сборномъ пунктѣ у кондитерской Гукасова, близъ Николаевскаго цвѣтника, оказалось на лицо, считая въ томъ числѣ и меня, всего три экскурсанта. Невольно закрадывалась въ сердце тревога, какъ-бы экскурсія не разстроилась совершенно, тѣмъ болѣе что тотъ, кому по справедливости принадлежала вся иниціатива, кто въ шестьдесятъ семь лѣтъ сумѣлъ сохранить всю свѣжесть чисто юношескихъ энтузіазма и энергіи, маститый альпинистъ, знатокъ края, почтенный предсѣдатель Кавказскаго Горнаго Общества Рудольфъ Рудольфовичъ Лейцингеръ, былъ въ данный моментъ далеко за предѣлами Россіи, въ родной Швейцаріи. Услужливое воображеніе уже рисовало мнѣ картины моихъ прошлогоднихъ лѣтнихъ скитаній съ моимъ неизмѣннымъ вѣрнымъ спутникомъ Петромъ Гавриловичемъ Лысенковымъ (житель станицы Горячеводской) и самоотверженно преданнымъ осетиномъ-проводникомъ Хаджумаромъ Хабліевымъ (сел. Нижнее Уми у Военно-Грузинской дороги), когда въ виду сильно размытыхъ дождями дорогъ намъ пришлось почти у первыхъ-же известково-скалистыхъ тѣснинъ Баксанскаго

ущелья покинуть задокъ кабардинскаго фургона и, уложивъ вещи на передокъ, промаршировать въ одинъ дневной переходъ безъ малаго шестьдесятъ пять верстъ вплоть до самаго селенія Урусбіева... Лысенковъ стоялъ предо мной, былъ и фургонъ, только Хаджумара нужда забросила далеко отъ родины на чужбину въ курскіе края.

На общемъ совѣтѣ было рѣшено подождать еще немного, не подойдетъ-ли кто-нибудь записаться въ самый послѣдній моментъ. Ожиданія оправдались: къ намъ присоединилось еще четыре человѣка, въ томъ числѣ Товарищъ Предсѣдателя Кавказскаго Горнаго Общества Иванъ Ивановичъ Медвѣдковъ. Время не ждало, всѣ приготовленія по закупкѣ провизіи и найму подводъ приходилось поневолѣ дѣлать наскоро, безъ достаточной продуманности, что, конечно, не могло не сказаться впослѣдствіи и, къ сожалѣнію, дѣйствительно доставило не мало прискорбныхъ минутъ тому, кто взвалилъ всѣ хлопоты на собственныя плечи, всецѣло поглощенный только конечной фазой экскурсіи, имѣвшей цѣлью, по возможности, совершить восхожденіе на вершину Эльбруса.

Только въ часъ дня напутствуемые добрыми пожеланіями провожавшей насъ публики, подъ флагомъ К. Г. О. мы тронулись, наконецъ, въ далекій путь по улицамъ города, размѣстившись на линейкѣ-одноконкѣ и двухъ большихъ казачьихъ фургонахъ. Дулъ легкій вѣтерокъ, но ничто не предвѣщало перемѣны погоды, которая, казалось, должна была уже установиться, судя по примѣру минувшихъ годовъ; термометръ показывалъ 34,5°C; барометръ стоялъ на 710 mm. Спустившись къ Подкумку и переправившись черезъ него вбродъ, всѣ заѣхали по пути въ станицу Горячеводскую, чтобы, по русскому обычаю, присѣсть передъ дорогой, немного подкрѣпиться въ домикѣ Петра Гавриловича Лысенкова за любезно накрытымъ молодою хозяйкой столомъ, да захватить заготовленныя горныя палки съ наконечниками, стальныя кошки, бурки, полушубки. Къ двумъ часамъ дня все было покончено. Лысенковъ на ходу отдавалъ послѣднія распоряженія по хозяйству и насчетъ своей любимой образцовой пасѣки; стихли понемногу всхлипыванья и жалобныя причитанья казачекъ, точно онѣ навсегда прощались со своими мужьями, ямщики ударили по лошадямъ, и мы покатили по широкимъ станичнымъ улицамъ, оставляя позади за собой нарядные, чисто побѣленые домики, съ черепичными крышами, выдѣлявшимися желто-бурыми пятнами на фонѣ густой зелени окруженныхъ плетнями садовъ, красивую церковь посреди обширной площади, прекрасныя школьныя зданія, вереницу огородовъ, окаймляющихъ желтѣющей лентой окраины. За околицей протекаетъ въ довольно глубокой долинѣ небольшая въ это время года рѣченка Юца, переправившись черезъ которую, мы начали медленно подниматься въ гору по дорогѣ къ Тамбуканскому озеру, находящемуся верстахъ въ девяти къ юго-востоку отъ Пятигорска, любуясь все болѣе и болѣе развертывавшимися передъ глазами живописными видами на утопавшую въ зелени Горячеводскую станицу, долину Подкумка, Пятигорскъ съ его красивыми дачами, выросшими за послѣднее время по дорогѣ къ «Провалу», на склонахъ отрога Машука—Горячей го-

ры и точно повисшими высоко надъ рѣкой среди обрывающихся въ ея сторону толщъ травертина, отложеннаго горячими источниками.

Съ ближайшаго косогора, гдѣ искрились на солнышкѣ въ глинистомъ грунтѣ медово-желтые пластинчатые кристаллики гипса, рельефно обрисовывались юго-восточный отрогъ Машука, Каррасская котловина съ ея горько-солеными озерами, Лысая гора, Развалка и Желѣзная, сплошь до вершины поросшія лѣсомъ и отдѣленныя другъ отъ друга глубокой впадиной, горделивый красавецъ Бештау, а лѣвѣе его Шелудивая и Верблюдъ съ разбросанными у подножья ихъ колоніями итальянцевъ, окруженными образцовыми виноградниками. Спустившись съ косогора въ довольно обширную долину, по дну которой протекаетъ небольшой ручей Вонючка среди обильныхъ мочижинниковъ, переходящихъ на болѣе возвышенныхъ и сухихъ мѣстахъ въ пышно разросшійся на известковой почвѣ колючникъ, и, описавъ порядочную дугу въ обходъ неудобнаго участка, мы поднялись по широкой пыльной дорогѣ на Кабардинское плоскогорье волнисто равниннаго характера, съ разбросанными тамъ и сямъ курганами, убѣгавшее вдаль къ теряющимся въ легкой мглѣ холмистыми предгорьями.

Вытоптанные табунами выгоны смѣнились ожидающими покоса степными лугами, искрящими миріадами великолѣпныхъ въ своемъ простомъ нарядѣ полевыхъ цвѣтовъ. Синѣющія метелки васильковъ, бѣлыя, розовыя, красныя головки клевера, ароматные фіолетовые щитки чабера, золотистые колоски лисохвоста, лугового мятлика, различные медоносы—все слилось въ сплошной, казалось, необозримый пестрый коверъ.

Но вотъ показались вдали овальныя очертанія знаменитыхъ своими цѣлебными грязями Тамбуканскихъ озеръ, покоющихся въ глубокой котловинѣ, имѣющихъ форму огромной запятой съ головной частью, вытянутой въ направленіи востокъ—западъ, и отогнутымъ къ юго-востоку концомъ. Растительность какъ-то сразу порѣдѣла и обѣднѣла въ своемъ разнообразіи и роскоши наряда; на пропитанной до насыщенія минеральными солями песчаниковой почвѣ ютились преимущественно кустики полыни.

Восточное, меньшее озеро, собственно говоря, болѣе не существуетъ,—оно пересохло, найдя, вѣроятно, удобный стокъ для своихъ водъ, а дно его въ значительной части покрылось бѣлесовато-зеленой растительностью, производящей издали впечатлѣніе затянутыхъ водорослями остатковъ заболоченныхъ участковъ усыхающаго водоема, съ довольно отлогими западными склонами и нѣсколько возвышенными берегами, окаймляющими его съ сѣвера, востока и особенно съ юга. Длина существующаго западнаго озера около двухъ верстъ, ширина отъ трехсотъ сажень до одной версты; сѣверный берегъ его крутой, а сѣверо-западный и юго-западный вполнѣ отлоги и низменны. Въ сѣверо-западномъ углу можно видѣть слѣды выемокъ цѣлебной грязи въ минувшіе годы, теперь снова заполненныхъ горько-соленой водой; въ настоящее время грязь, имѣющая видъ блестящей, маслянистой, черной на цвѣтъ и очень тяжелой массы, добывается недалеко отъ сѣвернаго берега, ближе къ сѣверо-западному углу его. На сѣверномъ берегу, недалеко отъ проѣзжей дороги

пріютилась небольшая сторожка для старичка-караульщика, угостившаго насъ вкусной холодной водой, привозимой сюда изъ Пятигорска. Немного въ сторонѣ, ближе къ самому озеру, бѣлѣли двѣ палатки, въ которыхъ помѣщается небольшая біологическая станція, основанная этимъ лѣтомъ впервые профессоромъ Московскаго Университета Зографомъ. Съ мая мѣсяца здѣсь поселились два практиканта и тщательно изучаютъ флору и фауну озера, производятъ промѣры и драгировку въ различныхъ мѣстахъ озера, собирая матеріалъ для уясненія той роли, которую играютъ микроорганизмы въ образованіи цѣлебной грязи, развозимой отсюда въ ящикахъ и бочкахъ по группамъ Кавказскихъ Минеральныхъ Водъ. Пустынно и уныло на этомъ озерѣ; въ глубинахъ его кипитъ своеобразная, полная таинственности жизнь, но на поверхности не чувствуется дыханье жизни, и какъ-то тоскливо и грустно становится на сердцѣ, привыкшемъ съ именемъ озера соединять представленіе о чемъ-то свѣтломъ, улыбающемся, богатомъ яркими красками, эмблемѣ неумирающей, вѣчно рождающейся, бьющей ключемъ жизни.

Мы не долго отдыхали здѣсь и около четырехъ часовъ дня тронулись дальше, переѣхали черезъ небольшую рѣченку Этоку, напоминавшую скорѣе въ это засушливое время попросту жалкій ручей, и снова поднялись на плато, гдѣ пахнуло на насъ знакомымъ ароматомъ привольной степи, облегающей со всѣхъ сторонъ стоящій одиноко на западѣ отъ дороги Золотой курганъ (1740 метр.), доставляющій обильную пищу для легендъ, передаваемыхъ изъ поколѣнья въ поколѣнье стариками молодежи въ долгіе зимніе вечера. Переѣхавъ безъ всякихъ затрудненій сильно обмелѣвшія первую и вторую Золки, мы рѣшили сдѣлать привалъ у примыкавшей съ восточной стороны къ дорогѣ небольшой котловины, гдѣ по зеленѣющимъ склонамъ весело журчалъ по окатаннымъ известковымъ камешкамъ ручеекъ, перескакивая съ уступа на уступъ. Было около шести часовъ вечера; запряженныя съ самаго утра лошади порядкомъ устали, да и сами сѣдоки въ хлопотахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду не особенно думали въ этотъ день объ обычномъ питаніи, что теперь чувствительно давало себя знать.

Дневной зной смѣнился вечерней прохладой; густыя тѣни поползли по предгорьямъ, взбираясь все выше и выше; только шапка Эльбруса вся горѣла, точно въ огнѣ, купаясь въ лучахъ заходящаго солнца... Въ походныхъ чайникахъ закипѣла вода; на разостланныхъ буркахъ появилась незатѣйливая закуска; на особыя удобства нельзя было претендовать, хотя-бы и хотѣлось кому по старой привычкѣ; за стакановъ кахетинскаго, на вольномъ воздухѣ да на степномъ просторѣ время летѣло съ необычайной быстротой. Было рѣшено никуда больше въ этотъ день не ѣхать, а заночевать тутъ-же, въ тридцати верстахъ отъ Пятигорска, а по утру, еще до разсвѣта, сняться съ мѣста стоянки. Казаки стреножили коней, разостлали намъ полость у подводы, и вскорѣ всѣ мы уже лежали вповалку, лицомъ на востокъ, къ котловинѣ, укрытые теплыми тулупами и исполненные благого намѣренія—погрузиться поскорѣе въ объятія Морфея.

Мнѣ не спалось... Чудная теплая ночь спустилась на землю; луна во-

личаво свершала свой путь по ясному безоблачному небу среди сонма безстрастно мерцающихъ звѣздъ, о чемъ-то ведущихъ свою вѣчную молчаливую бесѣду; степная даль погрузилась въ чуткій сумракъ; прислоненное къ землѣ ухо начинало яснѣй и яснѣй различать таинственный шорохъ зашевелившихся въ травѣ насѣкомыхъ, казалось, подъ теплымъ дыханьемъ мягкаго обвѣвающаго степь вѣтерка пробуждается быстро на смѣну погрузившейся въ сонъ дневной жизни, какая-то новая жизнь, полная своеобразной прелести, какъ будто спѣшившая напряженностью темпа возможно полнѣе использовать короткую лѣтнюю ночь... Гдѣ-то по дорогѣ проскрипѣли тоскливо двухколесныя арбы запоздавшихъ кабардинцевъ; прогромыхали тяжолыя дроги изъ котловинки на ближайшій пригорокъ съ ульями пасѣчниковъ; одиноко блеснулъ свѣтъ зажженнаго въ степи костра; донеслась заунывная пѣсня; замеръ послѣдній аккордъ; глаза слипались,—усталость брала свое,—начатая мысль оборвалась; всѣ мы заснули крѣпкимъ безмятежнымъ сномъ.

ГЛАВА II.

Пробужденье.—Улыбка Эльбруса.—Характеръ предгорій.—Долина Малки.—Роковая переправа.—Первое кабардинское селеніе (Ашабово).—Лингвистическая эквилибристика.—Въ лабиринтѣ балокъ и холмовъ.—На просторѣ Большой Кабарды.—Въ долинѣ Баксана.—На перекрестѣ торговыхъ путей.—Плоды просвѣщенья.—Первое кабардинское селеніе по Баксану (Наурузово).—Въ тщетныхъ поискахъ гостепріимнаго крова.

Еще не было трехъ часовъ утра, какъ Лысенковъ всѣхъ разбудилъ. Нехотя покидали мы теплое ложе. Чуть брезжила узкая полоска на далекомъ востокѣ. Звѣзды медленно догорали. Дрожь пробѣгала по членамъ. Скоро все было увязано, и въ началѣ четвертаго часа мы тронулись въ путь, придерживаясь юго-восточнаго направленія. Отдохнувшія за ночь лошади довольно свободно брали значительный подъемъ, прерываемый изрѣдка небольшими спусками, когда колеса начинали весело стучать по дорогѣ, чтобы вскорѣ снова затормозить свой бѣгъ. Мѣстность все болѣе и болѣе принимала характеръ всхолмленнаго возвышеннаго плато, прорѣзаннаго порою довольно глубокими долинными впадинами съ сильно размытыми округленными склонами, служащими ложемъ для мелкихъ рѣченокъ и ручьевъ, стекающихъ съ ближайшихъ предгорій. Вправо обрисовывались три кургана, какъ-бы располо-

женные въ вершинахъ треугольника, изъ которыхъ сѣверный, самый высокій и немногимъ уступающій Золотому Кургану, носитъ собирательное имя «Три брата»*). Миновавъ ихъ и переправившись черезъ Третью Золку**), мы были около четырехъ часовъ утра у юго-восточнаго края холмистаго плоскогорья довольно полого спускающагося къ живописной Малкинской долинѣ; замѣтный клинообразный изгибъ въ слабо-волнистыхъ линіяхъ сильно-пониженныхъ передовыхъ, параллельно идущихъ горныхъ цѣпей, намѣчалъ уклоняющееся къ юго-западу направленіе верхнихъ частей ея, надъ которыми высился Эльбрусъ во всемъ блескѣ своего утренняго наряда. Высоко вздымающаяся надъ всей округой сѣдая голова въ этотъ ранній часъ представлялась окрашенной въ самые нѣжные розоватые тона первыми лучами едва появившагося изъ-за горизонта солнца. Пройдетъ немного времени,—и вся она словно зальется золотомъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ вмѣстѣ съ сосѣдними ледяными зубцами засверкать міріадами брилліантовыхъ искръ; но теперь, когда надъ равниной легкой дымкой стелется утренній туманъ, когда на далекомъ востокѣ еще не поблекли яркія краски зари,—только ей одной шлетъ свою лучезарную улыбку выплывающій надъ сонною землей исполинскій огненный шаръ, между тѣмъ, какъ густыя тѣни продолжаютъ еще безмятежно покоиться на холодной, матово-бѣлой груди великановъ Кавказа...

Близко надвинулось холмистое предгорье,—отдаленное подобіе прекрасно выраженнаго въ болѣе восточныхъ частяхъ края хребта „Лѣсистыхъ горъ“; только вправо, въ юго-западной сторонѣ, слегка выдѣляется слабо очерченный Джинальскій хребетъ. Какъ-то мало замѣтенъ и слѣдующій по порядку хребетъ «Пастбищныхъ горъ», вполнѣ оправдывающій свое названіе, такъ-какъ отъ подошвы до верхнихъ своихъ частей, имѣющихъ видъ уплощенныхъ холмовъ, онъ покрытъ пышными лугами, распространяющимися какъ на впереди лежащее предгорье, такъ и на пологіе склоны расположенныхъ южнѣе «Скалистыхъ горъ», довольно хорошо выступающихъ синѣющими вдали своими скалистыми вершинами, хотя и онѣ не могутъ итти въ сравненіе со своими собратьями, расположенными въ восточной части, гдѣ крутые скалистые гребни живописно возвышаются надъ великолѣпными горными пастбищами, уступающими ниже мѣсто чернолѣсью...

---

*) Курганы «Три брата» довольно рѣзко выдѣляются среди ряда другихъ, разбросанныхъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи вправо и влѣво отъ дороги. Я не имѣлъ случая поближе познакомиться съ ними, но, насколько я могъ убѣдиться изъ осмотра небольшого курганчика, одиноко возвышающагося надъ обширной равниной близъ проѣзжей дороги передъ самымъ «Баксанскимъ постомъ» (восточнѣе Пятигорска), ядро послѣдняго, обнаженное отъ налегающихъ песчано-глинистыхъ слоевъ, состоитъ изъ растрескавшихся мѣловыхъ пластовъ съ явственно выраженнымъ сѣверо-восточнымъ паденіемъ подъ угломъ около 60°.

**) Если взять отъ дороги нѣсколько верстъ вправо, то такихъ Золокъ пришлось-бы насчитать съ добрый десятокъ, т.-к. къ югу отъ Тамбуканскаго озера чуть-ли не каждая рѣченка носитъ это имя, хотя-бы она являлась съ достаточной очевидностью простымъ притокомъ другихъ, болѣе значительныхъ рѣчекъ, собирающихъ воды со всей юго-восточной части Кабардинскаго плоскогорья, въ частности со склоновъ хребта «Джиналъ», и впадающихъ затѣмъ въ Малку, берущую начало въ ледникахъ, спускающихся съ Эльбруса, и пробивающую себѣ путь на равнину черезъ всѣ передовыя горныя цѣпи.

На обширной равнинной лужайкѣ, внизу, въ сторонѣ отъ пыльной дороги, красиво бѣлѣли, точно построенныя въ каррэ, сооруженія, принадлежащія Вѣдомству Государственнаго Коннозаводства. Налѣво, подъ косогоромъ замелькали небольшія зеленыя рощицы; заискрились отводныя канавки для мельницъ; потянуло влажной прохладой,—чувствовалась близость значительной рѣки. Вотъ и широкая долина, занесенная пескомъ и галечникомъ, среди толщи которыхъ извивается, разбившись на четыре русла, Малка и шумно катитъ мутныя воды свои, вырвавшись на просторъ изъ сосѣднихъ тѣснинъ послѣ продолжительнаго странствованія въ восточномъ направленіи въ напрасныхъ поискахъ выхода вдоль южныхъ склоновъ Джинальскаго хребта, красиво вырисовывающагося вправо отъ насъ.

Было рѣшено пустить впередъ только одинъ фургонъ, а остальнымъ ждать на берегу, пока тотъ переправится черезъ всѣ русла рѣки и намѣтитъ путь для другихъ. Лошади осторожно нащупываютъ бродъ. Теченіе быстрое и относитъ въ сторону, въ особенности на третьемъ, главномъ руслѣ. Кузовъ фургона почти вѣсь погружается въ воду. Сѣдоки инстинктивно кидаются впередъ. Еще одно дружное усилье привычныхъ коней,—и они на другомъ берегу, въ полосѣ Большой Кабарды*).

Дальнѣйшая переправа не обошлась безъ нѣкотораго осложненія: фургонъ второй попалъ передними колесами въ разсѣлину между двумя скрытыми въ глубинѣ камнями, и казакамъ пришлось принять холодную ванну въ капризныхъ малкинскихъ волнахъ, чтобы успокоить встревожившихся лошадей и выйти изъ непріятнаго положенія. Между тѣмъ нашему молодому возницѣ съ линейкой надоѣло ждать, пока застрявшій фургонъ снимется съ мѣста; онъ рѣшилъ обогнать замѣшкавшихся товарищей, но взялъ немного влѣво, попалъ на глубокое мѣсто, и только относительная легкость общей нагрузки линейки дала возможность ретивой лошадкѣ выбраться на безопасное мѣсто, не растерявъ своихъ сѣдоковъ, а заставивъ ихъ пережить всего лишь нѣсколько тревожныхъ мгновеній, когда шальная волна перекатилась черезъ сидѣніе, вынудивъ тѣмъ самымъ ихъ принять въ общемъ довольно живописныя, но далеко не привычныя позы.

Было около 5 часовъ утра, когда мы подъѣхали къ стоящей почти у

*) Такъ называется населенная кабардинскимъ народомъ область, частью гористая, частью равнинно-степная на сѣверныхъ предгорьяхъ и по сѣверному склону Кавказскаго хребта, точнѣе говоря—по среднему и нижнему теченью Малки, Баксана, Черека и Уруха до ихъ впаденія въ Терекъ. Различаютъ еще Малую Кабарду, носящую преимущественно равнинно-степной характеръ и расположенную къ востоку отъ Терека, между нимъ и его правымъ притокомъ Сунжей. Самое названіе «Кабарда» происходитъ, по преданію, отъ имени черкесскаго вождя, жившаго въ XIV столѣтіи. Стройные, довольно высокаго роста, съ красивой осанкой, строго-овальной формой лица и благородными, симпатичными чертами, кабардинцы въ количествѣ до 80000 человѣкъ составляютъ вѣтвь нѣкогда многочисленнаго храбраго, рыцарскаго, жизнеспособнаго, трудолюбиваго и воодушевленнаго несокрушимою любовью къ свободѣ черкесскаго народа, обитавшаго въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта отъ Эльбруса до самаго Чернаго моря и только послѣ окончательнаго покоренія Кавказа русскими въ 1866 году массами, (до полумилліона душъ) покинувшаго свои крѣпкія, никѣмъ не потревоженныя горныя гнѣзда, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, искусно разогрѣтаго турецкими эмиссарами, адептами панисламизма.

самаго спуска къ рѣкѣ на околицѣ большого кабардинскаго селенія Ашабова почтовой станціи, содержимой вотъ уже тридцать лѣтъ безсмѣнно, успѣвшимъ состариться, горячеводскимъ казакомъ и ничѣмъ не отличающейся отъ обычнаго станичнаго домика съ небольшимъ огородикомъ и садикомъ. Здѣсь мы раздобыли себѣ молока, а за другими припасами пришлось отправиться въ ближайшую туземную лавченку, выдерживая по дорогѣ ожесточенныя аттаки внушительныхъ дворовыхъ псовъ. Самого хозяина не оказалось дома и насъ встрѣтили двѣ полузаспанныя старухи, видимо, сильно удивленныя столь неожиданнымъ раннимъ покупателимъ. Какъ ни скромны были старательно разложенные по полкамъ товары сельскаго «магазина», обслуживающаго невзыскательныхъ потребителей, но чтобы пріобрѣсти тутъ десятка три яицъ, вязанку баранокъ, карандашъ и колесной мази, пришлось потратить добрыхъ полчаса и пустить въ ходъ всѣ наши мимическія дарованія совмѣстно съ самыми рискованными этимологически-филологическими комбинаціями, такъ-какъ старухи ни слова не понимали по-русски.

Черезъ полчаса мы покинули вытянувшееся верстъ на семь вдоль по высокому правому берегу Малки селеніе, съ красиво выдѣлявшими линію его расположенія рядами стройныхъ тополей, возвышающихся надъ сельскими садами. Значительная часть его еще покоилась въ тѣни, падавшей отъ сосѣдняго косогора, и со стороны суженной верхней части долины вѣяло живительной прохладой. Только минареты сельскихъ мечетей выходили за предѣлы распространенія тѣни и купались своими полумѣсяцами въ утреннихъ солнечныхъ лучахъ.

Мы продолжали слѣдовать въ юго-восточномъ направленіи отъ Пятигорска. Влѣво отъ насъ оставалась необозримая даль степного пространства и равнины Большой Кабарды, подернутая прозрачной пеленой утренняго тумана; позади—красивыя части предгорной полосы, концевые отроги Джинальскаго хребта (около 1300 метровъ высоты), быстро понижающіеся и, расширяясь у основанія, вытягивающіеся на востокѣ въ плоскія и широкія поднятія, сливающіяся постепенно съ плоской степной полосой.

На пути все чаще и чаще стали попадаться небольшія балки и котловины, обставленныя зеленѣющими курганами и холмами съ широкими основаніями и выпуклыми боками. Черезъ какихъ-нибудь полчаса мы совершенно затерялись среди этого лабиринта; Ашабово скрылось за однимъ изъ косогоровъ; краевыя высоты Куба-Тапа (кабард. «глинистый курганъ», 126 метровъ высоты) заслонили отъ глазъ долину Малки; впереди обрисовывался высокій правый берегъ небольшой рѣчки Куркужины, прорѣзывающей южную предгорную полосу до своего впаденія въ Малку въ сѣверо-восточномъ направленіи на протяженіи свыше 50 верстъ. Мелкая рѣченка съ мутной водой и залитымъ солнцемъ песчано-галечнымъ мѣстомъ переправы, лишеннымъ хотя-бы тощей кустарниковой заросли, мало влекла насъ къ себѣ, и мы, не останавливаясь, поспѣшили выбраться на широкое правобережное плато, сложенное изъ песчано-глинистыхъ и галечниковыхъ рѣчныхъ отложеній, выполнившихъ прежнюю широкую долину и прорѣзанныхъ довольно глубоко узкимъ ложемъ рѣки Куркужина.

Долина замѣтно расширилась; слѣва отъ насъ окаймлялъ ее продольный увалъ, скрывавшій даль отъ глазъ своимъ нерасчлененнымъ округлымъ гребнемъ; обращенные къ ложу рѣки его пологіе склоны давали пріютъ на своей обширной площади множеству балочекъ, переходящихъ въ расширенныхъ частяхъ въ стоячія болотца съ незначительными камышевыми плавнями. Еще лѣтъ десять тому назадъ тутъ привольно паслись кабардинскіе табуны, а теперь пыльная дорога, все поднимаясь въ гору, совершенно терялась среди кукурузныхъ и просяныхъ полей, чередующихся съ бахчами арбузовъ, густыми насажденіями подсолнуховъ, напоминавшими волнующееся золотисто-желтое море и площадей, занятыхъ подъ культуру горчицы или засаженныхъ картофелемъ, огурцами и бураками.

Наши мододцы-казаки, соскочивъ съ фургоновъ, ловко разсыпались по сторонамъ, ускользая отъ нескромныхъ взоровъ одиноко чернѣвшихъ тамъ и сямъ поселянъ; но старанья ихъ оказались въ значительной мѣрѣ напрасными: початки кукурузы и арбузики были слишкомъ еще зелены, да и корзинки подсолнуховъ, несмотря на внушительную величину, мало вознаграждали добросовѣстную работу нашихъ зубныхъ аппаратовъ...

Отъ встрѣченныхъ дѣвушекъ-подростковъ намъ удалось узнать, что въ этихъ мѣстахъ не особенно давно поселились выходцы-баптисты изъ малороссійскихъ губерній на пріобрѣтенной у кабардинцевъ землѣ. Обиліе родниковъ съ хорошей питьевой водой удовлетворяетъ хозяйственныя нужды поселянъ; подлѣ выходовъ ихъ красиво выдѣлялись на фонѣ окружающей зелени чисто побѣленные домики подъ черепичными крышами, съ обширными надворными постройками, краснорѣчиво свидѣтельствующими объ имущественномъ достаткѣ заброшенныхъ на чужбину сектантовъ-хохловъ.

Справа отъ насъ за рѣкой тянулись продольныя сплошныя мало-расчлененныя гряды такихъ-же, какъ и встрѣченный слѣва, невысокихъ пологихъ уваловъ, какъ-бы смыкающихся своими головными частями съ нимъ въ южной части долины, принимающей характеръ обширной котловины. Они уходили отъ насъ, образуя террасовидные уступы одинъ надъ другимъ, гдѣ виднѣлись аулы Коново и Бабуково съ кореннымъ кабардинскимъ населеніемъ; въ складкахъ ихъ восточныхъ склоновъ залегаетъ тоже не мало балокъ,—только онѣ имѣютъ проточную воду и, обращенныя на сѣверо-востокъ, сходятся къ продольной долинѣ рѣки Куркужина. Въ вышинѣ плавно парили коршуны, высматривая себѣ неосторожную жертву къ утреннему завтраку, и падали стрѣлой въ хлѣбныя поля, чтобы подняться снова вверхъ, унося въ когтяхъ ротозѣя-суслика.

Еще немного въ гору, и мы обогнули головную часть увала, оттѣснявшаго насъ къ рѣкѣ. Дорога, что раньше шла почти въ меридіональномъ направленіи, приняла прежнее юго-восточное направленіе. И рѣка, и увалообразныя поднятія остались въ сторонѣ. Колеса снова весело катились среди травянистыхъ пространствъ, обдающихъ васъ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ, обвѣвающихъ могучимъ дыханьемъ степного простора, не тревожимаго лезвіемъ плуга и острыми зубьями бороны пахаря.

Въ 8 часовъ утра мы были уже у Наурузова—перваго на нашемъ пути кабардинскаго селенія въ Баксанской долинѣ, куда мы скатились по довольно крутому спуску съ оставшихся позади насъ увалов. Селеніе раскинулось на лѣвомъ берегу многоводнаго Баксана*), пока еще остававшагося скрытымъ отъ нашихъ взоровъ за зеленью сельскихъ садовъ и прижатаго въ этихъ мѣстахъ къ высокому, обрывистому правому берегу, гдѣ тамъ и сямъ лѣпилась кустарниковая заросль, терявшаяся среди травянистаго покрова сосѣднихъ слабо-волнистыхъ отроговъ группы высотъ «Кузъ-Бурунъ» (около 850 метровъ). Къ сѣверу отъ Наурузова они заканчиваются своеобразными полукруглыми террасовидными уступами, точно кто нарочно насыпалъ крѣпостные валы, окружающіе тѣснымъ полукольцомъ незримыя твердыни, огибая которыя бурный Баксанъ круто поворачиваетъ на востокъ, чтобы, пробѣжавъ въ такомъ направленіи верстъ пятьдесятъ и прихвативъ по пути волны Чегема и Черека, ринуться въ объятія Малки.

Дорога пролегала по сравнительно узкой равнинной подошвѣ незадолго передъ тѣмъ пересѣченныхъ нами краевыхъ юго-восточныхъ частей южной предгорной полосы; къ югу отъ Наурузова она какъ-бы выклинивалась, тѣснимая съ запада крутыми склонами ближайшихъ отроговъ, за то къ сѣверу значительно расширяется, сохраняя свой равнинный характеръ съ едва замѣтнымъ уклономъ къ сѣверо-востоку, что соотвѣтствуетъ, повидимому, слабому паденію пластовъ твердаго песчаника, проглядывающаго мѣстами на сбитыхъ колесами и вытоптанныхъ стадами полянкахъ, и обрывается небольшимъ уступомъ надъ равнинами Большой Кабарды у Баксанскаго поста.

Баксанскій постъ—небольшой русскій поселокъ, состоящій изъ немногочисленныхъ домиковъ подъ черепичными крышами, ютящихся около полуразвалившихся стѣнъ старинной крѣпостцы, на территоріи которой въ настоящее время высится православная церковка и находится ставка участковаго начальника съ небольшимъ отрядомъ милиціонеровъ. Въ поселкѣ имѣется аптека, почтовая контора и рядъ русскихъ лавокъ съ бакалейнымъ и краснымъ товаромъ, бойко торгующихъ въ базарные дни, когда въ этотъ пунктъ, лежащій на перекрестѣ дорогъ, ведущихъ въ большія казачьи станицы Марьинскую и Солдатскую, къ полотну Владикавказской желѣзной дороги и лежащую къ югу долину Баксана съ ея кабардинскимъ и горско-татарскимъ населеніемъ, съѣзжается много казаковъ и туземцевъ для торговаго обмѣна продуктами мѣстнаго производства (шерсть, сукно, бурки, сѣно, овечій сыръ—съ одной стороны, огородныя овощи, арбузы, дыни, фрукты, мука,—съ другой стороны) и закупки мануфактуры и бакалеи, ставшихъ теперь необходимыми въ обиходѣ горца.

Долголѣтнее сосѣдство съ осѣдлымъ земледѣльческимъ русскимъ населеньемъ не прошло безслѣдно для вольныхъ сыновъ Кабарды. Помнится, почти годъ тому назадъ проѣзжалъ я по этимъ равнинамъ; направлялся 2-го

*) Рѣка эта беретъ начало изъ подъ ледниковъ высочайшей горы Кавказа—Эльбруса, имѣетъ направленіе на сѣверо-востокъ и, промчавшись съ величайшей быстротой болѣе 100 верстъ, выходитъ на плоскость Большой Кабарды.

августа 1907 года къ Баксанскому посту на казачьемъ фургонѣ, послѣ ночевки на станціи Солдатской. По лазурному небу плыли одиночныя золотисто-бѣлыя облачка. На далекомъ юго-востокѣ синѣла цѣпь горъ, увѣнчанныхъ ледяными діадемами безчисленныхъ вершинъ, среди которыхъ одиноко уносилась въ синеву небесъ вся залитая золотистымъ пурпуромъ двуглавая шапка сѣдого великана Кавказа, словно отрѣзаннаго отъ своихъ величавыхъ собратій легкой дымкой облаковъ. А кругомъ разстилалась необозримая плодородная равнина, изрѣдка пересѣкаемая небольшими овражками, покрытая пышными лугами и тучными нивами, съ лихвой вознаграждающая земледѣльца за его внимательный уходъ за нею. Доносилось блеяніе овецъ и мычанье коровъ съ привольныхъ пастбищъ, гдѣ пчелки собирали богатую добычу съ многочисленныхъ медоносныхъ травъ. Вдали, подлѣ небольшой рѣчушки чернѣла пасѣка. Вправо и влѣво отъ дороги мелькали загорѣлыя лица поселянъ, убирающихъ хлѣбъ—налитую янтарнымъ зерномъ пшеницу. Надъ высокими стеблями кукурузы (маиса) горделиво покачивались пышныя корзинки подсолнуховъ. Вмѣсто традиціонной черкески или неизмѣннаго бешмета (полукафтана) кабардинцы—это были они—облачились въ простыя ситцевыя рубахи, защищая головы отъ зноя широкополыми войлочными шляпами; женщины и дѣвушки въ легкихъ шальварахъ, такихъ-же рубахахъ и распашныхъ туземныхъ платьяхъ, стянутыхъ у пояса, усердно помогали мужчинамъ. Вотъ, примостившись на облучкѣ, съ посадкой заправскаго нѣмецкаго колониста, легкой рысцой ѣдетъ по волнующемуся морю сочной ароматной травы молодой кабардинецъ на патентованной сѣнокосилкѣ, оставляя за собой правильныя поперечныя грядки подсѣченной растительности; а поодаль въ сторонкѣ съ неменьшимъ успѣхомъ работаетъ сноповязалка. Развитой, свободолюбивый, честный кабардинецъ, не знавшій рабства и не привыкшій къ тунеядству, кажется, рожденный для коня, ружья, острой сабли и широкаго лезвія кинжала, переварилъ начатки европейской цивилизаціи и умѣло пересадилъ на свою почву плоды прогрессирующей техники. Восьмидесятитысячный народъ, сохранивъ въ чистотѣ рыцарскіе завѣты предковъ, гордый своимъ славнымъ боевымъ историческимъ прошлымъ, издревле поддерживавшій дружественныя отношенія съ сосѣдними русскими казачьими поселеніями, обнаруживаетъ ясное пониманіе всей пользы просвѣщенья и проявляетъ горячее стремленіе къ образованью, чему, къ сожалѣнью, не всегда идутъ навстрѣчу ближайшіе представители русской администраціи, хотя кабардинцы неоднократно собственной кровью запечатлѣли свою преданность Россіи.

Еще и теперь въ многочисленныхъ кабардинскихъ селеніяхъ доживаютъ свои дни въ благоустроенныхъ усадьбахъ представители старинныхъ кабардинскихъ фамилій—генералы русской службы—кн. Иналовы, Наурузовы, Атажукины, Кудинетовы, герои лихихъ боевыхъ схватокъ во время Турецкихъ и Кавказскихъ войнъ, когда они во главѣ своихъ вѣрныхъ нукеровъ-дружинниковъ бились бокъ о бокъ съ желѣзными кавказскими полками за общую родину—великую Россію, лучшіе представители которой умѣли уважать храбрый народъ и никогда не затрагивали ни религіозныхъ чувствъ его, ни національныхъ особенностей...

Мы успѣли порядочно проголодаться, такъ-какъ съ ранняго утра еще не дѣлали привала; между тѣмъ по близости не было нигдѣ сносной лужайки, и за водой пришлось-бы ходить слишкомъ далеко. Въ надеждѣ найти себѣ прохладный пріютъ въ какой-нибудь лавченкѣ, медленно двинулись мы вглубь селенія по узкимъ улицамъ между сложенными изъ песчанника незатѣйливыми оградами скромныхъ усадебъ, за которыми прятались окруженныя садиками низенькія жилища, сооруженныя частью изъ песчанника, частью изъ саманныхъ*) кирпичей, обмазанныя глиной и только изрѣдка побѣленныя съ какими-то странными, обмазанными глиной, какъ и самыя стѣны жилищъ, плетенками вмѣсто трубъ, возвышающимися въ видѣ усѣченнаго конуса надъ курнымъ очагомъ на плоскихъ кровляхъ съ насыпанной и утрамбованной землей, покрытой мѣстами густою травою. Усадьба князя Наурузова, да еще два, —три дома подъ желѣзною крышею—вотъ все, что напоминало о европейской культурѣ въ этомъ мирномъ уголкѣ, оглашаемой въ урочный часъ призывными кликами муэдзиновъ съ минарета скромной, какъ и самое селеніе, мечети.

Всѣ поиски пріюта оказались напрасными. Селеніе словно вымерло,—все поуходило въ поле: страдная пора была въ полномъ разгарѣ. Только полунагіе ребятишки кое-гдѣ глядѣли на насъ изподлобья черными, какъ уголь, глазенками. Даже собакъ нигдѣ не было видно, и нашъ страстный фотографъ г. Гуровъ могъ спокойно заняться увѣковѣчиваніемъ на чувствительной пластинкѣ идиллическихъ видовъ съ какимъ-нибудь благодушно пасущимся за оградой теленкомъ въ центрѣ, вызывая тѣмъ ворчаніе наиболѣе нетерпѣливыхъ проголодавшихся спутниковъ.

Невдалекѣ за околицей Баксанъ близко подходитъ къ лѣвобережной террасѣ. Одинъ изъ отроговъ подступаетъ совсѣмъ близко къ дорогѣ, словно стремясь оттѣснить ее къ самой рѣкѣ, и она покорно побѣжала къ мутнымъ волнамъ Баксана, прижимаясь къ отвѣснымъ обрывамъ мощной толщи отложеній делювія, въ которыхъ углубила свое русло рѣка, и по узкому бревенчатому мосту, саженъ съ десятокъ длиною, перешла въ котловинно-образно расширяющуюся современную равнинную долину Баксана.

*) Крупные кирпичи изъ необожженной глины, смѣшанной съ коровьимъ пометомъ; зданья, сооруженныя изъ нихъ, теплыя, но съ тяжелымъ воздухомъ.

ГЛАВА III.

Привалъ надъ прохладными струями Баксана.—Прощальный взглядъ на Эльбрусъ.—Въ знойный полдень по надъ многоводной рѣкой.—У околицы большого селенія (Атажукино 2-е).—За кружкой пива у моста.—На лѣвомъ берегу Баксана (Атажукино 1-е).—Остатки былого укрѣпленія.—У подножья краевыхъ высотъ «горы окаменѣлыхъ собакъ и свиней».—Могила героя.—Долина Гундулена.—Печать безмолвія (древніе могильники).—Въ тѣснинѣ у входа въ ущельѣ Баксана.—Наслѣдіе швейцарца.—Не стерпѣло казацкое сердце.—Къ древнимъ террасамъ Баксана.—Шалости горнаго потока.—Страстные рыболовы.—У мызы Наурузова.—Тріумфальная уха.—Подъ рокотъ волнъ.

Въ 9 часовъ 30 минутъ утра мы были, наконецъ, у тихой пристани. Выбравъ поудобнѣе поросшее травкой мѣстечко въ сторонѣ отъ дороги и поближе къ рѣкѣ, мы разбили здѣсь свой бивуакъ. Съ помощью телѣгъ и бурокъ была сооружена сносная защита отъ солнца, гдѣ можно было свободно растянуться въ ожиданіи чая на разостланной полости и поразмять затекшіе отъ долгаго сидѣнія члены. Теперь уже никто не мѣшалъ нашему фотографу по всѣмъ правиламъ искусства снимать въ самыхъ живописныхъ позахъ молодыхъ и старыхъ буйволовъ, нѣжившихся въ прохладныхъ струяхъ рѣки. Молодежь перебралась къ самому берегу и, богатырски разметавшись прямо на солнцепекѣ съ грудью, открытой для дѣйствія лучей и свѣжаго, влажнаго воздуха, скоро забыла, казалося, въ сладкомъ снѣ, все на землѣ. Кто былъ посолиднѣе—прилегъ въ тѣни, не будучи въ силахъ бороться съ дремотой. Лысенковъ по-военному распоряжался своей небольшой казачьей командой и суетился по хозяйству. Справа долина рѣки окаймлялась высокими склонами, довольно густо поросшими кустарниками, и только внизу выступали немного обнаженія мѣловыхъ, повидимому известняковъ со слабымъ паденіемъ на N O и совершенно спокойно пластующихся, какъ это хорошо оттѣняла укрѣпившаяся корнями по линіямъ пластованія травянистая и кустарниковая растительность. Слѣва внизъ и вверхъ по теченію рѣки тянулись почти отвѣсныя стѣны мощныхъ мореноподобныхъ на первый взглядъ отложеній, гдѣ мергелистыя глины и конгломераты крупнаго галечника подстилались толщами слабо сцементированнаго, слабо обработаннаго мелкаго галечника, чередующагося съ сравнительно топкими пропластками сѣроватаго въ верхнихъ частяхъ и розоватаго въ нижнихъ грубо зернистаго песчаника. Надъ ними глазъ различалъ волнистыя очертанія затканныхъ луговой зеленью предгорій, сливавшихся гдѣ-то вдали съ синевою подернутыхъ легкою мглою небесъ съ упирающимися въ нихъ двумя бѣлоснѣжными маковками Эльбруса, словно бросавшихъ на насъ прощальный, полный загадочности взглядъ.

Тяжело было въ полдень трогаться въ путь. Зной палилъ, и даже близость рѣки не давала живительной прохлады. Лошади шли неохотно, и, хотя черезъ какую-нибудь версту дорога уже пролегала по обрамленнымъ садами улицамъ хутора Атажукина, мы подвигались впередъ очень медленно, такъ-что только къ часу добрались до околицы Атажукина 2-го, большого кабардинскаго селенія, широко раскинувшагося главнымъ образомъ по крутымъ отрогамъ Кузъ-буруна и носящаго на себѣ ясные слѣды зажиточности обывателей и долголѣтняго общенія съ осѣдлымъ русскимъ населеніемъ.

ЧЕРТОВЪ МОСТЪ НА Р. БАКСАНЪ.

1021

Почти у самаго моста, перекинутаго здѣсь довольно высоко надъ водой въ сильно суживающейся части долины Баксана, красовался чистенькій придорожный трактирчикъ-духанъ подъ нарядною черепичною крышей среди опрятнаго дворика съ садикомъ и огородомъ. Тамъ мы нашли холодное пиво и морсъ для утоленія мучившей насъ жажды въ данный моментъ и прекрасные привозные арбузы, которые обѣщали доставить намъ нѣсколько пріятныхъ минутъ въ недалекомъ будущемъ. Пополнивъ свои припасы и нѣсколько освѣжившись, около двухъ часовъ дня мы покинули, наконецъ, столь долго задержавшую насъ котловину и, переѣхавъ по прочно сколоченному бревенчатому мосту, перебрались снова на лѣвобережную равнинную террасу.

Верстахъ въ пяти отъ моста опять замелькали туземныя постройки,— это было Атажукино 1-е, занимающее ближайшія къ рѣкѣ части террасы и прибрежные склоны ея. По меньшей мѣрѣ версты на двѣ вдоль дороги влѣво отъ насъ протянулась, точно по шнуру, линія однообразныхъ маленькихъ низенькихъ саманныхъ домиковъ съ плоскими крышами и рѣдкими древесными насажденіями, а напротивъ, приблизительно на серединѣ пути, на вытоптанной скотомъ и выжженной солнцемъ полянкѣ, въ сторонѣ отъ дороги, высились одиноко два вновь построенныхъ свѣтлыхъ, просторныхъ каменныхъ зданія—сельское правленіе и школа при мечети,—достойная дань времени. Три, четыре оригинальныхъ коновязи,—вотъ все, что тогда напоминало о близкомъ сосѣдствѣ общественнаго учрежденія среди пустынной площади въ страдную лѣтнюю пору. А со стороны ближайшихъ склоновъ тянулись бѣловатыми полосами мощные выносы мелко раздробленнаго известняковаго матерьяла, обрамляя зеленѣющія подножья невысокимъ барьеромъ свѣже формирующагося мергеля, въ толщѣ котораго струились небольшіе ручьи.

Селеніе осталось позади. Недалеко отъ него поперекъ всей террасы тянулся, пересѣкая дорогу, видимо нѣкогда искусственно вырытый ровъ съ остатками земляного вала; а вдоль вала, по направленію къ Баксану, виднѣлись почти сравнявшіяся съ землею развалины селенія —старое кладбище.

Мы отъѣхали отъ Пятигорска уже верстъ на шестьдесятъ пять. На дорогу легли густыя тѣни: надъ ней съ запада обрывались теперь своими крупными склонами краевыя высоты южной террасы широкаго открытаго и волнистаго Бечесанскаго плоскогорія Хара-Кора и Зіеко. Представляя своими зелеными шапками, то раздвоенными, то округло или усѣченно-коническими, въ сущности только болѣе значительные и рѣзче выраженные холмы въ ряду другихъ, едва замѣтныхъ, когда смотрѣть на слабо и постепенно поднимающееся къ югу плоскогорье со стороны сѣверныхъ равнинъ,—здѣсь въ вертикальномъ поперечномъ разрѣзѣ онѣ обрисовывались довольно явственно надъ сползавшими тамъ и сямъ по ихъ травянистымъ склонамъ внушительными крупнообломочными осыпями съ хаотически нагроможденными огромными неправильно угловатыми каменными глыбами, напоминавшими по внѣшнему виду изверженную, богатую кварцевыми зернышками породу*). Мѣстами такія

*) Хара-Кора по кабардински означаетъ «гора окаменѣлыхъ собакъ и свиней»

глыбы одиноко лежали въ сторонѣ отъ дороги, какъ безмолвныя свидѣтельницы для наблюдательнаго путника о далекомъ прошломъ, когда подобный имъ, буроватый плотный известнякъ, уцѣлѣвшій теперь островками на вершинахъ сосѣднихъ холмовъ, покрывалъ несравненно большія пространства, пока не былъ низведенъ до теперешней своей скромной роли неутомимою работою текучихъ водъ.

А влѣво отъ насъ искрился на солнцѣ въ узкомъ своемъ ложѣ Баксанъ и въ его мутныя волны смотрѣлись теперь отвѣсной стѣной пласты принадлежащихъ уже мѣловой системѣ известковыхъ мергелей, чистаго мѣла и известняковъ, то сѣроватыхъ, то съ синевато-зеленоватымъ отливомъ, то съ розоватой и буровато-красной окраской, обязанной своимъ появленіемъ присутствію окисловъ желѣза. По границамъ ихъ на узкихъ карнизикахъ лѣпилась травянистая и кустарниковая растительность и мѣстами, въ особенности тамъ, гдѣ рѣка своимъ теченіемъ успѣла врѣзаться уступами съ обращенной на сѣверъ боковой поверхностью, ивняки и березнякъ до самой воды свѣшивали гибкія вѣтви, купая въ холодныхъ струяхъ нѣжные листочки.

Такъ тянулись они верстъ на десять со слабымъ уклономъ на сѣверъ, не превышающимъ 12—15 градусовъ, совершенно спокойно налегая другъ на друга безъ малѣйшихъ слѣдовъ какихъ-либо возмущеній. И казалось, что лучшаго мѣста покоя трудно было-бы сыскать благодарнымъ потомкамъ для погребенья своего героя, надъ могилой котораго они на зеленой полянѣ насыпали высокій курганъ, весь покрытый шелковистой травой, водрузивъ на вершинѣ тесанный камень въ видѣ скрижали съ подновленными, видимо, недавно разноцвѣтными надписями и изображеніями различныхъ аттрибутовъ лихого джигита.

Горы постепенно начали отступать къ юго-западу. Вотъ налѣво въ ложбинкѣ сверкнулъ серебристою змѣйкою небольшой рѣчной отводъ къ маленькой мельницѣ, окруженной вѣтвистыми ивами. Какой-то свѣжестью повѣяло вокругъ. Веселѣе глядѣла густая ярко зеленая травка. Еще нѣсколько минутъ пути, и мы въ залитой солнцемъ, открытой къ западу и расширяющейся въ видѣ треугольника концевой части долины р. Гунделена. Сажени двѣ въ ширину, вполнѣ доступный для переправы вбродъ, почти свободный отъ мути плавно катилъ онъ свои воды на встрѣчу Баксану въ низкихъ берегахъ посреди роскошныхъ луговъ, кое гдѣ уже тронутыхъ острой косой и покрытыхъ стогами душистаго сѣна.

Въ четверть пятаго наши подводы остановились на правомъ берегу рѣки подлѣ группы оригинальныхъ намогильныхъ памятниковъ, числомъ около пятнадцати. Въ расположеніи ихъ нельзя было уловить какой-либо признакъ опредѣленной системы, но по формѣ всѣ они—и большіе, и маленькіе—походили одинъ на другой и представляли довольно правильныя сложенныя изъ тесаннаго мѣлового известняка восьмигранныя усѣченныя, мало отличающіяся отъ прочихъ, пирамиды отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ сажени высотой, около 7 аршинъ въ периметрѣ, увѣнчанныя соотвѣтственными выпукло-пирамидальными шапками изъ такихъ-же известковыхъ небольшихъ плитокъ съ насаженнымъ на

ВИДЫ

Гунделеновскій памятникъ.

Валуны въ долинѣ Баксана.

БАКСАНА

верхушкѣ шаромъ. Тамъ и сямъ были видны слѣды прежней ограды, окаймлявшей этихъ безмолвныхъ свидѣтелей прошлаго; огромныя бреши въ стѣнахъ указывали на хозяйничаніе здѣсь или искателей кладовъ, или ученыхъ археологовъ, научныя изысканія которыхъ, если и видѣли свѣтъ, то во всякомъ случаѣ на страницахъ недоступныхъ для широкихъ слоевъ общества изданій. Теперь тамъ находятъ себѣ пріютъ стаи летучихъ мышей, и одурящій специфическій запахъ заставляетъ поспѣшно отпрянуть назадъ всякаго, кто вздумалъ-бы со свѣжаго воздуха просунуть туда слишкомъ любознательную голову. Руины древней ограды поросли высокой травой. Густой мохъ облѣпилъ пирамидальныя шапки. Все носило безмолвія печать. И пытливая мысль напрасно терялась въ догадкахъ предъ могильною тайною давно минувшихъ вѣковъ*).

Прямо съ сѣвера смотрѣли на нихъ живописно размытыя водой на нѣсколько отдѣльныхъ зеленыхъ шапочекъ усѣченно-конической формы высоты сосѣднія съ Хара-Кора горы Зіеко, по-кабардински «кизиловой», богатой, вѣроятно въ прежнее время кизиловыми зарослями, отъ которыхъ теперь сохранились лишь жалкіе остатки въ бороздящихъ крутые склоны ложбинкахъ. И только нѣсколько западнѣе глазъ могъ отдохнуть на густой зелени сада, среди которой залитый лучами солнца красиво выдѣлялся окруженный пирамидальными тополями дворецъ княгини Атажукиной надъ плавно катящимися струями Гунделена, омывающаго довольно крутой и высокій въ томъ мѣстѣ свой лѣвый берегъ.

Въ 4 часа 50 минутъ дня мы тронулись въ дальнѣйшій путь по прекрасно укатанной дорогѣ среди роскошныхъ луговъ, незамѣтно поднимаясь въ юго-западномъ направленіи, параллельно Баксану, протекавшему на версту влѣво отъ насъ. Справа начали подступать, какъ-бы загибаясь къ юго-востоку, окаймлявшіе раньше съ юга долину рѣки, горы Гунделена, входящія въ общемъ составѣ южной террасы Бечесанскаго плоскогорья, краевыми высотами которыхъ надъ предгорной полосой и являются въ числѣ другихъ Зіеко и Хара-Кора. Сложенные изъ песчано-глинистыхъ, подстилаемыхъ темнаго цвѣта известняками, породъ, передовые уступы Гунделеновскихъ горъ почти отвѣсной грязно-бурой стѣной въ нѣсколько десятковъ саженъ высились надъ долиной, окаймленные въ основаніи своемъ густо задерненными осыпями, и въ причудливо размытыхъ водными потоками верхнихъ частяхъ своихъ производили впечатлѣніе то грозныхъ бастіоновъ съ башнями и бойницами, то исполинскихъ блокгаузовъ съ узкими проходами—тѣснинами къ зеленѣющимъ вдали на сосѣднихъ высотахъ привольнымъ роскошнымъ лугамъ.

Черезъ полъ-часа мы были уже въ довольно суженномъ мѣстѣ долины Баксана. Къ самой дорогѣ вплотную подступили полуобнаженныя скалы грязъ-

*) Совершенно подобной-же архитектуры восемь памятниковъ, прекрасно сохранившихся, окруженныхъ тройнымъ кольцомъ сильно разрушенной каменной ограды, мнѣ пришлось наблюдать въ августѣ 1907 г. по дорогѣ изъ Атажукина 2-го въ Нальчикъ, близь сел. Куденетова, въ долинѣ Чегема при выходѣ его на плоскость, приблизительно на одной широтѣ съ Гунделеновскими памятниками, но только верстъ на 25 восточнѣе.

но-желтыхъ известняковъ, обнаруживающихъ въ своемъ залеганіи лишь слабо волнистую изогнутость. Дорога поднялась сравнительно высоко надъ убѣгавшей вдаль долиной Гунделена. Известково-песчано-глинистыя толщи, выступавшія еще такъ недавно предъ нами въ прихотливо размытыхъ водою формахъ, теперь отступили какъ-то назадъ, и, казалось, вся свита пластовъ, затканныхъ сверху сплошнымъ луговымъ ковромъ, была сложена уже только изъ однихъ вышеупомянутыхъ известняковъ, продолжающихся на противоположномъ берегу, гдѣ такъ рѣзко бросалось въ глаза ихъ отличіе въ окраскѣ отъ спускающихся прямо въ волны рѣки охристо-желтыхъ и буровато-розовыхъ пластовъ мѣловой системы, составляющихъ непосредственное продолженіе раньше отмѣченной свиты, имѣющей сѣверное паденіе, или вѣрнѣе сѣверо-восточное подъ угломъ 12—15 градусовъ, по сравненію съ которымъ указываемые нами придорожные пласты представлялись чрезвычайно слабо падающими къ сѣверу. Вотъ, наконецъ, и первая на нашемъ пути тѣснина, образованная слишкомъ близко подступающими съ двухъ сторонъ береговыми громадами, словно собирающимися совершенно поглотить неугомонный Баксанъ, проложившій себѣ путь среди нихъ непрестанной упорной борьбой. Наша дорожка вьется по скалистому карнизу на высотѣ нѣсколькихъ десятковъ саженъ надъ шумящей глубоко внизу рѣкой, окаймленной почти отвѣсно обрывающимися береговыми скалами, съ ютящейся на нихъ скромной растительностью. Въ придорожныхъ разрѣзахъ начала обрисовываться красивая пологая складчатость головныхъ частей известняковыхъ пластовъ, относящихся уже къ нижнему отдѣлу мѣловой системы, обусловливающихъ, повидимому, своей тектоникой и самый рельефъ окружающей мѣстности, открывавшейся теперь передъ нами въ достаточной степени направо и налѣво. Напрасно глазъ сталъ бы искать въ этомъ, слегка всхолмленномъ и нѣсколько приподнятомъ къ югу, плоскогоріи съ мягкими склонами небольшихъ травянистыхъ, какъ и все оно, ложбинокъ—рѣзкія очертанія скалистыхъ хребтовъ. Оно постепенно, лаская взоръ мягкими контурами своего рельефа, взбѣгало къ югу со своими тучными пастбищами, сливаясь въ синѣющей дали съ конечными гранями того сплошного величественнаго ландшафта, который развертывается предъ восхищеннымъ взоромъ путника со степей Пятигорска въ видѣ громадной слабо ступенчатой террасы съ ея Бирмамытомъ, Хассаутомъ и многими другими высотами, обрамленной съ юга снѣжной линіей исполинской цѣпи Кавказскихъ горъ.

Прижатые нависшими скалами къ высокому обрывистому лѣвому берегу Баксана, мы спускаемся, покинувъ на казаковъ экипажи, по довольно крутой каменистой тропѣ къ небольшой въ это время года рѣчонкѣ Хаюко. Она беретъ начало на склонахъ сосѣднихъ высотъ Шукуртула и Хаюко и, проложивъ себѣ путь по слабо намѣченному синклинальному изгибу въ известняковыхъ, довольно богатыхъ окаменѣлостями, пластахъ и среди лугового покрова къ береговымъ откосамъ Баксана, постепенно значительно углубила свое русло, чѣмъ и вызвано такое большое пониженіе уровня самой тропы; разливаясь тонкимъ слоемъ воды по расширенной известняковой желобовидной пло-

щадкѣ, она стекаетъ затѣмъ небольшими чистыми струями съ высоты 15—20 саженъ на второй уплощенный уступъ, находящійся на днѣ довольно широкаго каньона, промытаго ею-же самой въ бурные періоды весенняго и лѣтняго таянья снѣговъ, чтобы уже оттуда, падая нѣсколькими небольшими каскадами, добраться, наконецъ, до мутныхъ волнъ Баксана.

Было всего 5 часовъ 30 минутъ пополудни. Солнце еще озаряло своими лучами ущелье Баксана, смѣнившее оставшуюся позади насъ расширенную часть его долины. Минутъ черезъ десять, описавъ порядочную дугу, мы были уже выше того мѣста, съ котораго незадолго передъ тѣмъ начали свой спускъ. Точно семь братьевъ въ лучахъ пурпурнаго заката вырисовывались вдали позади насъ, вытянувшись въ сѣверо-восточномъ направленіи, причудливыя зеленыя шапки Зіеко и Хара-Кора. Направо рогатка преграждала путь на верхъ по небольшой сухой луговой ложбинкѣ, на склонахъ которой возвышались стоги свѣже-скошеннаго сѣна; налѣво, за такой-же рогаткой, убѣгала внизъ къ рѣкѣ, теряясь въ древесной заросли, дорожка къ краснѣвшему среди высокихъ тополей надъ самой рѣкой зданью стараго сыроваренаго завода*), окруженнаго, точно крѣпостца, высокой каменной оградой съ внушительными воротами.

Еще одинъ спускъ, и намъ пересѣкаетъ путь небольшой ручеекъ, ниспадающій на дорогу съ маленькаго уступа, за которымъ по направленію къ верху можно различить рядъ подобныхъ ступеней каменной лѣстницы, промытой въ лежащихъ почти горизонтально пластахъ желтоватыхъ известняковъ, обнаруживающихъ и здѣсь слабо выраженный синклинальный изгибъ, пока узкая чернѣющая разсѣлина не скроетъ совершенно изъ поля зрѣнія дальнѣйшихъ частей ручья. Известняковыя грязно-желтыя скалы угрюмо высятся надъ вашей головой, уходя куда-то далеко, далеко. Причудливыя пещеры съ буроватыми потеками на стѣнахъ смотрятъ на васъ глубоко ввалившимися очами. Жизнь какъ-то замерла на холодныхъ безмолвныхъ утесахъ. Но вотъ прорѣзываетъ ихъ тихо журчащій ручей, и дыханье жизни вливается въ недвижныя твердыни. Густо вѣтвящіеся кустарники и ярко зеленыя куртинки шелковистой травки облѣпляютъ склоны и сосѣдніе участки, а пышные цвѣты свѣшиваются своими чашечками, купая ихъ въ серебристыхъ брызгахъ падающихъ съ уступа на уступъ струй слишкомъ жесткой для питья воды отъ избытка растворенныхъ въ ней извести и магнезіи.

*) Лѣтъ пятнадцать тому назадъ здѣсь основался со своей семьей патріархальнаго уклада жизни одинъ швейцарецъ изъ нѣмецкихъ кантоновъ, нѣкто Лютце и, оцѣнивъ, совершенно справедливо богатство, представляемое здѣшними великолѣпными пастбищами, поставилъ на широкую ногу молочное хозяйство до приготовленія швейцарскаго сыра включительно, мало чѣмъ отличавшагося по своимъ качествамъ отъ гордости его далекой родины. Онъ сумѣлъ снискать симпатіи и довѣріе окрестныхъ горцевъ, которые и являлись для надобностей завода главными поставщиками молока; черезъ нѣкоторое время продвинулся верстъ на двадцать вверхъ по Баксану, гдѣ представлялась возможность еще болѣе улучшить качество изготовляемаго сыра за счетъ высокихъ качествъ пастбищнаго корма, и вотъ высоко надъ широкой долиной, на крутомъ берегу быстраго горнаго ручья выросъ новый заводъ, обширнѣе прежняго. Въ непогоду или просто ночною порой запоздалые туристы могли встрѣтить тамъ радушный пріемъ въ чистенькомъ домѣ хозяина, оберегаемомъ огромными сердитыми стражниками. На столѣ появлялось ароматно дымящееся кофе,

Никто почти не садился въ экипажи, предпочитая, пользуясь прохладой, итти пѣшкомъ и любоваться величественной картиной прорѣзанныхъ могучею силой Баксана громадъ, на отвѣсныхъ стѣнахъ которыхъ, точно въ видѣ контраста интенсивному денудаціонному процессу мѣстами отчетливо выступаютъ красивые изгибы плоскихъ синклиналей, переходящихъ въ такія-же антиклинали. Немного поднявшись въ гору, мы вскорѣ должны были сдѣлать новый, еще большій противъ прежняго спускъ, на этотъ разъ уже почти къ самому Баксану. Небольшой барьеръ изъ валуновъ, не занесенныхъ даже какъ слѣдуетъ пескомъ, отдѣляетъ отъ быстрыхъ мутныхъ волнъ рѣки маленькое придорожное озеро съ отстоявшейся прозрачной водой. Намъ было видно прямо съ дороги, какъ играла въ спокойныхъ холодныхъ струяхъ форель. Не утерпѣлъ одинъ изъ казаковъ, засучилъ рукава и въ сапогахъ бросился въ воду за беззаботной игруньей; но она проворно метнулась въ сторону и скрылась въ замутненныхъ струяхъ, оставивъ ни съ чѣмъ неудачнаго ловца, встрѣченнаго веселымъ смѣхомъ станичниковъ.

Дорожка сильнѣй и сильнѣй прижималась къ отвѣснымъ скаламъ, вздымавшимся надъ ней на десятки саженъ почти лишенной растительности грозной стѣной. Сырымъ и холоднымъ дыханьемъ обдавала рѣка наши лица; сыростью вѣяло и отъ молчаливыхъ громадъ, облѣпленныхъ по трещинамъ густымъ и влажнымъ мохомъ. Баксанъ сузилъ свое ложе до $1^1/_2$—2 саженъ и зарылся однимъ многоводнымъ и бурнымъ потокомъ глубоко въ каменное ложе выступающихъ мощными пластами доломитизированныхъ верхнеюрскихъ известняковъ, которые подстилаютъ собой широко развитую по Баксану и, повидимому, вполнѣ согласно налегающую на нихъ толщу мѣловыхъ отложеній.

Въ 6 часовъ 20 минутъ вечера мы принуждены были свернуть по мосту на правый берегъ Баксана, такъ-какъ дальнѣйшій путь на лѣвомъ берегу на протяженіи еще 4—5 саженъ пролегалъ по дну низко-сводчатой, открытой къ рѣкѣ галлереи съ закопченными стѣнами и многочисленными слѣдами пребыванія укрывающихся тутъ отъ непогоды и въ ночную пору погон-

---

приготовленное дочерью хозяина, чудный сыръ, свѣжій домашній хлѣбъ, великолѣпное масло, густое молоко, и подъ звуки стариннаго піанино и швейцарской пѣсни забывалась скоро усталость и бѣжало незамѣтно время. Года три тому назадъ старикъ переѣхалъ на житье въ Закавказье къ землякамъ, а все дѣло передалъ двумъ зажиточнымъ горско-татарскимъ фамиліямъ Мамышевыхъ и Дадашевыхъ. Въ августѣ 1907 года, застигнутый въ сумеркахъ надвигавшейся грозой, я со своими путниками, послѣ долгихъ переговоровъ черезъ запертые на крѣпкіе засовы ворота, нашелъ временный пріютъ въ комнатахъ опустѣвшаго дома ближняго завода. Мрачно смотрѣли голыя стѣны на позднихъ гостей, нарушившихъ покой сваленныхъ въ комнатахъ въ кучу кабардинскихъ сѣделъ и конской упряжи съ серебряной насѣчкой, и томительно долго тянулась короткая лѣтняя ночь. На второмъ заводѣ и теперь еще можно достать хорошій сыръ по сорокъ копѣекъ за фунтъ, но молодое дѣло, попавшее въ неокрѣпшія руки, какъ-то замираетъ, угрожая совсѣмъ свестись на нѣтъ. А между тѣмъ оно могло-бы имѣть, при другихъ условіяхъ, огромную будущность. Перекинуть мосты черезъ бурные во время дождей и таянья снѣговъ горные ручьи, исковеркавшіе прекрасную въ общемъ природную колесную дорогу, не потребовало-бы особенныхъ затратъ, которыя сторицею возвратились-бы при нормально развивающемся дѣлѣ, которое создало-бы цѣлую отрасль въ мѣстномъ хозяйствѣ, и поднялобы благосостояніе населенія.

щиковъ баранты съ овцами и осликами, а затѣмъ выклинивался совершенно, обрываясь къ рѣкѣ на высотѣ трехъ-четырехъ аршинъ надъ поверхностью воды. Маленькій мостикъ ходуномъ ходилъ подъ ногами, а Баксанъ страшно ревѣлъ, точно звѣрь, заключенный въ желѣзную клѣтку, и съ замѣтнымъ уклономъ бѣшенно мчался впередъ, весь покрытый грязною пѣною и грохоча камнями, передвигаемыми по порожистому ложу. Только нѣсколько массивныхъ глыбъ нарушало безпрепятственный бѣгъ ярыхъ волнъ, и онѣ, ударяясь сердито о каменную грудь, съ шумомъ перекатывались въ нижележащіе водовороты, высоко взлетая своими гребнями и обдавая все окружающее настоящимъ дождемъ распыленныхъ искристыхъ брызгъ. А на правомъ берегу горные склоны сверкали яркою зеленью и крупные откосы окаймляющихъ ихъ осыпей были усѣяны крупными цвѣтами.

Вдоль праваго берега Баксана тянулся небольшой высоты и довольно узкій валъ изъ окатанныхъ камней; во время половодья рѣка, видимо, сплошь покрываетъ его своими волнами, ударяясь непосредственно въ примыкающую къ нему мощную продольную террасу изъ древнихъ рѣчныхъ отложеній и быть можетъ, представляющую остатки матерьяла, выполнившаго сравительно небольшое озеровидное расширеніе этой части долины Баксана, образовавшееся въ тѣ далекія времена, когда рѣка впервые должна была пріостановить свой бѣгъ, встрѣтивъ на своемъ пути серьезное препятствіе со стороны выступившихъ пластовъ плотныхъ горныхъ породъ, она преодолѣла его только впослѣдствіи, углубивъ предварительно свое русло въ толщѣ, сю-же самой отложенныхъ осадковъ и прорѣзавъ каменный барьеръ, въ стремительномъ теченіи она унесла далеко примыкавшій къ лѣвому берегу древней первичной долины рыхлый матерьялъ, въ то время какъ на правомъ берегу ея до сихъ поръ уцѣлѣли тѣ отложенія въ видѣ современной террасы, покрытой рытвинами, медленно, но непрестанно размываемой атмосферными водами, но сохранившей и понынѣ характерныя черты своего происхожденія.

Небольшія зеленѣющія плато смѣнялись болѣе или менѣе пологими ложбинками. Впадающая въ Баксанъ въ полуверстѣ отъ моста р. Буру-колъ, вырвавшись изъ сосѣдняго ущелья, не превосходила въ это время года своими размѣрами обыкновеннаго, довольно спокойнаго горнаго ручья, и если-бы не глубоко врѣзавшееся въ подлежащія толщи ложе ея, сплошь заваленное крупными, принесенными съ верховьевъ камнями, то само названіе рѣки могло-бы показаться ироническою насмѣшкой въ отношеніи ея. Зато рѣка Бедыкъ, пересѣкающая дорогу верстахъ въ двухъ отъ предыдущей, доставила намъ не мало хлопотъ и своими крутоскатными берегами, и довольно значительнымъ многоводьемъ своего загроможденнаго камнями русла, угрожавшаго намъ ежеминутно и опасностью принять холодную ванну при эквилибристическихъ упражненіяхъ по скользкой поверхности покрытыхъ водорослями камней, и не болѣе заманчивой перспективой поломки оглобли или колесъ нашихъ тяжелыхъ фургоновъ. Послѣ дождей она превращается въ настоящую «бѣшенную балку» и значительные выносы, песку и камней, которые производитъ она тогда, не только образуютъ мощные конусы накопленія въ ея

устьѣ, но продвигаются болѣе или менѣе далеко по самому ложу Баксана подъ тѣмъ или инымъ угломъ къ теченію его; если этимъ не вызывается еще полная запруда рѣки, то во всякомъ случаѣ возникаетъ довольно внушительная преграда, которую рѣкѣ бываетъ не такъ-то легко преодолѣть, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ времени; вслѣдствіе уменьшенія угла паденія загроможденнаго выносомъ ложа рѣки, скорость движенія воды замедляется, рѣка начинаетъ сама интенсивнѣй отлагать проносившіяся раньше ея волнами во взвѣшенномъ состояніи твердыя частицы, что вызываетъ общее поднятіе ея ложа, и широко разливается въ стороны, подмывая старыя береговыя массы и образуя такъ любимыя рыбой тихія заводи.

Въ 6 часовъ 45 минутъ мы уже весело карабкались напрямикъ по затканнымъ сочной травой и цвѣтами террасо-образнымъ уступамъ высокаго лѣваго берега рѣки Бедыка на довольно обширное плато, нѣсколько выше расположенное, чѣмъ встрѣченныя нами незадолго передъ тѣмъ, но сохранившее въ своихъ даже наиболѣе равнинныхъ частяхъ извѣстный уклонъ къ сѣверо-востоку, въ направленіи теченія Баксана. Правый берегъ Бедыка былъ почти лишенъ растительности, но совсѣмъ свѣжія обнаженія на его крутыхъ склонахъ, въ связи съ уцѣлѣвшими тамъ и сямъ кустиками травки и цвѣтовъ, наводили на мысль о вѣроятности сравнительно недавняго разрушительнаго процесса, произведеннаго разбушевавшимся Бедыкомъ. Съ высоты плато, по которому пролегалъ нашъ путь, были хорошо видны и тихія заводи Баксана, обязанныя своимъ происхожденіемъ все тѣмъ-же проказамъ Бедыка, на что ясно указывалъ огромный выносъ въ его устьѣ, который еще не успѣли размыть и снести Баксанскія волны.

При видѣ этихъ заводей, наши казаки-рыболовы не могли удержаться отъ соблазна, и попросили разрѣшенія наловить для ужина свѣжей форели, условившись о мѣстѣ ночлега. Съ ними пошелъ и нашъ спутникъ-сибирякъ г. Націевскій (изъ Харбина), а мы, не торопясь, продолжали свой путь, такъ-какъ на сосѣднемъ красивомъ равнинномъ плато, возвышавшемся за ближайшей ложбиной въ видѣ необыкновенно живописной террасы съ тучными лугами, уже виднѣлся двухъ-этажный бѣлый домъ въ огороженной крѣпкими стѣнами усадьбѣ князя Наурузова, какъ-бы запиравшей входъ въ зіявшую за ней тѣснину. Въ 6 ч. 55 м. вечера мы переѣхали еще одну небольшую рѣчонку Ташуко, протекающую по ложбинѣ съ пологими округленными склонами, а въ 7 часовъ вечера по пятигорскому времени были уже на зеленой лужайкѣ довольно широкой въ томъ мѣстѣ береговой террасы со скошенными копнами сѣна. Круто къ намъ спускались склоны слѣдущей террасы, на которой, господствуя надъ ущельемъ, бѣлѣла княжеская усадьба. Тихо журчалъ, разбившись на нѣсколько вѣтвей по травянистому ложу, небольшой ручеекъ Гедгафукъ, сбѣгающій съ сосѣднихъ горъ и обтекающій съ востока и сѣверо-востока усадьбу, обслуживая ея хозяйственныя нужды. Вокругъ высились, близко подступая другъ къ другу, скалистыя стѣны съ кое гдѣ ютящейся кустарниковой и травянистой зарослью отроговъ Алты-аяка (2071 м.) со стороны запада и нѣсколько болѣе отодвинутаго отъ долины Баксана Бедыкъ-

шаха (1927 м.) съ восточной стороны. Становилось прохладно и сыро. Быстро надвигался вечерній сумракъ, въ которомъ сливались въ одну громаду неясныя очертанія горъ. Въ синевѣ далекаго неба, отъ котораго намъ былъ видѣнъ лишь небольшой клочекъ, зажглись звѣзды, задумчиво сіяя надъ отходящяй ко сну землей. Затрещалъ костеръ разложенный казаками. Вскорѣ закипѣлъ чайникъ. Вернулись наши рыболовы, и мы на славу поужинали чудной ухой изъ жирной баксанской форели. Часамъ къ девяти стихло все на бивуакѣ. Раздавалось только изрѣдка бряцаніе цѣпочекъ стреноженныхъ коней, пущенныхъ на пастьбу подъ присмотромъ дозорнаго казака, да Баксанъ подлѣ шумѣлъ своими незнающими покоя волнами.

ГЛАВА IV.

Въ каньонахъ Баксана.—Пробуждающійся день.—«Доброе утро»! Эльбрусу.—У границы сѣверныхъ поселеній горскихъ баксанскихъ татаръ.—На лонѣ природы.—Озероковская котловина.—Ирригаціонная система у туземцевъ.—На берегахъ р. Кесанты.—Памятникъ христіанской старины.—За неводомъ.—Свадебный кортежъ.—Среди сланцевъ и гипсовъ.—Красавецъ Тетнульдъ.—Башни смерти.—Куркужанъ.—Въ тихихъ заводяхъ.—Обманутыя надежды.—Сила женской любви.

30-го іюля въ 4 часа утра, когда въ ущельѣ еще чуть брезжилъ свѣтъ, мы тронулись въ дорогу. Термометръ показывалъ 16° С., но въ общемъ было довольно таки свѣжо, а холодная вода Баксана заставила зардѣться румянцемъ наши лица. Только единичные представители нашей кампаніи выражали нѣкоторое неудовольствіе на жесткость ложа и неминуемую опасность полученія по крайней мѣрѣ насморка, благодаря неудачному выбору мѣста для ночлега. Приходилось отмалчиваться и возложить всѣ надежды на опытъ прежнихъ лѣтъ и на то, что, авось, горы не выдадутъ. Такъ оно, къ счастью, и вышло, опасенія относительно насморка оказались напрасными, а что ночевки на свѣжемъ воздухѣ, среди душистаго сѣна, подъ открытымъ, усѣяннымъ звѣздами небомъ влили всѣмъ въ организмъ послѣ городской духоты и сутолоки не мало живительной бодрости,—противъ этаго въ концѣ концовъ никто и не пытался возражать. Давленіе по анероиду выражалось 67,2 сентим., что при введеніи поправки на температуру давало приблизительно 1050 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Такимъ образомъ, отъѣхавъ за $1^1/_2$ дня отъ Пятигорска на 85 верстъ и отстоя отъ него по прямой линіи не далѣе, какъ на 55 верстъ, мы успѣли подняться надъ нимъ всего на 350—400 метровъ.

Отъѣхавъ немного отъ мѣста ночлега, мы спустились къ пятисаженному мосту, умѣло переброшенному черезъ бурный Баксанъ въ видѣ двухъ крупныхъ и упругихъ сосновыхъ стволовъ съ настилкой изъ такихъ-же, только болѣе короткихъ и тонкихъ бревенъ. Одиноко-торчащая со дна рѣки большая скала коренной породы, какъ нѣмой свидѣтель пережитой ожесточенной борьбы ярыхъ волнъ съ преграждавшимъ имъ путь каменнымъ барьеромъ, разсѣкала на двѣ неравныхъ части теченіе Баксана и служила прекраснымъ промежуточнымъ устьемъ, ослабляющимъ до извѣстной степени сотрясенія покоющагося на ней сооруженія. Мостъ упирался прямо въ отвѣсныя известковыя громады, причудливо обточенныя водою и изъѣденныя длительнымъ процессомъ вывѣтриванія. Онѣ совсѣмъ низко нависали надъ высѣченной у подножья ихъ надъ самой рѣкой дорогой, при крутомъ поворотѣ которой на начинающійся вслѣдъ затѣмъ подъемъ, дѣлалось положительно невозможнымъ пребываніе на высоко нагруженномъ фургонѣ, угрожающее цѣлости головъ сѣдоковъ. Въ этомъ мѣстѣ теченіе Баксана имѣетъ крутую излучину къ западу, пролагая себѣ путь на протяженіи около пяти верстъ въ живописномъ каньонѣ.

Известковыя громады близко подступающихъ обрывистой стѣной къ самой рѣкѣ отроговъ хребта Алмалы-Кая (высшая точка 2544 метра надъ уровнемъ моря) только въ немногихъ мѣстахъ были размыты проникающими въ ихъ толщу двумя-тремя лѣвыми притоками Баксана, безымянными и небольшими, устьевыя части долинъ которыхъ съ ихъ внушительными осыпями и розсыпями служили единственными расширеніями сдавленной съ двухъ сторонъ долины Баксана. По карнизамъ слабо изогнутыхъ пластовъ, слагающихъ склоны долины, цѣплялись кустарниковыя заросли березняка, осины, бѣлой ольхи, шиповника, оспаривая мѣсто на жизненномъ пиру у глубоко проникавшихъ въ мельчайшія разсѣлинки своими тонкими корешками зеленыхъ дерновинокъ травки и небольшихъ кустиковъ, украшенныхъ крупными и яркими цвѣтами скабіозъ, колокольчиковъ, мака и другихъ болѣе мелкихъ представителей известняковой флоры.

На противоположномъ (правомъ) берегу горы то нѣсколько отступали отъ рѣки, оставляя мѣсто узкой полоскѣ невысокой береговой террасы, то обрывались прямо въ холодныя волны Баксана отвѣсной стѣной; но склоны ихъ, въ общемъ довольно крутые на всемъ протяженіи каньона, сверху до низу были покрыты густымъ лѣсомъ изъ различныхъ лиственныхъ породъ, преимущественно березы, бредины, ольхи, клена, липы, граба, не отличающихся, впрочемъ, большими размѣрами ни въ высоту, ни въ толщину, съ кустарниковыми зарослями лещины, крушины, жимолости по нижнимъ уступамъ обрывовъ и скалъ и плющемъ, окутывавшимъ сплошнымъ зеленымъ ковромъ болѣе крутыя обнаженія, гдѣ трудно было ютиться тѣмъ представителямъ растительнаго царства, что покрупнѣе.

Обнаженные известняковые пласты съ ихъ характерными плоскими изгибами, оттѣняемыми укоренившейся въ пограничныхъ трещинахъ травянистой растительностью, выступали только мѣстами среди этой чащи зелени, гдѣ въ прежнее время подчасъ можно было встрѣтить и настоящаго оленя (по-кабар-

дински «шихъ»). Онъ попадался больше въ лѣсахъ Черныхъ горъ, линіи которыхъ намѣчаются уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ правымъ берегомъ Баксана и становятся тѣмъ рельефнѣе выраженными, чѣмъ дальше подвигаются къ востоку отъ Баксана. Отсюда, по свидѣтельству К. Н. Россикова, онъ забѣгаетъ, правда, крайне рѣдко, даже на краевыя горы южной террасы, особенно на склоны Хара-Кора, примыкающей къ лѣсистой части долины Баксана и къ отрогамъ Черныхъ горъ.

Мы успѣли уже раза два спуститься почти къ самой рѣкѣ подъ нависающими надъ головой грозными желтыми громадами и дважды вслѣдъ затѣмъ подняться на значительную высоту, дѣлая зигзаги сообразно съ излучинами самого Баксана и капризными формами размыванія въ устьяхъ впадающихъ въ него слѣва притоковъ. Солнце заиграло своими лучами на вершинахъ хребтовъ, одѣло въ золотисто-фіолетовый фонъ обнаженныя известняковыя скалы, скользнуло кой-гдѣ по зеленой листвѣ и вспыхнуло миріадами искръ въ алмазной пыли водопадовъ, тамъ и сямъ величаво низвергавшихся каскадами по крутымъ склонамъ среди густой заросли кристально прозрачныхъ горныхъ ручьевъ. А внизу, весь погруженный въ тѣнь и глубоко зарывшись въ холодныя безстрастныя скалы, грохоталъ перекатными камнями и бѣшенно пѣнился Баксанъ, сконцентрировавъ въ одномъ не широкомъ общемъ потокѣ всю разрушительную силу своихъ ревущихъ волнъ, такъ страшно рвущихся впередъ изъ давящихъ тѣснинъ на широкій просторъ далекихъ равнинъ.

Къ 5 часамъ утра мы обогнули послѣдній краевой восточный отрогъ хребта Алмалы-Кая и, проѣхавъ съ полверсты въ широтномъ направленіи съ востока на западъ, слѣдуя за теченіемъ Баксана, снова увидѣли Эльбрусъ, мелькнувшій сутки тому назадъ въ послѣдній разъ передъ нами, когда мы расположились на отдыхъ въ долинѣ Баксана подлѣ самой рѣки, вблизи сел Атажукина. Какъ и тогда, намъ были видны только маковки его, а вся остальная часть величественнаго бѣлоснѣжнаго конуса почти у самой сѣдловины была точно срѣзана по шнуру слегка наклоненной къ западу линіей близко подступающихъ къ нему возвышенныхъ частей сѣверо-восточныхъ и сѣверныхъ высокогорныхъ отроговъ Эльбрусскаго массива, изъ которыхъ большая часть, напримѣръ: Балкъ-Баши, лежитъ въ предѣлахъ снѣжной линіи и даже переходитъ за нее, поднимаясь до 3500 метровъ надъ уровнемъ моря.

Только тамъ снѣговая шапка представлялась насаженной непосредственно на зеленый коверъ подступающихъ столообразныхъ предгорій, а теперь вся она, залитая золотистымъ пурпуромъ утра, точно уходила въ мощную толщу полукольца рыхлыхъ отложеній, покоющихся съ бѣлѣющимися среди нихъ снѣжными пятнами на скалистомъ массивѣ. И куда только хваталъ глазъ, всюду вправо отъ насъ выступали господствующіе грязно-зеленовато-сѣрые и желтоватые тона обширной возвышенной области, поверхность которой, исключая частей ея, непосредственно примыкающихъ къ пересѣченному нами поясу известняковъ, почти на всемъ протяженіи лишена плоскихъ и отлогихъ склоновъ и отличается крутизной и угловатостью очертаній, будучи такъ богата отдѣльными скалами, обрывами, утесами, осыпями и короткими дикими ущельями.

Въ этомъ мѣстѣ намѣчается уже новое расширеніе долины Баксана, какъ-бы замыкаемой на югѣ рядомъ набѣгающихъ другъ на друга синѣющихъ скалистыхъ отроговъ, и хотя отвѣсныя стѣны известняковъ на лѣвомъ берегу смѣнились сильно уступающими по высотѣ первымъ, но все-же довольно круто обрывающимися мощными толщами древне рѣчныхъ отложеній и новѣйшихъ выносовъ изъ области разрушенія сосѣднихъ известняковыхъ громадъ, но на правомъ берегу тамъ и сямъ уже проглядывали болѣе или менѣе значительные участки остатковъ явственно выраженныхъ береговыхъ террасъ, изъ которыхъ верхняя вдавалась вдалекѣ замѣтно въ глубь котловинообразнаго расширенія, окаймленнаго отступающими къ востоку хребтами, не увѣнчанными рѣзко очерченными скалистыми контурами.

Въ 5 часовъ 15 минутъ утра мы перебрались по мосту опять на правый берегъ Баксана, покинутый нами еще такъ недавно у хутора Наурузова. Слѣва отъ насъ изъ лѣсной чащи врывался въ Баксанъ покрытый бѣлою пѣной горный потокъ; вправо сѣрѣлъ сливаясь съ фономъ окружающихъ известково-глинистыхъ отложеній небольшой хуторокъ-кошъ горскихъ татаръ*) скотоводовъ изъ пяти-шести низенькихъ каменныхъ построекъ съ плоскими плитняковыми съ насыпною землею кровлями.

Съ окончаніемъ каньона перестала попадаться лѣсная заросль. Потянулись травянистые склоны концевыхъ отроговъ правобережныхъ известняковыхъ хребтовъ. Небольшое плато—остатокъ древней террасы, примыкающее къ заваленнымъ большими и малыми известняковыми глыбами травянистымъ склонамъ, скоро смѣнилось узкой полосой, по которой вилась отодвинутая подступающимъ отрогомъ дорога, обрываясь высоко надъ шумящей внизу подъ ногами рѣкой. Лучи солнца еще не успѣли проникнуть сюда, и густыя тѣни сползали, ничѣмъ не смягчаемыя до самыхъ угрюмыхъ матовыхъ волнъ. Въ 5 часовъ 30 минутъ мы спустились къ Баксану, огибая сильно выступающее къ западу полукруглое плато съ террасообразно-ступенчатыми склонами, а черезъ 10 минутъ были у крупнообломочной осыпи, окаймляющей подножья ближайшихъ отроговъ правобережныхъ известняковыхъ хребтовъ. Отдѣльныя

*) Горскіе татары, извѣстные также подъ именемъ таули и кабардинскихъ горцевъ, образуютъ пять обществъ нагорной полосы, примыкающей съ сѣвера къ Главному Кавказскому хребту: 1) Балкаръ—въ ущельѣ рѣки Черека, 2 и 3) Безингій и Хуламъ въ ущельяхъ рѣкъ Урвана и Черекъ-Тхако, 4) Чегемъ по ущелью рѣки Чегема и 5) Урусбій въ верховьяхъ рѣки Баксана. Всѣ они говорятъ на особомъ тюркскомъ діалектѣ, еще далеко не изслѣдованномъ, но подходящемъ къ тюркскому-же діалекту сосѣднихъ карачаевцевъ, обитающихъ въ области глубокихъ долинъ верховьевъ рѣки Кубани и вообще какъ-то болѣе обособленныхъ въ своихъ дикихъ трущобахъ, чѣмъ, можетъ быть, и объясняются тѣ болѣе рѣзко выраженныя черты въ обычаяхъ, нравахъ и самомъ внѣшнемъ обликѣ (сравнительно не высокій ростъ, коренастая фигура, широкое, обрамленное значительной бородой лицо, плоская форма головы, короткая шея, замѣтно выдающіяся скулы, низкій лобъ, нѣкоторая неуклюжесть въ движеньяхъ) которыя у остальныхъ горскихъ татаръ являются въ значительной мѣрѣ смягченными и сглаженными подъ вліяніемъ продолжительнаго тѣснаго общенія, продолжавшейся довольно долго политической и продолжающейся донынѣ въ силу самого географическаго положенія ихъ мѣстообитанія экономической зависимости отъ кабардинцевъ, живущихъ на плоскости и въ своемъ поступательномъ движеніи на востокъ отъ Чернаго моря врѣзавшихся клиномъ въ область тюркскихъ племенъ, оказавшихся отброшенными съ одной стороны къ Манычу, съ другой—въ горныя трущобы.

глыбы огромныхъ размѣровъ, откатившись нѣсколько въ сторону отъ общей массы, глубоко зарылись острыми ребрами въ почву, покрытую зеленой травкой и цвѣтами, образуя естественные навѣсы, гдѣ могутъ свободно укрыться пять, шесть человѣкъ.

Какъ-разъ тутъ ночевали пастухи съ небольшимъ стадомъ, которое въ это время они собирались перегонять на сосѣднія тучныя горныя пастбища, закончивъ утреннее доеніе коровъ. Запахъ свѣжаго парного молока пріятно щекоталъ въ носу, и мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи остановиться на нѣсколько минутъ и осушить стакана по два, такъ-какъ до основательнаго привала было сравнительно еще далеко, да и наши громоздкіе фургоны довольно медленно подвигались впередъ по каменистой дорогѣ, гдѣ подчасъ очень крутые спуски чередовались съ не менѣе крутыми и частыми подъемами. Съ четверть часа послѣ того намъ пришлось ѣхать по окаймленной травянистыми склонами котловинѣ, обращенной раструбомъ въ сторону рѣки, а ровно въ 6 часовъ утра, мы снова очутились на обрывистомъ берегу Баксана, оттѣсненные къ рѣкѣ подступающимъ мысомъ-отрогомъ, откуда прекрасно можно было видѣть, что свита известняковъ, которые все еще высились вверху надъ нами, все такъ-же, какъ и прежде, спокойно залегая со слабыми изгибами своихъ пластовъ, для волнъ Баксана болѣе не существовали, и онѣ въ этомъ мѣстѣ свободно омывали явственно выступающіе тутъ и только слегка выведенные изъ горизонтальнаго положенія съ небольшимъ уклономъ къ N (градусовъ около 5—7), повидимому, юрскіе лейясовые сланцы, возвышающіеся сажени на $1^1/_2$ надъ водой и приблизительно такимъ-же разстояніемъ по вертикали отдѣляемые отъ полотна дороги.

Еще нѣсколько минутъ, и тѣснины остались позади. Вотъ небольшой потокъ пересѣкаетъ нашу дорогу; но спокоенъ его бѣгъ и мягко пологи склоны его не особенно глубокаго ложа: онъ успѣлъ охладить свой пылъ и потерять въ своей размывающей силѣ, пока добѣжалъ до дороги, и только саженяхъ въ двухстахъ на востокъ отъ нея глубоко врѣзавшаяся острымъ клиномъ въ сосѣдніе склоны исполинская рытвина-ложбина съ почти отвѣсными, до пятнадцати саженъ высотою, стѣнами свидѣтельствовала о колоссальной работѣ, произведенной скромнымъ ручьемъ за долгій періодъ нивеллированія имъ своего настоящаго профиля.

Тамъ, на высокомъ правомъ берегу потока, живописно бѣлѣетъ, словно приросши къ крутымъ склонамъ, сыроваренный заводъ, гдѣ хозяйничаетъ теперь перевалившійся съ Чегемскаго ущелья на Баксанъ Дадашъ Болкароковъ, родственникъ князей Урусбіевыхъ, питомецъ Нальчикской горской школы,— этотъ первый и достойный всяческой поддержки преемникъ скромнаго швейцарца, наладившаго своей умѣлой и любящей рукой многообѣщавшее при своемъ возникновеніи дѣло раціональнаго сыроваренія на Баксанѣ. Лучи солнца, проникавшіе изъ-за сосѣдняго Чегемскаго поперечнаго отрога еще не достигли завода, и онъ продолжалъ оставаться погруженнымъ въ густую тѣнь вмѣстѣ съ раскинувшимся нѣсколько южнѣе его поселкомъ Озроковскимъ, лѣпившимся со своими убогими саклями по склонамъ того-же Чегемскаго отро-

га, чтобы сберечь для пахоты болѣе ровные участки земли. А у ногъ его раскинулась чудная плоскоравнинная котловина, приблизительно на высотѣ 1250 метровъ надъ уровнемъ моря, верстъ на шесть протянувшаяся съ сѣвера на югъ, да версты полторы имѣющая въ поперечникѣ, если не считать еще съ $^1/_2$ версты, приходящейся на долю мягко пологихъ, слегка бугристыхъ западныхъ склоновъ ея, постепенно небольшими уступами спускавшихся къ мутнымъ волнамъ Баксана, въ которыхъ дробились золотистые лучи солнца, озарившаго всю котловину.

Какъ-то легче стало дышать, когда перестали выситься справа и слѣва отъ васъ безстрастныя угрюмыя скалы, когда пахнуло на васъ широкой волной напоеннаго живительной прохладой утренняго воздуха, и кругомъ миріадами искръ вспыхнули капли медвяной росы. Даже кони какъ-то энергичнѣе фыркнули, тряхнули гривой и веселѣй побѣжали по прекрасно-укатанной ровной дорогѣ. Она пролегала теперь посреди тучныхъ луговъ, разбитыхъ на маленькіе прямоугольные участки, старательно обведенные невысокой оградой изъ окатанныхъ камней, часто взятыхъ прямо съ поверхности земли, частью добытыхъ при заботливой расчисткѣ верхняго слоя почвы, переходящей въ мощную толщу древнихъ рѣчныхъ и озерныхъ отложеній, простирающихся и дальше на западъ, за Баксанъ, въ быстрыя струи котораго такъ задумчиво смотрятъ теперь ихъ крутые, высокіе, сѣровато-желтые, откосы, размытые мѣстами на рядъ причудливыхъ «земляныхъ пирамидъ».

Вдоль придорожной ограды извиваются небольшія оросительныя канавки, разносящія отведенную отъ ближайшихъ горныхъ ручьевъ воду по сосѣднимъ луговымъ участкамъ, объединенныхъ въ одну общую ирригаціонную сѣть, сторицей вознаграждающей хозяевъ за потраченный трудъ по устройству и поддержанію ея въ должномъ порядкѣ.

Глазъ не перестаетъ скользить по густому ковру сочной, высокой зелени злаковъ, пестрѣющей множествомъ необычайно ярко окрашенныхъ цвѣтовъ разнообразнѣйшихъ представителей сем. мотыльковыхъ, губоцвѣтныхъ, колокольчиковыхъ, гераніевыхъ, маковыхъ и многихъ другихъ, могущихъ доставить не мало пріятныхъ минутъ ботанику-любителю въ эту пору, пока взмахъ острой косы не склонилъ до сырой земли ихъ нарядныхъ головокъ. А ближе къ селенію желтѣли наливающіеся колосья на засѣянныхъ пшеницей, овсомъ, ячменемъ равнинныхъ участкахъ, которые такъ дорого цѣнятся здѣсь (до 1000 руб. десятина пахатной земли и до 800 р. десятина луга, приносящаго въ годъ до 40 копенъ чуднаго сѣна), гдѣ доставка урожая домой съ отдаленныхъ нагорныхъ участковъ стоитъ не малаго труда и не всегда безопасна, въ особенности если застигнетъ въ пути непогода.

Вотъ, наконецъ, и давно жданная нами рѣка Кесанты, что несетъ свои слегка мутноватыя воды въ Баксанъ съ далекаго юга, со склоновъ увѣнчанныхъ льдами массивовъ группы Джайлыкъ-Баши, высшій пунктъ которой достигаетъ 4240 метровъ. Въ валунахъ ея можно встрѣтить не рѣдко большія глыбы грязно-сѣраго цвѣта съ поверхности и пепельно-сѣраго цвѣта на свѣжемъ изломѣ, принадлежащія изверженной породѣ, напоминающей по внѣшне-

му виду липаритъ и богатой оригинальными вкрапленными въ нее тамъ и сямъ черными осколками (отъ $^1/_2$ до 3 сентиметровъ длиною) глинистыхъ, повидимому, сланцевъ, захваченныхъ нѣкогда породой при ея поднятіи изъ нѣдръ земли. Быть можетъ, ея появленію предшествовало напряженіе тѣхъ горообразовательныхъ силъ, которыя вызвали къ жизни сосѣдній Чегемскій отрогъ, словно воздвигли мощную дамбу до 1850 метровъ средней высоты, берущую начало отъ Главнаго Хребта и упирающуюся въ Скалистый Хребетъ, съ его отгибающимися немного къ сѣверу известняковыми пластами; при этомъ осталась почти въ покоѣ свита лейясовыхъ сланцевъ, имѣющихъ самое незначительное паденіе къ сѣверу въ обнаженіяхъ на правомъ берегу Баксана, почти у самыхъ волнъ его, въ области Озроковской котловины; но гдѣ-нибудь въ области бассейна рѣки Кесанты она могла, конечно, претерпѣть значительное раздробленіе подъ вліяніемъ динамометаморфизма, и участки могли впослѣдствіе быть увлечены прорвавшими всю свиту расплавленными массами, при ихъ поднятіи въ тѣхъ мѣстахъ изъ глубинъ земли.

Въ 7 часовъ 30 минутъ утра мы имѣли уже возможность свободно расположиться въ сторонѣ отъ дороги на лѣвомъ берегу рѣки Кесанты, на зеленой лужайкѣ (1250 метровъ высота мѣста), чтобы основательно подкрѣпиться до вечера, когда можно было надѣяться найти гостепріимный кровъ въ селеніи Урусбіевомъ послѣ двухъ ночевокъ въ полѣ подъ открытымъ небомъ.

Искрящіяся струи Кесанты, изумрудная зелень тучныхъ луговъ, безоблачная синева небесъ въ красивой рамкѣ невысокихъ окаймляющихъ котловину хребтовъ, переливы цвѣтовъ на отвѣсно обрывающихся пластахъ оставшихся позади насъ известняковъ, освѣжающая прохлада яснаго лѣтняго утра, небольшія рощицы на ближайшемъ перевалѣ къ Чегему, мутныя волны Баксана и смотрящія въ нихъ причудливо размытыя земляныя пирамиды у устья врывающагося съ запада р. Джуваргена, проложившаго себѣ путь по ущелью, служащему какъ-бы границей между областью распространенія надвигающихся съ сѣвера желтоватыхъ известняковъ и областью сильно метаморфизованныхъ многочисленными порфиритовыми жилами сланцевъ, примыкающихъ съ сѣвера къ гранитной зонѣ Главнаго хребта,—вотъ тотъ общій фонъ своеобразно живописнаго, богатаго мягкими тонами своего колорита, ландшафта, на которомъ могъ отдохнуть здѣсь утомленный глазъ путника послѣ рѣзко очерченныхъ скалистыхъ громадъ, крутыхъ, глубокихъ ущелій и головокружительныхъ стремнинъ.

На сосѣднемъ косогорѣ, западный выступъ котораго предстояло намъ обогнуть въ дальнѣйшей части нашего пути по хорошей колесной дорогѣ, приблизительно въ разстояніи одной версты отъ мѣста нашего небольшого, но полнаго жизни бивуака, высилась одиноко полуразрушенная часовенька—скромный памятникъ далекой старины, когда вольныя дѣти этихъ горъ еще не знали ислама, и христіанскій крестъ побѣдно высился на косогорахъ и холмахъ, какъ-бы осѣняя разсыпавшіяся внизу поселенія.

Трое изъ насъ попытались поближе ознакомиться съ интересными разва-

Съ фот. В. Брейтфуса.

КАБАРДИНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ.

Съ фот. В. Брейтфуса.

ТИПЫ КАБАРДИНЦЕВЪ.

линами и были у желаннаго мѣста минутъ черезъ двадцать ходьбы по густой и сочной луговой травѣ, покрывавшей довольно крутые склоны, проваливаясь нерѣдко въ замаскированныя зеленью оросительныя канавки (подъ покосы назначаются въ горахъ преимущественно такіе участки, которые могутъ быть поливаемы водой, искусственно проводимой отъ ближайшей рѣчки или горнаго ручья). Тамъ, наверху, зелень выступала только по мелкимъ расщелинамъ, бороздившимъ поверхность обнаженныхъ, падающихъ къ сѣверу пластовъ свиты свѣтло-сѣрыхъ и буровато-розовыхъ кремнистыхъ песчанниковъ, подстилаемыхъ, повидимому, залегающими глубже лейясовыми сланцами.

Изъ плитъ свѣтлаго песчанника, тщательно пригнанныхъ одна къ другой, но безъ участья цемента, и были сложены стѣны часовеньки. Общая площадь ея не превышаетъ двухъ квадратныхъ саженъ; ширина едва достигаетъ $2^1/_2$ аршинъ; въ отношеніи длины часовенька оріентирована приблизительно въ направленіи востокъ-западъ, причемъ въ восточной стѣнкѣ находится большое оконное отверстіе, съ полуоваломъ въ верхней его части, до 2 аршинъ въ вышину и до $1^1/_4$ аршина въ ширину; на противоположной западной стѣнкѣ зіяетъ дверное отверстіе до трехъ аршинъ въ вышину и до двухъ аршинъ въ ширину, съ остроконечной верхней частью; примѣрно на аршинъ ниже оконнаго отверстія есть другое, небольшое, ведущее въ маленькое подземелье, расположенное подъ половыми плитами часовеньки; сѣверныя и южныя стѣны глухія и общая высота ихъ едва достигаетъ четырехъ аршинъ; высота западной и восточной стѣнъ нѣсколько больше въ ихъ срединныхъ частяхъ, благодаря треугольнымъ окончаніямъ, на которыхъ покоилась, повидимому двускатная кровля.

Солнце сплошь заливало своими лучами въ этотъ утренній часъ нѣмого свидѣтеля древности. Не мало ихъ можно встрѣтить на сѣверномъ склонѣ Кавказа все въ той-же промежуточной узкой зонѣ между обрывающимися съ сѣвера известняковыми громадами и лейясовыми грядами возвышенностей съ ихъ округлыми очертаніями и мягкопологими склонами. Въ бассейнѣ р. Ассы (восточнѣе Военно-грузинской дороги), въ предѣлахъ Осетіи и горскихъ обществъ Большой Кабарды все тѣ-же они,—одни и тѣ-же приблизительно размѣры, одинаковая форма, одинаково красивое положеніе на открытыхъ возвышенныхъ мѣстахъ, озаряемыхъ лучами восходящаго солнца задолго до того момента, когда послѣдняя полоса тѣни сползетъ съ сосѣднихъ низинъ и котловинъ,—безмолвные, величавые въ своей простотѣ свидѣтели былыхъ временъ, обвѣянные поэзіей народныхъ сказаній и легендъ. Давно миновала пора внезапно налетѣвшаго стремительнаго шквала, принесшаго съ собой сюда побѣду исламу надъ христіанствомъ, давно изгладились въ умахъ поколѣній послѣдніе слѣды христіанскихъ символовъ и идей. Осталось только воспоминаніе, что тамъ, на мѣстѣ этихъ скромныхъ развалинъ, молились нѣкогда дѣды всемогущему Богу, и это воспоминаніе, эта смутная вѣра въ святость мѣста донынѣ связаны незримыми узами съ холодными каменными плитами, пережившими рядъ поколѣній съ ихъ страстями, печалями и радостями.

Къ десяти часамъ вернулся казакъ, посланный нами верхомъ на конѣ

къ мѣсту нашего послѣдняго ночлега за позабытымъ впопыхахъ неводомъ. Кромѣ невода онъ привезъ съ собой затерявшуюся въ травѣ и считавшуюся, было, нами безвозвратно потерянной пару темныхъ дорожныхъ очковъ, безъ которыхъ такъ плохо пришлось-бы глазамъ кого-нибудь изъ насъ на фирновыхъ поляхъ Эльбруса отъ ослѣпительнаго блеска его снѣговъ. Можно было собираться и въ путь-дорогу, если-бы не группа всадниковъ, показавшаяся вдали на тропинкѣ, ведущей съ Чегемскаго перевала и невольно остановившая на себѣ наше вниманіе. Впереди ѣхалъ въ буркѣ и широкополой войлочной шляпѣ пожилой туземецъ, а за нимъ на двухъ лошадяхъ двое молодыхъ въ папахахъ, держа каждый на сѣдлѣ передъ собой по молодой красавицѣ въ нарядномъ туземномъ платьѣ съ открытымъ лицомъ и кокетливо повязяннымъ на головѣ чернымъ шелковымъ платкомъ. Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось, былъ счастливый супругъ съ молодою хозяйкой, только-что отпраздновавшій свою свадьбу въ ближайшемъ Чегемскомъ аулѣ; другой—его лучшій другъ и вѣрный товарищъ съ дружкой, сопутствующій молодоженамъ, предводительствуемымъ дядей жениха, въ родной аулъ, затерявшійся на лѣвомъ берегу Баксана. Поравнявшись съ нами, всадники пріостановились на нѣкоторое время, съ любопытствомъ разглядывая насъ и распрашивая на ломаномъ русскомъ языкѣ о цѣли нашего путешествія; а когда мы попросили у нихъ позволенія запечатлѣть весь свадебный кортежъ на фотографической пластинкѣ и щелкнули затворы нашихъ аппаратовъ, то лица красавицъ расплылись въ самодовольную улыбку, и пока не скрылись всѣ изъ виду, можно было наблюдать, какъ пересмѣивались онѣ, оживленно о чемъ-то бесѣдуя.

Вслѣдъ за ними снялись съ бивуака и мы. Шелъ одиннадцатый часъ. Солнце начинало пригрѣвать. Небо было безоблачно. Все предвѣщало жаркій день. Черезъ какихъ-нибудь четверть часа мы успѣли уже оставить далеко за собою тотъ увѣнчанный часовенькой выступъ, который какъ-бы охранялъ Озроковскую котловину отъ вторженія съ юга. Передъ нами теперь открывалась широкая долина рѣки, не имѣющая замѣтныхъ суженій на протяженіи добрыхъ двѣнадцати верстъ и обставленная справа и слѣва округленными холмообразными возвышенностями. Лѣвобережные склоны, къ которымъ такъ близко прижималась рѣка, выглядѣли какъ-то уныло, почти лишенные растительности; правобережные, напротивъ, ласкали взоръ своимъ зеленѣющимъ покровомъ, только мѣстами прерываемымъ обнаженными скалами.

Намъ приходилось то спускаться въ небольшія увлажненныя равнинныя низинки, лежащія почти на уровнѣ Баксана, по которымъ пролагали себѣ пути, беззаботно журча по камнямъ посреди прибрежныхъ дерновинокъ и кустовъ, обмѣлевшія рѣченки, изрѣдка пересѣкавшія дорогу, то взбираться на не менѣе равнинныя плато съ болѣе скудной растительностью, гдѣ особенно сильно давалъ себя знать полуденный зной и густыя облака раскаленной пыли, поднимаемыя нашими подводами. Порою дорога на крутомъ спускѣ тѣсно прижималась къ правобережнымъ склону, лѣпясь по узкому карнизу, гдѣ можно было наблюдать темные пласты амфиболитовъ, падающихъ на югъ подъ угломъ въ 50^0—60^0 и рѣзко выдѣляющихся своей лоснящейся поверхностью

на грязно-сѣромъ фонѣ детрита сланцевъ, собранныхъ въ многочисленныя складки, слегка наклоненныя къ югу и мѣстами обнаруживающихъ ясные слѣды сложной дислокаціи. Ихъ мульды, повидимому, сильно сдавленныя, терялись въ глубинѣ, а предъ глазами мелькали только красиво изогнутые своды, особенно хорошо оттѣнявшіеся на вообще небогатыхъ растительностью лѣвобережныхъ склонахъ. Лучше устоявшіе противъ разрушительнаго дѣйствія времени пласты амфиболитоподобныхъ породъ больше останавливаютъ на себѣ взоръ путника, скользящій по задерненной поверхности прорѣзанныхъ ими сланцевъ, такъ что при бѣгломъ обзорѣ мѣстности не кажется внушающимъ какое-либо сомнѣніе встрѣчающееся въ литературѣ указаніе на развитые здѣсь одни метаморфическіе кристаллическіе сланцы, слагающіе и лѣвобережную широтную цѣпь Ташлы-Сыртъ, входящую уже въ составъ той высокогорной области, которая мощнымъ кольцомъ тѣсно охватываетъ подошву Эльбруса и сама въ отдѣльныхъ пунктахъ доходитъ до 3570 метровъ высоты; тѣмъ болѣе, что черные сланцы постепенно переходятъ въ свиту красноватыхъ и сѣроватыхъ слюдистыхъ, частью тальковыхъ кристаллическихъ сланцевъ.

Приходили на память давно знакомыя картины Джераха на Военно-грузинской дорогѣ, Мизура и Нузала на Военно-осетинской съ ихъ зеленѣющими округло-холмистыми лейясовыми возвышенностями, съ мелькающими тамъ и сямъ небольшими аулами, ютящимися по сосѣдству съ какимъ-нибудь горнымъ потокомъ. И глазъ, лѣниво выглядывавшій изъ-подъ отяжелѣвшихъ отъ полуденнаго зноя вѣкъ могъ здѣсь отдохнуть послѣ рѣзкихъ скалъ, крутыхъ и глубокихъ ущелій на виднѣвшихся направо и налѣво, и надъ самой рѣкой, и на склонахъ сосѣднихъ возвышенностей удобныхъ для пахоты, покоса и пастьбы участкахъ, за которыми вдали, за Баксаномъ, выступали порой очертанія убогихъ каменныхъ саклей ауловъ урочища Чалмала.

Дорога какъ-то круто повернула на западъ, чтобы спустя немного, снова вернуться къ своему юго-западному направленію,—видно, какой-то могучій, скрытый отъ взоровъ выступъ заставилъ Баксанъ нѣсколько свернуть въ сторону, чтобы прорваться впередъ. Мы на плато. На сѣверъ отъ насъ синѣютъ бастіоны обрывающихся надъ Озроковской котловиной известняковыхъ хребтовъ. Въ узкомъ проходѣ, гдѣ мечется въ ярости Баксанъ, виднѣются сгустившіяся облака, въ то-время какъ надъ нами разстилалось ясное небо, пылающее нестерпимымъ жаромъ. Вонъ побѣжали, словно исполинскія ступени, на западъ отъ Баксана известняковыя громады отроговъ Алмала-Кая, окаймляющія съ сѣвера узкую долину р. Джуваргена и рѣзко оттѣненныя въ своихъ прямолинейныхъ контурахъ округленными очертаніями уходящихъ къ югу вдоль Баксана сланцевыхъ возвышенностей. А тамъ, еще дальше, на сѣверо-западѣ вклинивался въ сланцевую зону причудливый островъ одной изъ болѣе возвышенныхъ частей Скалистыхъ горъ въ бассейнѣ Малки и Баксана—горы Наужидзе (2315 метровъ). Въ переводѣ это значитъ «Зубъ старухи», хотя болѣе притязательный путникъ могъ-бы съ успѣхомъ сравнить эту гору съ средневѣковымъ замкомъ, одиноко возвышающимся на крутомъ неприступномъ исполинскомъ утесѣ. За нимъ рисовалась широкая даль надъ волнистымъ

Баксанскимъ плоскогорьемъ, раскинувшимся у подножья Бермамытскихъ высотъ вплотѣ до самыхъ склоновъ Ташлы-Сырта.

Близился полдень. Солнце жгло немилосердно. Накаленная каменистая почва, слабо прикрытая тощею придорожной травянистой растительностью, обдавала горячими клубами пыли всякій разъ, какъ ямщики пытались нѣсколько ускорить лѣнивый бѣгъ истомленныхъ зноемъ коней. Все какъ будто погрузилось въ дремоту, только порой завирушка слетитъ на дорогу, повертитъ хвостикомъ и снова скроется въ кустахъ; да любопытный сусликъ, перебѣгая отъ норки до норки станетъ вдругъ передъ вами на заднія лапки и моргаетъ маленькими глазенками, рискуя попасть въ когти высоко парящему хищнику.

Снова спускъ, за нимъ небольшой подъемъ на плато. Эта ритмическая монотонность начинала изрядно надоѣдать, и глаза противъ воли смыкались въ дремотѣ Но на этотъ разъ, вмѣсто нетерпѣливаго жеста досады, общій крикъ восхищенія вырвался у всѣхъ изъ груди: словно пелена спала съ глазъ, и теперь предъ нами неожиданно выросли, упираясь въ синеву небесъ и сверкая на солнцѣ переливнымъ серебромъ, всѣ закованные въ броню ледниковъ вершинные пики массивовъ Тютлю-баши (около 4142 метр.), Джайлыкъ-баши (около 4239 метр.) и Адыръ-су-баши (около 4079 метр.), а за ними вдали, нѣсколько болѣе къ юго-западу, намѣчались въ легкой дымкѣ знойнаго дня очертанья Сванетской части Главнаго Кавказскаго хребта.

По прежнему по сторонамъ дороги обрисовывались наклоненныя къ югу складки; только ихъ южныя крылья круче падали къ горизонту; вотъ какъ-будто слои горныхъ породъ дѣлаютъ смѣлую попытку изогнуться въ вѣерообразную складку, но и она въ общемъ наклонена къ югу, и ея южное крыло налегаетъ на рядъ другихъ складокъ, нѣсколько мѣнѣе прижимающихся другъ къ другу, съ уходящими въ глубь острыми синклиналями, съ тѣмъ-же доминирующимъ паденьемъ къ сѣверу въ общемъ почти параллельныхъ одно другому крыльевъ.

Но глазъ устаетъ пристально вглядываться въ эти разбитыя, полуистертыя скрижали, запечатлѣвшія черты далекаго бурнаго прошлаго, вѣющимъ теперь такимъ покоемъ мѣстъ. Онъ весь теперь поглощенъ развертывающейся передъ нимъ величественной панорамой увѣнчанныхъ бѣлоснѣжной чалмою гигантовъ и, кажется, способенъ застыть на мигъ въ восторженномъ оцѣпененіи предъ царственнымъ Тетнульдомъ (около 4554 метр.) гордо вознесшимъ свою тупоугольную шатрообразную шапку надъ толпой осѣняемыхъ улыбающимся небомъ соплеменныхъ горъ.

Какъ будто не такъ уже печетъ солнце; какъ будто самую усталость сняло, какъ рукой, повѣяло легкимъ освѣжающимъ вѣтеркомъ; чары природы всесильны, и еще за минуту передъ тѣмъ, казалось, флегматичные, дремлющіе сѣдоки пососкакивали съ запыленныхъ подводъ и, облегченно вздохнувъ, проворно налаживали свои фотографическія камеры...

Становилась уже долина. Подступившій съ востока отрогъ, сложенный изъ черновато-сѣрыхъ гнейсовъ, оттѣснилъ дорогу къ Баксану. Показались небольшія оросительныя канавки. Вотъ замелькали луговые участки, на изум-

рудномъ фонѣ которыхъ яснѣй выдѣлялись, прислонившись къ сосѣднимъ склонамъ, двѣ высокія четыреугольныя трехъярусныя башни, старательно сложенныя изъ сланцевыхъ плитъ. Какъ-то странно было видѣть полное отсутствіе въ хорошо сохранившихся башняхъ даже слабаго намека на дверныя или оконныя отверстья; но скоро все объяснилось: тѣ башни никогда не видѣли въ своихъ стѣнахъ живыхъ людей: надъ ними широко распустилъ свои крылья Азраилъ—ангелъ смерти. «Су гайда!»—тамъ ударила нѣкогда молнія, какъ растолковалъ намъ на ломанномъ русскомъ языкѣ встрѣчный туземецъ, и убила двухъ путниковъ, пытавшихся укрыться отъ непогоды подъ сѣнью холодныхъ скалъ. И еще долго молчаливое мѣсто послѣдняго упокоенія будетъ краснорѣчиво свидѣтельствовать потомкамъ, какъ односельчане трагически погибшихъ въ точности выполнили въ отношеніи ихъ бренныхъ останковъ свой послѣдній долгъ, освященный обычаями родной страны.

За поворотомъ равнинная площадь долины расширялась, какъ-бы предопредѣляя мѣсто для возникновенія пріютившагося вдали у горныхъ склоновъ надъ ручьемъ небольшого выселка-хутора Этезовскаго. Дорога приняла мередіональное направленіе, чтобы не покидать его на протяженіи верстъ шести. Сплошной лентой по обѣ стороны ея зеленѣли сочные луга, изрѣзанные оросительными канавками. Тамъ и сямъ мелькали широкія загорѣлыя лица коренастыхъ косарей, ничѣмъ не напоминавшія былыхъ воинственныхъ аборигеновъ этихъ мѣстъ въ своихъ темныхъ войлочныхъ шляпахъ и просторныхъ ситцевыхъ рубахахъ безъ поясовъ. Женщины и дѣвушки со сбившимися на бокъ головными платочками, въ неизмѣнныхъ бешметахъ и одѣтыхъ поверхъ нихъ ситцевыхъ распашныхъ, перехваченныхъ въ таліи, туземныхъ платьяхъ съ глубокимъ вырѣзомъ на груди и развѣвающимися фалдами, дружно сгребали деревянными граблями слегка подсохшее душистое сѣно. На противоположномъ высокомъ берегу Баксана, надъ глубоко зарывшимся въ мощную толщу отложеній горнымъ потокомъ, высились стройные стога, красиво выдѣляясь на зеленѣющемъ фонѣ сосѣднихъ нагорныхъ луговъ, гдѣ паслось небольшое стадо коровъ мѣстной породы, не отличающейся крупными размѣрами, но славящейся количествомъ даваемаго превосходнаго молока, причемъ преобладаетъ черная масть наружнаго покрова.

Луга и пастбища, пастбища и луга, мутныя волны Баксана, да шумные потоки боковыхъ безлѣсныхъ ущелій—вотъ и весь скромный ландшафтъ этихъ мѣстъ сланцевой зоны Баксанской долины, гдѣ такъ томительно долго тянутся часы для скучающаго путника въ знойный лѣтній день. Но эти луга, эти пастбища для мѣстнаго горца—все или почти все. Какъ ни старается онъ выбиваясь изъ силъ, нѣсколько смягчить суровую природу и цѣной громадной затраты физической энергіи и упорнаго труда превратить въ пашни наслѣдственныя клочья земли, рѣдко удается ему обойтись безъ того, чтобы не прикупить хлѣба на плоскости. А не имѣя въ запасѣ сыра, шерсти, козьяго пуха и другихъ продуктовъ скотоводства, горецъ, естественно, былъ-бы фактически лишенъ возможности купить этого завѣтнаго хлѣба и прокормить свою, нерѣдко многочисленную, семью.

Небольшое суженіе прибрежной долинной полосы, по которой пролегалъ нашъ путь въ непрерывной рамкѣ луговъ, уступило вскорѣ мѣсто еще болѣе обширному котловинному расширенію. На горныхъ склонахъ показалась кустарниковая заросль и одинокія деревца; округло выпуклыя очертанія возвышенностей стали принимать вогнуто-вытянутыя формы. Изъ сосѣдней тѣснины вырывался съ юга съ бѣшеннымъ ревомъ бурный Каярта-су и довольно круто поворачивая на западъ, принявъ въ себя съ востока мутноватыя волны Куркужана, весь покрытый молочною пѣной, стремительно мчалъ свои воды по уступамъ каменистаго ложа въ Баксанъ, разбиваясь пониже переброшеннаго черезъ него деревяннаго моста на нѣсколько небольшихъ рукавовъ.

Сильная струя охлажденнаго воздуха врывалась съ рѣкою въ долину изъ осѣняемыхъ алмазнымъ шатромъ далекаго Тетнульда тѣснинъ и вносила съ собой живительную прохладу; подъ освѣжающимъ дыханьемъ все казалось какъ-то болѣе оживленнымъ и радостно улыбающимся: и прибрежные луга, и высокій берегъ, переходящій въ широкое плато, и сакли сосѣдняго аула Куркужана, окруженныя мѣстами деревцами, сквозь листву которыхъ мелькали нарядные домики подъ желѣзною крышею, и наливающіяся скромныя нивы, и выступающія изъ-подъ воды окатанныя глыбы свѣтлаго гранита съ крупными порфировидными бѣлыми полевошпатовыми и алмазно-блестящими черными біотитовыми вкрапленниками, осыпаемыя мельчайшей, переливающейся на солнцѣ водяной пылью шаловливыхъ волнъ.

Мы отдохнули съ полчаса на берегу шумнаго Каярта-су (высота мѣста около 1350 метровъ), проводили съ улыбкой весело подхваченные перекатной волной послѣдніе останки съ честью послужившихъ намъ въ часы зноя чудныхъ арбузовъ и въ 2 часа дня покинули гостепріимный уголокъ. Вскорѣ свелась на нѣтъ узкая полоска съ пожелтѣвшими колосьями ячменя, сопровождавшая нашу дорогу; какъ-то слабѣе доносился шумъ волнъ, и черезъ полчаса, послѣ небольшого спуска вдоль покрытыхъ кустарниковой и травянистой зарослью скалъ окремненныхъ сланцевъ, мы очутились въ обширной нивовой котловинѣ. Позади насъ ее замыкалъ Куркужанскій отрогъ; слѣва надвинулись крутые склоны хребта, раздѣляющаго Баксанъ и Каярта-су; вдали направо обрывались высокой стѣной желтыя мощныя толщи древнихъ береговыхъ отложеній, на выровненной поверхности которыхъ мелькали плоскокровныя хуторскія строенія, окруженныя золотистыми полосками несжатаго хлѣба и горделивыми копнами сѣна; впереди—синевато-сѣрые пики передовыхъ отроговъ и правобережнаго Тутуръ-баши и лѣвобережнаго Камыкъ-баши такъ близко подходили другъ къ другу, что между ними виднѣлась только узкая щель, въ сторону которой, въ юго-западномъ направленіи, и вилась ленточкой наша дорога. А все пространство внутри этого замкнутаго овала, до 1 версты по длинной оси и до $^1/_2$ версты въ поперечникѣ, не считая слегка бугристой, неширокой и нѣсколько пониженной придорожной полосы, казалось какими-то сплошными плавнями большой рѣки, заросшими въ болѣе мелкихъ мѣстахъ ивнякомъ, сливавшимся густой зеленью кустарниковъ, покрывавшихъ промежуточные песчаные острова.

Это мощные выносы Каярта-су и впадающаго почти напротивъ его устья Камыка такъ сильно подпирали воды Баксана, что уровень ихъ принялъ почти строго горизонтальное положеніе, несмотря на существующій уклонъ ложа, и бурная рѣка, еще такъ недавно оглашавшая своимъ немолчнымъ грохотомъ окрестность, какъ-бы пріостановила свой бѣгъ и широко разлилась въ ширину по низовой котловинѣ, образуя огромныя тихія заводи. Легкій сѣверо-западный вѣтерокъ, нѣсколько освѣжавшій своимъ дуновеніемъ застоявшійся накаленный воздухъ (термометръ показывалъ въ затѣненномъ мѣстѣ 36° по Цельсію) вызывалъ красивую рябь какъ-бы бѣгущихъ назадъ маленькихъ волнъ на обширной водной поверхности съ едва намѣчавшимся ближе къ лѣвому высокому берегу теченіемъ главнаго русла Баксана, такъ величественно-лѣниво продвигавшагося на сѣверъ.

Тихія заводи неотразимо влекли къ себѣ страстныхъ рыболововъ, да и вполнѣ равнодушные къ рыбной ловлѣ не могли отказать себѣ въ удовольствіи перебраться, пользуясь случаемъ, поближе къ водѣ и растянуться на травкѣ въ тѣни, лѣниво слѣдя взоромъ, сквозь листву, въ ожиданіи ушедшихъ товарищей, за плывущими въ лазури небесъ легкими бѣлыми облачками. А кругомъ смотрѣли на васъ, улыбаясь, мотики, скабіозки, кашки, голубоглазыя незабудки, застѣнчивыя единичныя камнеломки и оригинальные нитчато-звѣздчатые розовые вѣнчики карликоваго растеньица, немного напоминающаго считки, съ очередными ланцетовидными листочками, клиновидно-суженными въ короткій черенокъ, ютившагося на наиболѣе каменистыхъ и сухихъ мѣстахъ; оно чувствовало тамъ себя, повидимому, превосходно, тогда какъ подобныя условія угнетающе дѣйствовали на остальные цвѣты, и они выглядѣли весело только въ близкомъ сосѣдствѣ болѣе влажной и иловатой почвы, въ тѣни еще не осыпавшихся шиповниковъ, ивняка, барбариса, малины, гдѣ пышно расползлись стебли земляники.

Черезъ полчаса вернулись ни съ чѣмъ наши рыболовы; найти подходящее мѣсто для ловли форели среди обширнаго, почти сплошного воднаго пространства оказалось не такъ-то легко, и они съ наслажденьемъ разсѣлись на солнышкѣ, чтобы обсушиться и согрѣться послѣ холодныхъ баксанскихъ струй. А поодаль немножко, гдѣ нѣсколько расширялась каменистая площадка, по которой пролегала дорога, высилась небольшая ограда изъ окатанныхъ камней вокругъ двухъ тесанныхъ въ видѣ скрижалей бѣлыхъ вертикально поставленныхъ плитъ до $1^1/_2$ аршина высоты. Все внутри ограды поросло густой и высокой травой, а на обращенной къ югу лицевой сторонѣ плитъ въ пестромъ восточномъ орнаментѣ изъ сочетанія краснаго, синяго, зеленаго и розоваго тоновъ съ соотвѣтствующими аттрибутами воина на одной и мирныхъ женскихъ рукодѣлій, на другой была высѣчена надпись на арабскомъ, персидскомъ и грузинскомъ языкахъ. Она должна была возвѣщать путникамъ, что тутъ при дорогѣ изъ далекой Сванетіи въ Кабардинскія степи покоится непробуднымъ сномъ удалой джигитъ, молодой князь Измаилъ Урусбіевъ, который, по словамъ встрѣчнаго туземца, умеръ, («сдохъ») въ аулѣ Камыкѣ, а подлѣ лежитъ его красавица жена, не пережившая тяжести одиночества.

ГЛАВА V.

У предверья баксанскаго «Дарьяла».—По пикамъ среди сосенъ и можжевельниковъ.—Подъ сѣнью гранитовъ.—Хуторъ Микузанъ.—Гостепріимство бѣдняковъ.—Призракъ смерти.—Маѳусаилъ.—У подножья Эльбруса.—Борьба за хлѣбъ насущный.—Горы родныя—дороже всего!—Маленькій дикарь.—Красавица-рѣка.—Долина очарованья и коварства.—Подъ ласкающей тѣнью лѣсной.

Котловина постепенно выравнивалась. Между рѣдкими кустиками травки вдоль дороги выглядывала масса сѣрыхъ, черныхъ, красныхъ округлыхъ камней, словно вросшихъ въ песчано-глинистый грунтъ. Когда-то рѣка, капризно разлившись въ половодьѣ, понаносила ихъ сюда и похоронила въ толщѣ ила и песку. Заводи скрылись постепенно изъ виду. Русло рѣки опредѣлилось и придвинулось вплотную къ крутому лѣвому берегу. Тамъ высились еще не утратившіе совершенно округленности своихъ контуровъ гранитные массивы съ однимъ травянистымъ покровомъ. Правобережные отроги выглядывали веселѣй: уже сейчасъ за Куркужаномъ на нихъ показались довольно густые кустарники, а мѣстами и одинокія старыя, корявыя сосны, искривленныя прихотью вѣтра, не встрѣчающаго преградъ на косогорѣ; но тамъ, гдѣ было болѣе защиты отъ вѣтра, сосны выглядѣли стройнѣй и наряднѣй, да и числомъ ихъ было побольше,—все это были остатки прежняго лѣса, покрывавшаго, видимо, здѣсь довольно обширныя площади.

Каменистый грунтъ смѣнился сыпучимъ пескомъ. Долина клиномъ врѣзывалась въ надвигающіяся горы. Дорога пошла среди густыхъ и пышныхъ можжевельниковъ съ созрѣвающими мясистыми плодами. Нѣсколько дальше на версту протянулась сосновая рощица, и мы полною грудью вдыхали здоровый смолистый воздухъ, идя по сухой хвоѣ подъ развѣсистыми кронами стройныхъ деревъ. Рѣки не было видно, и только слабый шумъ, нарушавшій тишину лѣса, напоминалъ о близости ея. Рощица кончилась; опять первое мѣсто захватилъ можжевельникъ; ясно очерчивалось тѣсное ущелье, прорѣзанное въ гранитномъ барьерѣ; на гребнѣ, подступающемъ слѣва отъ насъ, высились, словно пограничные стражи, сосны съ отогнутой къ сѣверо-востоку кроной: мощная сила господствующихъ вѣтровъ, вырывающихся изъ тѣснины со стороны холодныхъ склоновъ Эльбруса, сломила упругость стволовъ, и они противъ воли склонили изсушенную вѣтромъ, пышную нѣкогда крону, привыкшую горделиво стремиться къ голубому небу и яркому солнцу. Густая тѣнь упала отъ сосѣднихъ склоновъ на выклинивающуюся часть долины, и отъ этого еще темнѣе казалась упиравшаяся въ утесы и смѣнившая можжевеловыя заросли группа сосенъ, словно послѣдняя, тѣсно сомкнувшая ряды горсть храбрецовъ, пыталась грудью заслонить доступъ въ родную тѣснину.

Въ 3 часа 20 минутъ дня дорожка перешла въ узкую тропу, высѣченную въ гранитныхъ утесахъ; угрюмыя сѣровато-желтыя громады, носившія на себѣ отчетливые слѣды сильнаго динамометаморфизма, нависли надъ головой; гдѣ-то въ вышинѣ мелькали зеленыя вѣтви, а внизу, подъ ногами, страшно ревѣла, вся покрытая грязною пѣною рѣка, бѣшенно несясь подъ уклонъ, ворочая

ТЕРСКОЛЬСКОЕ УЩЕЛЬЕ И ЛЕДНИКЪ.

огромными камнями, взметая высоко холодныя брызги и наполняя тѣснину немолчнымъ грохотомъ, заглушающимъ голоса.

Страстно лизала рѣка искрометной волной безмолвные гранитные массивы, возвышавшіеся напротивъ въ видѣ причудливо разсѣченныхъ и капризно нагроможденныхъ, почти совсѣмъ обнаженныхъ, острыхъ зубцовъ, лишь на верхахъ позлащенныхъ ласковымъ солнечнымъ лучомъ. А на протяженіи нѣсколькихъ саженъ, гдѣ и придорожныя скалы трехсаженной почти отвѣсной стѣной обрывались къ рѣкѣ, она буквально металась въ узкомъ каменномъ мѣшкѣ, какъ разъяренный звѣрь въ несокрушимой желѣзной клѣткѣ. Но и въ этомъ мѣстѣ гранитная тѣснина Баксана, съ вѣющими могильнымъ холодомъ лѣвобережными гранитными громадами и мелькающими въ вышинѣ на правобережныхъ уступахъ кронами одинокихъ сосенъ, какъ-бы символизирующихъ ничѣмъ не угасимую, улыбающуюся далекому голубому небу и солнцу жизнь, далеко уступала по дикой красотѣ и своеобразному сочетанію красокъ знаменитому Дарьялу.

Минутъ черезъ двадцать пути мы были, какъ и утромъ, на баксанскомъ мосту, по которому дорога перебѣгала на лѣвый берегъ рѣки, оставивъ позади на крутомъ косогорѣ подобную встрѣченной нами у Кесанты часовню. Онъ былъ очень плотно сколоченъ изъ крѣпкихъ сосновыхъ стволовъ, но тѣмъ не менѣе весь ходилъ ходуномъ подъ могучими ударами бурныхъ волнъ о природные гранитные устои его. За мостомъ, у самой дороги пріютился небольшой хуторокъ баксанскихъ татаръ Микузанъ. Угрюмыя скалы, гдѣ кой-гдѣ по уступамъ лѣпились одинокіе кустики травки, и огромныя гранитныя россыпи окружали его. Видимо, жителямъ стоило не малаго труда очистить отъ каменныхъ глыбъ и выровнять хоть немного небольшую площадь земли для возведенія скромныхъ построекъ. Здѣсь только на половину онѣ были сложены изъ камня, а въ верхней половинѣ представляли грубый сосновый срубъ. Три пары длинныхъ сосновыхъ брусьевъ, перемежающихся съ укороченными поперечинами, служили основой для двускатной приплюснутой кровли изъ лозы и вѣтвей съ глиной, пескомъ и дерномъ.

На хуторѣ были только старики, старухи, да малыя дѣти; всѣ, кто помоложе да посильнѣе, ушли на покосъ на сосѣднія крутизны. Наличные обитатели высыпали къ намъ навстрѣчу и гостепріимно предложили холодного «айрану» (кислое молоко, заправленное извѣстнымъ образомъ мукой и сыромъ, что вызываетъ въ немъ своеобразное броженіе и сообщаетъ ему при надлежащей чистотѣ приготовленія и выдержанности—вкусъ кефира). Не совсѣмъ чистыя, большія, некрашенныя деревянныя чашки, нѣсколько коробили нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ, привыкшихъ къ чистотѣ разбросанныхъ по альпійскимъ домикамъ швейцарскихъ деревушекъ; мы съ трудомъ уговорили ихъ не обнаруживать своего неудовольствія слишкомъ явно на словахъ и въ выраженьи лица, а сами усердно припали къ превосходно утоляющему жажду и голодъ напитку и постарались успокоить радушныхъ хозяевъ относительно нашихъ строптивыхъ товарищей тѣмъ, что они съ удовольствіемъ послѣдовали-бы нашему примѣру, если-бы не страхъ простудить больное горло.

Бѣденъ тутъ горецъ, убого его жилище и не прихотливо его угощенье; но предлагаетъ онъ вамъ его отъ чистаго сердца во имя священнаго обычая гостепріимства, и вы нанесете ему тяжкое оскорбленіе, если вы отвергнете его радушіе изъ-за непонятной для него вашей утонченной эстетики и чистоплотности. Многіе посѣтители прославленнаго по заслугамъ Цейскаго ледника жалуются, что у жителей селенія Цей ничего не допросишься, или приходится за все платить втри дорога. Въ одно изъ своихъ послѣднихъ посѣщеній ледника я разговорился на эту тему съ тамошнимъ молодымъ, вполнѣ интеллигентнымъ осетиномъ-учителемъ, воспитанникомъ Ардонской семинаріи, и онъ, съ сожалѣніемъ констатируя этотъ фактъ, убѣжденно заявилъ мнѣ, что ничего подобнаго раньше не было, и самое широкое радушіе встрѣчало тамъ туриста, пока не понаѣзжала туда слишкомъ оевропеившаяся въ извѣстномъ смыслѣ публика, брезгливо отворачивавшаяся отъ темнаго туземнаго хлѣба и переворачиваемой руками баранины, и полагавшая, что высокомѣрно брошенными деньгами можно зажать ротъ оскорбленному въ лучшихъ своихъ чувствахъ вольному сыну горъ; нѣтъ, стиснувъ зубы отъ негодованія, онъ не осквернилъ себя нарушеніемъ адата, но съ той поры его сердце закрыто для чужеземца и теплое радушіе смѣнилъ холодный и насмѣшливый разсчетъ.

Въ углу подъ навѣсомъ одного изъ жилыхъ строеній,—ихъ-то и было всего три или четыре,—тихо стонала, грѣясь на солнышкѣ, молодая женщина; ея восковое овальное лицо обрамляли черныя пряди роскошныхъ волосъ, ниспадавшихъ двумя косами на плечи; плоская грудь болѣзненно вздрагивала при каждомъ приступѣ удушливаго кашля; глубоко впалые глаза свѣтились еще догорающимъ огнемъ былой красоты. Старики настойчиво просили насъ дать больной какого-либо лѣкарства; болѣе догадливые изъ насъ, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, поспѣшили вручить просителямъ нѣсколько порошковъ хинина, стараясь, какъ могли, растолковать способъ его употребленія. Едва-ли сама больная понимала, что говорили незнакомцы; но она сдѣлала усиліе улыбнуться и хотя этимъ выразить свою благодарность за участіе въ ея горькой долѣ. И мы ободряюще кивали ей головами и привѣтливо улыбались той, которой не въ силахъ былъ уже помочь нашъ хининъ, когда даже чудный чистый, здоровый воздухъ родныхъ горъ, напоенный сосновымъ ароматомъ, не могъ противостоять роковому недугу.

Наши фотографы рѣшили увѣковѣчить на чувствительной пластинкѣ затерявшійся въ горахъ татарскій хуторъ. Все кругомъ засуетилось: мужчины облачились въ праздничныя черкески и заняли первое мѣсто подъ навѣсомъ, стараясь придать себѣ болѣе торжественный видъ; кто оперся рукой на кинжалъ, кто граціозно и лихо приподнялъ нагайку; женщины наскоро приводили въ порядокъ прически съ проборомъ посрединѣ головы, покрытой ситцевымъ платочкомъ, и размѣщали поудобнѣе у себя въ ногахъ полуголыхъ ребятишекъ; ради исключительнаго случая извлекли откуда-то глубокаго старика, сѣдого какъ лунь,—ему стукнуло уже сто десять лѣтъ, ослабѣли зрѣніе и слухъ, но онъ еще бодрился и съ добродушной улыбкой, разлившейся по всему лицу, направился, опираясь на палку, къ приготовленной для него въ

центрѣ группы скамьѣ и съ достоинствомъ усѣлся, почтительно поддерживаемый восьмидесятилѣтнимъ сыномъ...*).

Мы нѣсколько замѣшкались на хуторѣ: близился къ концу четвертый часъ пополудни; между тѣмъ нужно было торопиться, такъ-какъ до сел. Урусбіева оставалось еще добрыхъ верстъ пятнадцать, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ половина приходилась на долю тяжелаго участка пути. Тѣснина осталась позади, но ущелье не переставало быть довольно узкимъ; рѣдко гдѣ оно расширялось до сотни саженъ, и тогда, то на томъ, то на другомъ берегу можно было встрѣтить маленькій пастушескій поселокъ («кошъ») или хуторокъ изъ двухъ, трехъ сложенныхъ изъ береговыхъ камней домиковъ съ плоскою задерненною кровлею и огорожей для скота, или крохотная мельничка съ жерновами, приводимыми въ движеніе водой Баксана, отведенной по особой канавкѣ и падающей косо направленной струей на особые черпачки, или старательно огороженные каменной оградой небольшіе обильно увлажненные

*) Вспомнилось мнѣ, какъ минувшимъ лѣтомъ, 8 августа, поздно вечеромъ, физически разбитый послѣ долгихъ скитаній по фирновымъ полямъ и трущобамъ Горабаши, на обратномъ пути съ восточной вершины Эльбруса, медленно плелся я въ этихъ мѣстахъ слѣдомъ за всадникомъ, любезно согласившимся подвести въ переметныхъ сумахъ мои вещи отъ Урусбіева до селенія Озрокова. Какъ и теперь, только небольшой клочокъ неба синѣлъ надъ моей головой, и оттуда кротко смотрѣли яркія звѣзды. Надъ шумящей рѣкой спустился туманъ, и въ лицо вѣяло холодомъ и сыростью. Не доѣзжая моста, мой спутникъ слѣзъ съ коня, привязалъ поводья къ торчавшему въ сторонѣ столбику и предложилъ мнѣ зайти вмѣстѣ съ нимъ подкрѣпиться у его дальнихъ родственниковъ, въ сливавшемся въ ночномъ мракѣ со скалами скромномъ домикѣ, откуда сквозь щели пробивалась слабая полоска свѣта. На его зовъ вышла молодая статная дѣвушка, которую онъ послѣ рукопожатія ласково взялъ за талію и прижалъ къ своей груди. Мой спутникъ представилъ меня, какъ своего «кунака»; дѣвушка снесла поочереди въ жилище бурку, плеть всадника и мой руксакъ, послѣ чего насъ пригласили войти въ домъ, куда вела черезъ высокій порогъ тяжелая дверь, закрывавшая собою единственное отверстіе въ стѣнахъ, такъ-какъ оконъ здѣсь не было и въ поминѣ. Налѣво отъ входа весело пылалъ огонь на очагѣ, представлявшемъ собой хорошо утрамбованную глиняную площадку, обложенную рядомъ камней, отдѣлявшихъ ее отъ земляного пола закопченаго жилища; для выхода дыма было сдѣлано отверстіе въ крышѣ, къ которому вела немного выступавшая надъ кровлей труба, сплетенная изъ лозы и обмазанная глиной; надъ очагомъ висѣлъ на желѣзной цѣпи большой котелъ, въ которомъ уже закипала вода. Самого хозяина не было дома, и насъ встрѣтила его жена, худощавая женщина, съ покрытымъ глубокими морщинами лицомъ; она имѣла какой-то пришибленный видъ, и это сказывалось въ ея походкѣ и тихомъ грустномъ тонѣ ея рѣчи; сильно поношенное ситцевое платье обычнаго туземнаго покроя (лифъ и юбка составляютъ одно цѣлое), распахивающееся впереди и застегивающееся только въ поясѣ на нѣсколько крючковъ съ открытымъ глубокимъ вырѣзомъ на груди, такая-же простая длинная рубаха, замѣнявшая и нижнюю одежду, и бешметъ, грубыя кожаныя туфли на босу ногу, черные съ просѣдью, порѣдѣвшіе волосы, гладко зачесанные и спускавшіеся на плечи кое-какъ заплетенной косой, и потускнѣвшій взоръ—дополняли ея внѣшній обликъ. Два полунагихъ мальчугана забились въ уголъ, поближе къ очагу, и ихъ черные глазенки сверкали, какъ у затравленныхъ звѣрьковъ; почти двухлѣтняя, но еще прикармливаемая материнскимъ молокомъ дѣвочка съ вьющимися волосенками боязливо прижалась личикомъ къ материнской груди. Только двѣ старшія дочери, полныя жизни, въ полномъ расцвѣтѣ своей молодости, очень миловидныя при всей скромности ихъ платья, плотно облегавшаго ихъ стройный и гибкій станъ, съ искусственно поддерживаемой по требованію обычной вообще въ горахъ моды плоской грудью (когда у дѣвушки начинаютъ формироваться грудныя железы, ея торсъ зашиваютъ въ своеобразный корсетъ изъ шкуры козленка, и только супругъ имѣетъ право въ брачную ночь распороть кинжаломъ положенные швы) открыто смотрѣли на насъ и, оживленно о чемъ-то перешептываясь, съ трудомъ удерживались, чтобы не расхохотаться при видѣ моей обоженной на вершинахъ, почернѣвшей и потрескавшейся физіономіи съ водянистыми волдырями на носу и на губахъ. Пока мой

лужки съ высокой сочной травой, или скромныя полоски съ колосящимся и съ трудомъ вызрѣвающимъ ячменемъ. Справа надвинулись крутые скалистые склоны Аутъ-гезы (3076 метровъ); слѣва подступали разорванные гранитные утесы передовыхъ восточныхъ отроговъ Исламъ-чатъ (3014 метровъ) и Балыкъ-су-баши (3919 метровъ), высотные гребни которыхъ служатъ какъ-бы краями исполинской вазы, въ которые упирается обширная снѣжная равнина Джика-угенъ-кёзъ, разстилающаяся у подножья восточной вершины Эльбруса. Самъ сѣдой великанъ, скрытый отъ нашихъ взоровъ гранитными громадами, возносилъ свою главу къ небесамъ верстахъ въ 25-ти къ западу, скорѣе даже къ сѣверо-западу отъ насъ и своимъ холоднымъ дыханьемъ наполнялъ все ущелье. И безъ того узкое дно ущелья сильно страдало отъ капризовъ и непостоянства Баксана: ему тѣсно среди стѣнообразныхъ отвѣсныхъ горъ, и онъ въ поискахъ простора яростно бросается съ одной стороны на другую, безжалостно смывая въ одномъ мѣстѣ, быть можетъ съ величайшимъ трудомъ воздѣланный руками горца клочокъ земли, чтобы нанести въ другомъ мѣстѣ

спутникъ, важно разсѣвшись на тапчанчикѣ (деревянный диванчикъ съ боковыми стѣнками и полосатымъ матрацикомъ) передъ очагомъ велъ оживленную бесѣду съ хозяйкою дома, сидѣвшею сбоку и кормившею грудью ребенка, я съ любопытствомъ разглядывалъ внутренность жилища и наблюдалъ за его обитателями. Направо отъ двери, если стать къ ней лицомъ, находилась, повидимому, чистая половина: тутъ былъ устроенъ очагъ; вдоль боковой и задней стѣны были устроены нары, на которыхъ лежали тюфяки, подушки, одѣяла и сѣдла съ полнымъ наборомъ; подъ нарами стояли большіе, обитые жестью сундуки, гдѣ хранилась одежда, болѣе цѣнныя вещи и нѣкоторые хозяйственные припасы; невысокій барьеръ, служившій между прочимъ задней спинкой для тапчана, отгораживалъ у боковой и задней стѣны небольшое пространство до 2-хъ аршинъ шириной, гдѣ члены семьи располагались на ночлегъ. Въ глубинѣ лѣвой половины виднѣлись кадочки съ айраномъ, мукой и картофелью; чеканные тазы, узкогорлые высокіе кувшины для воды и прочій домашній скарбъ; тамъ же въ холодъ и непогоду помѣщался мелкій домашній скотъ, о чемъ давалъ знать нѣсколько тяжелый, со специфическимъ запахомъ воздухъ жилья. Дѣвушки поставили передъ нами низенькій круглый столикъ на трехъ ножкахъ и принесли большую деревянную чашку съ айраномъ, которая была вскорѣ осушена до дна; затѣмъ онѣ круто замѣсили на водѣ тѣсто въ мелкомъ кругломъ тазу, приготовили изъ него нѣсколько толстенькихъ лепешекъ, размѣромъ съ десертную тарелку и придвинулись съ ними къ очагу; одна быстро отгребла въ сторону уголья, другая очистила отъ золы небольшую накаленную площадку, на которую клались потомъ пышки и нѣсколько разъ переворачивались, пока на нихъ не образовалась корка; тогда пышки зарывали въ золу и уголь минутъ на пять, и процессъ печенья былъ оконченъ (къ слову сказать, подобный хлѣбъ только и вкусенъ, если его употреблять въ пищу тотчасъ послѣ приготовленія; употребляемый въ холодномъ видѣ, онъ какъ-то вязнетъ на зубахъ, да и къ тому-же плохо переваривается). Намъ подали на деревянномъ блюдѣ порѣзанныя ломтями пышки и свѣже сваренный картофель вмѣстѣ съ большой чашкой айрана, въ который обмакивалось то и другое, точно въ сметану. Ребятишки сразу повеселѣли, получивъ свою порцію, и когда я, съ разрѣшенія хозяйки, передалъ малышамъ нѣсколько новенькихъ мѣдныхъ монетъ, они совсѣмъ перестали дичиться и оживленно затараторили, обмѣниваясь впечатлѣніями. Щелкнулъ со звономъ замокъ большого сундука, и въ рукахъ дѣвушки показалась большая стеклянная банка, гдѣ хранились заблаговременно изготовленныя оригинальныя трубочки изъ свернувшихся сливокъ овечьяго молока, имѣющія волокнисто-тягучую консистенцію, сладковатый вкусъ и напоминающія извѣстный «каймакъ» гребенскихъ казаковъ. Въ заключеніе намъ наполнили ковшики изъ хранившейся въ сундукѣ подъ замкомъ большой бутыли краснымъ напиткомъ, приготовленнымъ изъ барбарисоваго сока и сдобреннымъ лѣсной малиной, сообщающей ему прелестный ароматъ и пріятный вкусъ, нисколько не ослабляя присущихъ ему освѣжающихъ свойствъ. Такъ окончилось это неожиданное для меня ночное посѣщеніе бѣднаго татарскаго жилища въ тѣснинѣ Баксана, гдѣ я встрѣтилъ теплое, сердечное радушіе среди людей съ душой, не тронутой тлѣтворнымъ ядомъ бьющей ключемъ вдали отъ нихъ такъ называемой «культурной» жизни....

плодородную илистую почву, отложить ее гдѣ-нибудь на покинутомъ передъ тѣмъ старымъ русломъ и дать въ руки человѣку щедро вознаграждающій за труды уголокъ, увы, неизвѣстно, надолго-ли. Правобережные склоны и тутъ даютъ возможность глазу немножко отдохнуть на кустарниковой заросли, спускающейся мѣстами къ самой рѣкѣ, и молодымъ сосенкамъ, группирующимся порой вокругъ старой корявой сосны, молчаливой свидѣтельницы гибели былыхъ своихъ собратій подъ ударами горскаго топора; а лѣвобережные даютъ у себя пріютъ рѣдкимъ кустикамъ травки, здѣсь чаще проглядываютъ совершенно обнаженныя сѣрыя скалы, и рѣдко гдѣ на уступѣ мелькнетъ зеленѣющая площадка, на которой въ потѣ лица трудятся обитатели этого ущелья, представляющаго для хлѣбопашества и сѣнокоса бѣднѣйшую часть всей нагорной полосы въ предѣлахъ Терской области.

Лѣтъ двадцать пять тому назадъ во всемъ Урусбіевскомъ обществѣ насчитывалось не болѣе 2200 душъ, и на каждую душу приходилось до 20 десятинъ пастбищной земли; но горы здѣсь слишкомъ суровы, каменисты и круты, такъ-что для пастьбы скота можно выбрать въ дѣйствительности немного у подошвы горы Эльбрусъ и по обѣимъ сторонамъ верховья р. Малки и Шаукама въ предѣлахъ общественныхъ пастбищныхъ земель Большой Кабарды. Теперь населеніе возросло, а количество и качество земли отъ этого не увеличилось и не улучшилось; что-же касается удобныхъ для пахоты земель, то ихъ безусловно далеко не достаточно, чтобы прокормить мѣстное населеніе, вынужденное едва-ли не все вниманіе удѣлить скотоводству; къ сожалѣнію, почти полное отсутствіе зимняго корма для скота, въ виду особенной трудности заготовленія и, главное, доставки его съ разбросанныхъ нерѣдко по дикимъ утесамъ участковъ не даетъ развиться въ надлежащей степени этой отрасли сельскаго хозяйства. Въ былыя времена довольно прибыльнымъ являлся обмѣнъ лучины на просо и хлѣбъ на плоскости; но теперь мѣстами сведены почти на нѣтъ старые сосновые лѣса, а гдѣ ихъ не успѣлъ уничтожить горскій топоръ, тамъ введеніе казеннаго лѣсничества сильно стѣснило свободу распоряжаться имъ; да и самую лучину на плоскости успѣлъ окончательно вытѣснить керосинъ, завоевывающій себѣ постепенно нераздѣльное господство и въ далекихъ горскихъ селеньяхъ, такъ-что только въ бѣдныхъ пастушескихъ кошахъ да скромныхъ хуторахъ можно встрѣтить еще воткнутую въ стѣну коптящую сосновую лучину. И все-таки жители не рѣшаются бросить свое бѣдное въ отношеніи удобныхъ для сельскаго хозяйства земель ущелье, такъ-какъ слишкомъ ужъ велика у нихъ сила привычки и безотчетной привязанности къ роднымъ горамъ и дикимъ добрямъ.

Дорога то взбиралась на косогоры, образованные старыми, разрушенными временемъ гранитными розсыпями, успѣвшими порасти травой и задерниться, со словно вросшими въ землю и покрытыми лишайниками остроребернымъ глыбами, то спускалась къ самой рѣкѣ, которая мѣстами имѣла только слабое паденье и сильно умѣряла свой бѣгъ. Большія и малыя глыбы гранитовъ*) и,

*) Граниты ближе къ Куркужану желтовато-сѣраго цвѣта, довольно богатые выдѣленьями черной слюды (біонита), со средней крупностью зерна; въ отдѣльныхъ

повидимому, прорѣзывающихъ ихъ жильныхъ, зеленокаменныхъ породъ, устилали дорогу, богатую выбоинами, и наши тяжелые фургоны съ большимъ трудомъ продвигались впередъ, принимая то и дѣло довольно рискованныя положенія. Мѣстами приходилось итти по не успѣвшему еще просохнуть влажному песку, оставленному послѣ себя рѣкой, не такъ давно заливавшей волнами своими участки дороги; мѣстами вода не успѣла еще спасть и тогда нужно было или взбираться на фургоны, или перебираться по каменной оградѣ еще не успѣвшихъ освободиться отъ воды прибрежныхъ луговыхъ полосокъ

Вотъ въ сторонѣ отъ дороги на косогорѣ мелькнулъ нарядный домикъ съ плоской кровлей, но чистенькими оконцами и дверьми, выходящими на открытый длинный корридорчикъ, куда вело нѣсколько ступенекъ; подлѣ скромно стояли два, три покосившіяся на бокъ почернѣвшія сосновыя строенія. Видимо, дѣла владѣльца усадьбы пошли хорошо, и онъ, не желая покидать насиженнаго мѣста, постарался только придать своему дому хотя нѣкоторое подобіе видѣннымъ имъ на плоскости образцамъ. Теперь онъ самъ, еще довольно молодой, средняго роста, съ лицомъ, обрамленнымъ небольшой черной бородкой, въ папахѣ, коричневой черкескѣ и козловыхъ мягкихъ сапогахъ, самодовольный стоялъ на корридорѣ, подбоченясь одной рукой и опершись другой на кинжалъ. Рядомъ съ нимъ находилось двѣ женщины-шатенки съ длинными косами, въ яркихъ ситцевыхъ костюмахъ съ преобладаніемъ краснаго и синяго цвѣта, въ правильномъ овалѣ ихъ бѣлаго лица съ чуть-чуть только выступающими скулами и тонкими чертами проглядывала замѣтно примѣсь кабардинской крови, значительно сгладившая татарскій типъ. Завидя насъ, они не могли удержаться отъ любопытства и быстро сбѣжали внизъ по косогору, но какъ бы испугавшись слишкомъ большого числа незнакомыхъ мужчинъ, остановились въ нерѣшительности на серединѣ двора. Маленькій черноглазый мальчуганъ, чистенько одѣтый въ бешметикъ и чевяки (туфли изъ козловой кожи) съ лихо надвинутой на затылокъ барашковой шапкой, игравшійся на томъ-же дворѣ, оказался смѣлѣе, и едва мы поравнялись съ усадьбой, какъ онъ былъ уже на дорогѣ, громко смѣясь и что-то крича на своемъ языкѣ; наши казаки пустили въ оборотъ скудный запасъ татарскихъ словъ, чѣмъ привели его въ восторгъ, но когда одинъ изъ нихъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ поймать его, въ глазахъ мальчика сверкнулъ злой огонекъ и онъ съ необычайной легкостью въ мигъ былъ уже за оградой, грозя оттуда кулаченками.

Нѣсколько дальше небольшой горный потокъ растекался по дорогѣ многочисленными ручейками, терявшимися среди камней по дорогѣ къ Баксану. Мы успѣли отъѣхать версты четыре отъ Микузана, перебраться по мосту (высота мѣста около 1400 метровъ) на правый берегъ Баксана; а кругомъ уныло глядѣли все тѣ-же сырые утесы, виднѣлся вверху по прежнему клочекъ затянутаго облаками неба; въ узкомъ ущельѣ рано начинало темнѣть,—

глыбахъ можно было наблюдать крупныя включенья зелено-каменныхъ породъ, частью гнейсоваго габитуса. У Микузана попадаются часто глыбы свѣтловато-сѣрыя, богатыя очень крупными порфировидными кристаллами полевого шпата и кварцемъ съ зеленоватыми жилковатыми выдѣленьями, повидимому, хлорита и роговой обманки.

даже какъ-то не вѣрилось, что шелъ всего шестой часъ, и только тоску нагоняла на сердце своимъ шумомъ шалунья рѣка.

Но вотъ вдоль дороги стали попадаться одинокіе кустики барбариса и можжевельника; какъ-то свѣтлѣе и шире выглядѣла завѣса небесъ, обрамленная контурами разступившихся горныхъ хребтовъ; изъ-за сосѣдняго косогора все явственнѣе доносился какой-то грохотъ. Мы обогнули уступъ, за которымъ дорога поворачивала немного къ востоку, и нашимъ глазамъ открылся чудный видъ на живописную равнинную котловину, раскинувшуюся на большомъ пространствѣ у насъ подъ ногами.

Она представлялась намъ сверху сплошнымъ ковромъ, сотканнымъ изъ зеленѣющихъ луговъ и желтѣющихъ пашень, разграниченныхъ между собой тонкимъ шнуркомъ невысокихъ каменныхъ изгородей. Величаво-спокойно и широко разлился по долинѣ Баксанъ; его рукава съ переброшенными черезъ нихъ легкими мостиками красиво огибали многочисленные песчаные острова, отчасти покрытые растительностью. Привольно раскинулись по берегамъ рѣки коши и хуторки; они не прятались по лощинамъ, а были всѣ, какъ на ладони, и весело поглядывали другъ на друга, озаряемые пробивающимися изъза горныхъ хребтовъ лучами заходящаго солнца. Горные хребты, словно волшебнымъ кольцомъ, опоясывали всю котловину, а на юго-востокѣ серебристыми клиньями на фонѣ сѣровато-зеленоватыхъ скалистыхъ утесовъ мелькали спускающіеся съ ближайшихъ высотъ Сулуколъ-баши (4258 метр.) ледники. А прямо наперерѣзъ намъ съ восточныхъ отроговъ, мимо робко прижавшагося къ скаламъ скромнаго хутора, со страшной быстротой и бѣшенымъ ревомъ неслась вся покрытая бѣлоснѣжною пѣной въ непрерывной вереницѣ живописныхъ каскадовъ, грохоча перекатными камнями рѣка Сабалыкъ-су среди нагроможденнаго окраиннаго вала аплитоподобныхъ гранитныхъ глыбъ бѣлаго цвѣта съ блестками черной слюды. Мѣстами, подъ напоромъ набѣгающихъ волнъ, высоко вздымались ея мутновато-зеленоватыя воды и тогда казалось, что еще немного, и вся масса ихъ ринется влѣво, въ долину, затопляя хутора, луга и поля. Но вода прорывала заторы, и какъ-бы опьяненная безумьемъ красавица-рѣка продолжала мчаться по барьеру гигантской арены въ объятья клокотавшаго внизу въ каменныхъ тискахъ грязнаго Баксана. Какъ тростникъ, дрожалъ подъ ногами переброшенный черезъ рѣку прочный сосновый мостъ; какъ легкій туманъ, колыхалось надъ упругой поверхностью волнъ покрывало изъ вѣющихъ свѣжестью прохлады мельчайшихъ безчисленныхъ брызгъ, и невольно вырывалось изъ груди восторженное «бак-сан»,— «погляди, посмотри»!..

Высоко надъ долиною, по карнизу у скалъ, огибали мы большой полукругъ, поднявшись сначала отъ моста на востокъ, юго-востокъ, югъ въ гору, откуда были уже видны покрытые снѣгомъ отроги Эльбруса, а потомъ, взявъ направленіе на юго-западъ, западъ, спустились въ луговую долину. Многочисленные ручьи скатывались сюда красивыми задумчиво-шумящими водопадами съ сосѣднихъ утесовъ и растекались на просторѣ, маскируемые зеленью луговъ, куда довѣрчиво ступала нога довѣрчиваго путника. Рукава широко

разлившагося Баксана (онъ течетъ здѣсь на протяженіи около двухъ верстъ съ запада на востокъ въ широкомъ почти направленіи и пространство, захватываемое всѣми его рукавами достигаетъ полутораста саженъ въ ширину), образующаго мѣстами сплошную водную ленту до двадцати пяти саженъ шириной; часто вторгались въ полотно дороги и въ прилегающіе къ ней луговые участки. Въ такихъ случаяхъ приходилось или перебираться въ экипажи, или, при желаньи, балансировать съ извѣстнымъ рискомъ по тонкимъ пластамъ придорожной изгороди. Особенно доставалось тогда нашей линейкѣ, —мало того, что подножки ея скрывались подъ водой; она, въ силу неровностей дна и загроможденія его камнями, нерѣдко накренялась набокъ, и злополучнымъ сѣдокамъ, при всѣхъ мѣрахъ предосторожности, приходилось испытать непріятное ощущеніе отъ подмоченнаго холодной водой сидѣнья; случалось, что не успѣвали счастливцы противоположной стороны порадоваться своей удачѣ, какъ линейка накренялась въ ихъ сторону, и тѣмъ устранялся поводъ съ чьей-бы-то нибыло стороны жаловаться на пристрастіе судьбы.

Въ половинѣ седьмого мы подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ рѣка возвращалась къ своему господствующему сѣверо-восточному направленію у хутора Камышъ-апалды, просторныя и высокія жилыя строенія котораго изъ превосходнаго сосноваго лѣса и большіе усадебные участки свидѣтельствовали о зажиточности его обитателей, всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ только укрѣплявшихъ въ путникѣ первое впечатлѣніе. Широкій мостъ черезъ рѣку велъ къ кошу на противоположномъ берегу; тамъ въ узкой разсѣлинѣ скалъ пролагалъ себѣ путь чуть-ли не по вертикальной стѣнѣ утесовъ горный потокъ, образуя семь водопадовъ съ довольно большой высотою хрустальной струи. Мы оставили мостъ въ сторонѣ и обогнули концевой уступъ окаймляющаго котловину съ юго-востока хребта. Скрылись изъ виду жилыя строенья, луга и поля. Показались можжевельникъ и барбарисъ, а нѣсколько дальше по правобережнымъ склонамъ поползли смѣшанные березово-сосновые съ единичными вязами и ольхами лѣса, съ густыми кустарниками кавказской жимолости и ежевики и высокими травянистыми растеньями. Дорога шла въ тѣни деревъ по надъ самой рѣкой, собравшей въ одно русло свои мутноватыя воды. Мѣстами они слишкомъ бурно ласкались къ низкому берегу; вымывался песчано-глинистый грунтъ изъ-подъ тонкаго почвеннаго слоя, опутаннаго войлокомъ тонкихъ корневыхъ нитей, и гордыя сосны тогда какъ-бы нависали надъ игриво бѣгущей водой съ уцѣлѣвшими клочьями прикорневого дерна или безпомощно сваливались въ рѣку, утративъ послѣднюю точку опоры. Напротивъ высились лишенные кустарниковой и древесной растительности, словно выжженные солнцемъ, обращенные на юго-востокъ склоны отрога хребта Зугулла; было видно, какъ онъ понижался вдали, изгибая свою контурную линію и уступая свое мѣсто другому, такъ-же, какъ и самъ онъ вытянутому вдоль по долинѣ рѣки кряжу, за которымъ по тѣсному ущелью пролагалъ себѣ путь одинъ изъ лѣвыхъ притоковъ Баксана—р. Кыртыкъ-су, берущій начало на восточныхъ склонахъ Эльбруса у «снѣжной долины» Джика-угенъ-кёзъ и мѣняющаго свое восточное направленіе на южное благодаря стоящимъ на его

ЭЛЬБРУСЪ СЪ ТЕРСКОЛЬСКАГО ПИКА.

Съ фот. Н. Нациевскаго.

пути твердынямъ хребта Зугулла. Склоны обоихъ прибрежныхъ кряжей обрамлялись мощнымъ валомъ примыкающихъ къ нимъ желтоцвѣтныхъ песчано-глинистыхъ, по наружному виду, отложеній, высотой до сорока саженъ, обрывающихся почти отвѣсной стѣной къ самому дну долины, почти во всю ширину, отъ края до края, исключая узкой полосы, по которой пролегала дорога, заполненной песками и галечникомъ Баксана. Мѣстами виднѣлись отдѣльные валуны, засѣвшіе, какъ непріятельскія ядра, въ стѣнѣ; но издали трудно было опредѣлить, представляетъ-ли весь валъ, частью размытый на характерныя земляныя пирамиды, остатки морены двигавшагося нѣкогда ледника, или это просто мощныя толщи древнихъ иловатыхъ осадковъ, отложившихся въ довольно спокойныхъ водахъ и срѣзанныхъ впослѣдствіи, точно острымъ лезвіемъ, волнами Баксана, хотя самая форма долины носила здѣсь характеръ не озернаго котловинообразнаго расширенія, а скорѣе не широкаго прохода, верстъ шесть-семь длиною, по дну котораго Баксанъ разбивался порою на сложную сѣть рукавовъ, уставши подмывать соединенными силами то низовый берегъ съ полотномъ дороги, то обрывистыя стѣны глинистаго вала и образуя обширныя отмели, гдѣ воды его, при слабомъ паденіи, заливали значительное пространство между двумя берегами. Вдали края долины какъ-бы сближались другъ съ другомъ, и въ извилистомъ вырѣзѣ ихъ очертаній обрисовывалась столь характерная серебристая трапеціеобразная снѣговая вершина красавца Донгузъ-оруна.

Полотно дороги не вездѣ было достаточно ровно; попадались небольшіе подъемы и спуски и просто выступала каменная глыба, не успѣвшая еще окончательно истереться и сгладиться; но во всякомъ случаѣ за пять верстъ пути среди лѣса подъ мягкій рокотъ волнъ Баксана мы успѣли немного отдохнуть, и намъ не представляло уже особеннаго труда преодолѣть послѣднія остававшіяся до мелькнувшаго впереди сел. Урусбіева двѣ версты, когда дорога уже вышла изъ лѣса, и сиротливо смотрѣли на нее лишенные тѣнистаго крова обвалы гранитныхъ и гнейсовыхъ глыбъ бѣлаго, краснаго и сѣраго цвѣта и холодные обнаженные утесы. Узкая придорожная полоса у правобережныхъ склоновъ смѣнилась довольно широкой береговой террасой; подобное-же платообразное возвышеніе далеко вдавалось въ долину и со стороны лѣваго берега, сильно сдавившее русло Баксана, и онъ быстро мчался подъ уклонъ, пѣнясь и грозно шумя въ непреодолимомъ стремленіи поскорѣе вырваться изъ тисковъ на широкій просторъ.

НАЛЬЧИКОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ — ——

ГЛАВА VI.

Въ столицѣ Урусбія.—Князь Науруз.—Гримасы счастья.—Старый кунакъ.—Ущелье Адыръ-су.—Водопадъ на Сюлтранъ-су.—Кыртыкскій перевалъ.—Въ аппартаментахъ князя.—Тайны ружья «Гиче-шкокъ».—Священная вершина Минги-тау.

Около восьми часовъ вечера мы переѣхали по прекрасному мосту на лѣвый берегъ Баксана. Нѣсколько выше моста шумно вливалъ въ Баксанъ свои струи Кыртыкъ-су, по обѣимъ сторонамъ котораго на склонахъ горъ Сылтранъ и Сабалыкъ раскинулось селеніе Урусбіево, единственный крупный населенный и административный пунктъ во всемъ Баксанскомъ ущельи до выхода Баксана изъ Микузанскихъ тѣснинъ. Невдалекѣ отъ моста, вправо отъ дороги, на широкой и возвышенной береговой лужайкѣ виднѣлась усадьба мѣстнаго таубія (помѣщика) князя Науруза Урусбіева*). Оставивъ подводы у моста на лужайкѣ, мы отрядили изъ своей среды небольшую депутацію къ князю, состоящему членомъ Кавказскаго Горнаго Общества, чтобы заручиться его содѣйствіемъ въ организаціи дальнѣйшаго нашего путешествія. Княжеская усадьба занимаетъ самое лучшее мѣсто на территоріи селенія; посреди большого двора, поросшаго густой зеленой травой, стоитъ довольно большой одноэтажный домъ подъ желѣзною крышей, нѣсколько въ сторонѣ, на высокомъ фундаментѣ чистенькій, свѣтленькій деревянный флигилекъ, гдѣ обыкновенно князь помѣщаетъ наѣзжающихъ къ нему интеллигентныхъ гостей, и наконецъ длинный корпусъ низкихъ дворовыхъ построекъ изъ сосновыхъ брусьевъ туземнаго образца, безъ оконъ, съ характерными плетеными, обмазанными глиной, коническими трубами на плоской кровлѣ,—тутъ находятся кухня, помѣщеніе для слугъ, сарайчики и спеціальная чистая и просторная комната для гостей-горцевъ («кунацкая») съ необходимыми спальными принадлежностями.

Князь былъ дома. Высокій и стройный, въ черномъ бешметѣ, съ дымящейся папиросой въ рукахъ, онъ стоялъ на лужайкѣ передъ флигелемъ, мирно бесѣдуя о хозяйственныхъ нуждахъ со своими близкими и дальними родственниками, между которыми бросалась въ глаза фигура юркаго Бачая, хорошо знакомаго съ фирновыми полями Эльбруса. Насъ приняли очень любезно, посовѣтовавъ отложить дѣловые разговоры до утра, а пока что, хорошенько отдохнуть въ просторной кунацкой (флигель былъ занятъ пріѣхавшими погостить изъ Нальчика старыми пріятелями князя), для чего были

*) Энергичнымъ трудомъ отца князя, горскаго таубія Измаила Урусбіева, принимавшаго у себя еще знаменитаго Фрешвильда и сопутствовавшаго послѣднему въ его восхожденіи на восточную вершину Эльбруса въ 1868 году, проложена на протяженіи около 80 верстъ та дорога, по которой теперь можно безъ особыхъ затрудненій свободно проѣхать въ экипажѣ отъ Баксанскаго поста до селенія (аула) Урусбіева. По всей вѣроятности прокладка этой дороги потребовала со стороны строителя значительныхъ затратъ, такъ-какъ устройство, хотя и простыхъ, но многочисленныхъ мостовъ черезъ Баксанъ и снятіе громадныхъ скалъ не могли обойтись дешево. Къ сожалѣнію, ремонтировать ее некому, и только благодаря крѣпкому по природѣ своей грунту по ней и теперь еще можно ѣздить довольно сносно. А между тѣмъ она имѣетъ громадное значеніе не только для мѣстнаго населенія, но и для вольной Сванетіи, да и въ минувшую Турецкую Кампанію она сослужила хорошую службу.

отданы соотвѣтствующія распоряженія прислугѣ. Насъ было слишкомъ много, чтобы претендовать на большее гостепріимство со стороны князя; къ тому-же его стада находились тогда на горныхъ пастбищахъ, а овощи на огородѣ еще далеко не созрѣли.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда наши казаки снесли всѣ необходимыя вещи, оставшись сами ночевать на полянкѣ у моста подлѣ стреноженныхъ коней. Къ сожалѣнію, мы слишкомъ понадѣялись на туземную прислугу, почти ни слова ни понимавшую по-русски, и рано отпустили казаковъ. Съ помощью Бачая, удалось, правда, раздобыть за четыре рубля хорошаго барашка, но полакомиться ароматнымъ шашлыкомъ на этотъ разъ не пришлось: повидимому старухи-татарки не поняли насъ, бултыхнули цѣлаго барана въ кипящій котелъ и приподнесли намъ груду варенаго мяса, выливъ содержимое котла, по какимъ-то страннымъ соображеніямъ, попросту на дворъ; хорошо еще, что нашлось молоко и айранъ. Впрочемъ, студентъ В. М. Ройхель и авторъ этихъ строкъ не дождались печальнаго финала, отправившись по опустѣвшимъ узкимъ улицамъ аула въ гости къ своему старому кунаку—хромому Баксануко, настоятельно приглашавшему насъ къ себѣ на новоселье.

Чистенькій домикъ Баксануко, съ хорошенькимъ корридорчикомъ, крытый новенькой черепицею, производилъ снаружи и внутри самое пріятное впечатлѣніе, а когда насъ усадили на разостланномъ на деревянномъ полу коврѣ, и молодая, миловидная хозяйка заботливо подложила каждому изъ насъ по большой подушкѣ, то лично мнѣ стоило огромныхъ усилій, чтобы не смежить глаза въ пріятной истомѣ послѣ долгаго пути, подъ звуки колыбельной пѣсни совсѣмъ еще юной жены брата хозяина, убаюкивающей подлѣ насъ въ нарядной, стоящей на полу колыбелькѣ своего маленькаго первенца. Мы наотрѣзъ отказались утруждать въ такой поздній часъ хозяевъ приготовленьемъ горячаго ужина, какъ ни казались заманчивыми дымящаяся шурпа (баранiй супъ) и чихиндырь-кичикъ (пирогъ съ мясной начинкой), и вполнѣ были удовлетворены свѣжимъ овечьимъ сыромъ съ вареным картофелемъ и холоднымъ айраномъ съ только-что испеченными вкусными лепешками, поданными намъ на низкомъ кругломъ столикѣ, такъ что мы въ полномъ смыслѣ возлежали за трапезой. Но вслѣдъ затѣмъ, къ нашему изумленію, появился обычный столъ, покрытый чистой скатертью, чайная посуда и весело шумящій самоварчикъ, поставленный въ сторонкѣ на маленькомъ табуретѣ. Всѣ размѣстились вокругъ стола на деревянныхъ скамьяхъ за стаканами горячаго чаю, показавшагося намъ въ этой уютной обстановкѣ особенно вкуснымъ. Хозяйка, повидимому, хотѣла исчерпать до конца свою любезность: отлучившись на минуту въ сосѣднюю комнату, она вернулась оттуда съ коробкой монпансье и направилась прямо ко мнѣ; когда я протянулъ было руку къ открытой коробкѣ, она удержала меня, а затѣмъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ, чтобы я открылъ ротъ, со смѣхомъ, какъ малому ребенку, вложила туда собственноручно конфетку; тоже самое она продѣлала послѣдовательно съ моимъ сосѣдомъ, мужемъ, своей belle soeur и братомъ мужа, чернобровымъ красавцемъ, непринужденно похлопавшимъ ее по плечу.

Время прошло незамѣтно, и близилась полночь, когда мы простились съ радушными хозяевами и направились къ мѣсту ночлега нашихъ товарищей, осторожно пробираясь по за домами вдоль обложенныхъ камешками маленькихъ проточныхъ канавокъ, питаемыхъ впадающей въ верхнихъ частяхъ селенья въ р. Кыртыкъ рѣкою Сылтранъ-су и прекрасно отправляющихъ функціи канализаціонной сѣти. Въ кунацкой все спало мирнымъ сномъ, въ которомъ потонули всѣ огорченья прожитаго дня. Намъ оставалось только безшумно пройти на свое мѣсто и послѣдовать общему примѣру. А на дворѣ стояла тихая теплая ночь ($t=18^{\circ}C$; барометр. давл. 636 mm; высота мѣста по анероиду 1530 метр.), и озаряемые мягкимъ луннымъ свѣтомъ расплывались въ какіе-то сказочные замки изрѣзанные кряжи сосѣднихъ хребтовъ, —переливнымъ серебромъ сверкали быстрыя волны горнаго потока, и руинами исполинской лѣстницы съ изъѣденными трещинами ступенями представлялся прильнувшій къ горнымъ склонамъ аулъ съ почти плоскими кровлями его частью деревянныхъ, частью каменныхъ домиковъ, переходящими нерѣдко непосредственно въ дворовыя площадки сосѣднихъ усадебъ.

Въ 6 часовъ утра мой вѣрный Лепорелло—П. Г. Лысенковъ уже тормошилъ меня своей загорѣлой рукой. Надо было понемногу собираться въ дорогу и позаботиться насчетъ осликовъ для перевозки вьюковъ и относительно туземцевъ-проводниковъ. Въ кунацкой все засуетилось, а волна свѣжаго утренняго воздуха и потокъ яркаго дневного свѣта, ворвавшіеся въ настежъ открытыя двери, скоро поставили на ноги даже тѣхъ, чей безмятежный сонъ не въ силахъ, казалось, нарушить никакая сутолока. Солнце успѣло уже высоко подняться изъ-за правобережныхъ баксанскихъ хребтовъ, крутые склоны которыхъ, покрытые густымъ сосновымъ лѣсомъ, утопали въ глубокой тѣни. Шаловливо играя въ каскадахъ своихъ солнечнымъ лучомъ, вырывалась оттуда по узкому каньону, промытому въ гранитахъ и гнейсахъ, Адыръ-су*) и шумно катила свои волны въ Баксанъ среди собственныхъ мощныхъ выносовъ, покрытыхъ лугами и пашнями и какъ-бы обрамлявшихъ красивымъ изумрудно-зеленымъ вѣерообразнымъ плацомъ подножье породившихъ ихъ горъ. Все вокругъ было залито золотистыми лучами и сливалось съ безоблачнымъ лазоревымъ небомъ въ одну свѣтозарную улыбку. Не смот-

*) Рѣка Адыръ-су на всемъ своемъ двадцативерстномъ протяженіи сохраняетъ юго-восточное, приближающееся къ южному, направленіе и беретъ начало у одноименнаго съ ней ледника, питаемаго обшими фирновыми полями западныхъ склоновъ горной группы Адыръ-су-баши (4376 м.) и сѣверныхъ склоновъ горной группы Сарыколъ-баши (4256 м.); у подножья послѣдней и проходитъ на высотѣ (3700 м.) такъ называемый Местійскій перевалъ, по которому можно переправиться въ Сванетію, повернувъ на западъ по леднику Лекзыръ и затѣмъ на югъ по южному отвѣтвленію его, питающему потокъ Тюйбри, принимаемой за истокъ р. Мулхры. Дорога къ Местійскому перевалу идетъ сначала по лѣвому берегу Адыръ-су въ узкомъ каньонѣ, а потомъ по провалу, въ сравнительно широкой долинѣ, по склонамъ которой, порой на значительной высотѣ, можно прослѣдить остатки боковыхъ и конечныхъ старыхъ моренъ, совершенно размытыхъ въ болѣе нижнихъ частяхъ теченья рѣки и перемѣшанныхъ съ валуннымъ выносомъ боковыхъ притоковъ рѣки, частью пересохшихъ и оставившихъ послѣ себя нагроможденныя гряды камней, успѣвшія порости лѣсомъ. Самый перевалъ по крутизнѣ, высотѣ, длинѣ снѣжнаго пути и частотѣ снѣжныхъ заваловъ слѣдуетъ отнести къ числу очень трудныхъ, если принять во вниманіе еще и его весьма значительную высоту.

рѣли такъ мрачно замыкающіе долину Баксана тѣснины, сквозь которыя ясно видиѣлись теперь на сѣверо-востокѣ мягкіе контуры куркужанскихъ хребтовъ, а на юго-западѣ рельефно выдѣлялись очертанья Донгузъ-орунскаго*) столообразнаго массива, словно упиравшагося своими льдами и снѣгами въ темные хвойные лѣса подступающихъ къ нему отроговъ. Не столь высокими и угрюмыми, какъ почной порой, представлялись теперь озаренные солнцемъ склоны хребтовъ, окаймляющихъ урусбіевскую котловину съ сѣвера, сѣверо-запада и запада. Неустанная вѣковая работа Кыртыкъ-су и Сылтранъ-су**) съ ихъ притоками не мало способствовали расчлененію нѣкогда цѣльнаго массива, и теперъ при свѣтѣ дня пять не особенно высокихъ, то пріостренныхъ, то округленно-вершинныхъ горныхъ группъ, обрамленнымъ по гребнямъ рѣдкими стройными соснами, красиво проэктировались своими контурами на темно-бронзовомъ фонѣ неба. Изъ-за нихъ вдали, въ томъ направленіи, откуда мчалась рѣка Сылтранъ-су, серебрились фирновыя поля Эльбруса, а внизу убѣгали къ Баксану, богато орошенные, обрамленные тонкими линіями каменныхъ оградокъ, луга и поля, дополняя своеобразное сочетаніе красокъ и пріятно лаская взоръ, уставшій скользить по унылымъ склонамъ съ желто-бурыми обнаженными скалами и мощными осыпями, гдѣ лѣпились съ трудомъ одинокіе кусты барбариса и овальной формы темно-зеленыя густыя заросли ползучаго можжевельника.

---

*) Донгузъ-орунъ по татарски означаетъ «свиной сарай»; говорятъ, въ его ущельяхъ и теперь водится не мало кабановъ.

**) Сылтранъ-су вытекаетъ изъ озера Сылтранъ-ель, расположеннаго вблизи области фирновыхъ полей Эльбруса на высотѣ около 3113 метровъ и представляетъ изъ себя круглый водоемъ до полутораста саженъ въ діаметрѣ. До него можно добраться только пѣшкомъ послѣ нѣсколькихъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ, слѣдуя въ западномъ направленіи отъ Урусбіева по лѣвому берегу р. Сылтранъ-су и затративъ на это до семи часовъ времени; впрочемъ, можно прекрасно издали налюбоваться имъ, пройдя съ версту по довольно крутой горѣ, что прямо на западъ отъ селенія, и перевалить черезъ нее. Особенно хорошо побывать тамъ въ безоблачное ясное утро, когда такъ поразительно прекрасенъ бирюзовый цвѣтъ неба, незнакомый жителю равнинъ. На фонѣ его рисуются причудливо изрѣзанныя очертанія ближайшаго хребта, идущаго приблизительно параллельно Баксану; за нимъ, какъ-бы обрамленная снѣжной полосой, сверкаетъ на солнце зеркальная гладь озера; быстро несется по крутому уклону, мелькая изъ-за утеса, Сылтранъ-су, добѣгаетъ такъ до встрѣчнаго исполинскаго уступа въ своемъ гранито-гнейсовомъ ложѣ и низвергается внизъ съ высоты трехъ десятковъ саженъ, распыляя всю массу набѣгающей воды въ бѣлоснѣжныя брызги, чтобы черезъ мгновенье снова бѣшенно мчаться уже по дну глубокаго и узкаго ущелья въ видѣ шумнаго потока; лучъ солнца играетъ всѣми цвѣтами радуги въ мельчайшихъ капляхъ стремительно катящихся струй, и отбрасываемыя ими на прибрежныя скалы красивыя тѣни сами находятся въ непрерывномъ движеніи, словно несутся въ погоню за безвозвратно убѣгающей водой.

Желающихъ перевалить съ Баксана въ долину р. Малки для дальнѣйшаго слѣдованія на Кисловодскъ нужно подняться по крутому склону горы, что лежитъ на сѣверъ отъ сел. Урусбіева, а затѣмъ спуститься въ довольно красивое ущелье рѣки Кыртыкъ, съ разбросанными тамъ и сямъ хлѣбными полями и продолжать путь по вьючной тропѣ вверхъ по теченію рѣки, то пересѣкая чудныя луговыя полянки съ пріютившимися подлѣ небольшими пастушескими стоянками-кошами, гдѣ заготовляютъ сыръ и айранъ, то пробираться съ большимъ трудомъ по крутымъ косогорамъ. Мѣстами встрѣчаются и рѣдкія сосны, но только до высоты приблизительно въ 2450 метровъ, являющейся здѣсь предѣломъ древесной растительности. Верстахъ въ десяти отъ сел. Урусбіева подлѣ тропинки выбивается на поверхность углекислый источникъ, напоминающій нѣсколько солоноватымъ вкусомъ воду «Ессентуки № 4» и, по отзывамъ туземцевъ, очень полезный и людямъ, и скотинѣ; а верстахъ въ пяти отъ него, уже за горой Исламъ-чатъ, на хребтѣ Шаукомъ-сыртъ лежитъ и самый пере-

Синеватыя змѣйки дыма взвивались надъ кровлями жилищъ аула и медленно таяли въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ; потянулись женщины за водой съ длинногорлыми металлическими кувшинами за спиною; улицы огласились пронзительнымъ ржаньемъ ишаковъ*), отправляющихся съ хозяевами на сосѣдніе кошы кыртыкскіе пастушескіе и баксанскіе хутора; молодой муэдзинъ прокричалъ съ минарета положенный стихъ изъ корана; нѣсколько стариковъ въ теплыхъ халатахъ и обмотанныхъ бѣлою чалмою барашковыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ (побывавшіе въ Меккѣ «хаджи») не спѣша прослѣдовали по деревянному мосту черезъ Кыртыкъ къ старенькой мечети; купцы**) медленно раскрывали свои лавки, самодовольно оглядывая свой товаръ и перебрасываясь короткими фразами съ зазѣвавшимися прохожими.

Пока наши казаки ходили раздобывать по сёленію яицъ, молока и керосина на дорогу, мы прошли въ кабинетъ любезно пригласившаго насъ князя и при его посредствѣ довольно скоро уладили все дѣло относительно вьючныхъ ишаковъ и проводниковъ по фирновымъ полямъ; это избавило насъ отъ обычной въ такихъ случаяхъ длительной процедуры безплодныхъ,

---

валъ Кыртыкъ-аушъ (3240 метровъ), по которому тропа ведетъ уже въ богатыя превосходными пастбищами верховья р. Малки съ ея живописными водопадами и расположенными подлѣ въ трехъ природныхъ глубокихъ водоемахъ мощными минеральными углекислыми источниками, получившими благодаря своей бурной игрѣ названіе горячихъ или кипящихъ, хотя температура ихъ около 14°R. Туземцы прибѣгаютъ къ помощи этихъ источниковъ въ случаяхъ сильныхъ ревматизмовъ, придерживаясь выработаннаго еще дѣдами оригинальнаго способа пользованія цѣлебными водами. Неподалеку отъ «нарзана»,—такъ они называютъ эти источники,—на ровномъ мѣстѣ вырываютъ яму, длиною сообразно росту паціента и глубиной до 1/4 аршина; дно и стѣнки ямы тщательно просушиваютъ и сильно нагрѣваютъ при помощи разводимаго въ ней костра, затѣмъ угли выгребаются и устраивается особое ложе изъ травы, покрытой сверху войлоками и овчинами. Тѣмъ временемъ больного помѣщаютъ въ одинъ изъ нарзанныхъ водоемовъ, а черезъ нѣкоторое время переносятъ его оттуда совершенно нагимъ на рукахъ въ яму, плотно укутываютъ овчинами, чтобы прекратить по возможности всякій доступъ свѣжаго воздуха, и сколько-бы онъ ни молилъ и ни вопилъ, его выдерживаютъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не выступитъ потъ на овчинахъ, послѣ чего злополучному узнику даютъ, наконецъ, возможность подышать свѣжимъ воздухомъ и освобождаютъ отъ тисковъ. Такъ по крайней мѣрѣ практиковалось еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и, какъ говорятъ, послѣ такого радикальнаго пріема лѣченія больные быстро поправлялись и уѣзжали съ «курорта» домой верхомъ на конѣ безъ всякой посторонней помощи. (Ежег. К. Г. О. № 3).

*) Климатическія и почвенныя условія (здѣсь можетъ вызрѣвать изъ хлѣбныхъ злаковъ только ячмень, а именно, кукурузу и пшеничную муку приходится пріобрѣтать на сторонѣ) дѣлаютъ естественно скотоводство главнымъ занятіемъ урусбіевцевъ, и какъ только зазеленѣетъ весной на предгорьяхъ молодая трава, почти все взрослое мужское населеніе, за исключеніемъ почтенныхъ стариковъ и главъ семействъ, покидаетъ аулъ до осени. Изъ скотины дома оставляютъ только дойныхъ коровъ съ ихъ телятами, рѣдко верховую лошадь для поѣздки, преимущественно-же ишаковъ для различныхъ хозяйственныхъ надобностей и заготовки дровъ на зиму.

**) Торговля преимущественно въ рукахъ горскихъ евреевъ, которыхъ здѣсь нѣсколько семействъ; всѣ они выходцы изъ Нальчика, гдѣ впервые осѣло сорокъ семействъ горскихъ евреевъ еще во времена зенита славы Шамиля, позволившаго имъ переселиться на новыя мѣста изъ Дагестана. Внѣшнимъ образомъ жизни, костюмомъ и вооруженьемъ они нисколько не отличаются отъ коренного туземнаго населенія съ которымъ живутъ въ полномъ ладу и въ домашнемъ обиходѣ пользуются туземнымъ языкомъ. Доставляя населенью изъ Нальчика керосинъ, бакалейный и мануфактурный товаръ, они въ то-же время служатъ и посредниками по сбыту на ярмарку въ городъ Георгіевскъ (не особенно далеко отъ Пятигорска) скупаемыхъ у туземцевъ шерсти, бурокъ, паласовъ (родъ плотнаго войлочнаго покрывала) и горскаго свѣтло-сѣраго сукна.

окончательно выводящихъ изъ терпѣнія даже спокойнаго человѣка, переговоровъ съ переполняющими саклю, въ которой вы остановились, туземцами, не знающими положительно цѣны ни самимъ себѣ, ни своимъ ишакамъ, то совсѣмъ какъ-будто соглашающимся, то вслѣдъ затѣмъ отказывающимся отъ принятаго рѣшенія и начинающими заламывать невѣроятныя цѣны, чтобы въ концѣ концовъ, при вашей настойчивости, вдоволь накричавшись, пойти на уступки и оказаться въ общемъ милыми людьми.

Роскошный персидскій коверъ покрывалъ всю стѣну позади массивнаго письменнаго стола и былъ увѣшанъ сверху донизу живописно сгруппированнымъ всевозможнымъ стариннымъ родовымъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Тутъ были и дагестанскіе кинжалы съ широкимъ лезвіемъ, и кривыя турецкія сабли, и кремневые длинноствольные пистолеты, и такія-же узкоприкладныя ружья съ граненымъ стволомъ,—а между ними и знаменитое «Гиче-шкокъ», изъ котораго, по преданію, было уложено двѣнадцать кабардинскихъ князей*),—и массивные турьи рога—все въ золотыхъ и серебряныхъ съ чернью оправахъ съ перламутровыми и костяными инкрустаціями. Безмолвно глядѣли на насъ безстрастные свидѣтели былыхъ кровавыхъ битвъ, дорогою цѣною которыхъ покупалась свобода, и шумныхъ пировъ среди насиженныхъ скалъ и лѣсовъ подъ звуки пѣсни народнаго барда, облекавшаго въ форму поэтической импровизаціи тѣ или иные яркіе эпизоды изъ исторіи долгой борьбы со сванетами и кабардинцами, сильно тѣснившими мирное татарское племя, или посвящавшаго вольную пѣсню свою героическимъ сказаньямъ о древнихъ, нѣкогда будто жившихъ на Сѣверномъ Кавказѣ отъ Чернаго моря до Волги, нартахъ-богатыряхъ, отличавшихся величественной и привлекательной наружностью и прославленныхъ въ памяти потомства подвигами благородства, безстрашія и силы.

Бесѣда сама собою перешла на тему о величавомъ Минги-тау. Князь очень охотно дѣлился съ нами по этому поводу, вынесеннымъ имъ изъ разсказовъ своего родного отца, князя Измаила Урусбіева, сопутствовавшаго, какъ извѣстно, знаменитому Фрешвильду въ его восхожденіи на Эльбрусъ въ 1868

*) При всей несомнѣнности исключительнаго вліянія на обитателей Сѣвернаго Кавказа кабардинскихъ князей, нельзя не оспаривать факта будто-бы полной, почти рабской зависимости отъ нихъ горско-татарскихъ князей-таубіевъ. По крайней мѣрѣ нельзя не считаться съ тѣмъ документально подтверждаемымъ фактомъ, что въ томъ случаѣ, когда совершалось убійство какимъ-нибудь дѣйствительно подвластнымъ кабардинскимъ князьямъ одного изъ этихъ послѣднихъ, истреблялся сплошь и рядомъ цѣлый родъ злополучнаго князька; между тѣмъ, если кто-либо изъ горско-татарскихъ таубіевъ убивалъ кабардинскаго князя, то таубіи платили за это обычную «кровь» кабардинскимъ князьямъ, какъ свободные равносвободнымъ. Практически это повело даже къ тому, что если нужно было убить кабардинскаго князя, то старались привести это въ исполненіе рукою таубія, дабы не навлечь на своихъ единоплеменниковъ страшной мести со стороны кабардинскихъ князей по праву господъ надъ рабами. Такъ между прочимъ расправились въ свое время съ княземъ-деспотомъ Асланбекомъ Атажукинымъ; его заманили въ Чегемское ущелье, и здѣсь онъ былъ убитъ во время пира изъ ружья «Гаче-шкокъ» горскимъ таубіемъ Басьятомъ Балкароковымъ на родовой землѣ Балкароковыхъ «Акъ-Топракѣ». Впослѣдствіе уже вошло какъ-бы въ обычай избирать не только горскаго таубія орудіемъ мести въ отношеніи кабардинскихъ князей, но и осуществлять самый актъ такой мести именно съ помощью ружья «Гиче-шкокъ».

году. Со словъ отца, князь настоятельно рекомендовалъ намъ избрать для восхожденія горный кряжъ, окаймляющій справа Терскольскій ледникъ, а не путь по береговымъ склонамъ ледника Азау; но къ самой мысли о восхожденіи на вершину Эльбруса князь относился нѣсколько сдержанно-скептически и нисколько не скрывалъ своего сомнѣнія относительно того, удалось-ли вообще кому-бы то нибыло достигнуть завѣтнаго пункта, исключая развѣ только англичанина Фрешвильда, свѣтлая память о которомъ, повидимому, продолжаетъ быть окруженной въ семьѣ князя ореоломъ глубокаго уваженія. А между тѣмъ, всѣ тѣ лица, которыхъ мы привыкли встрѣчать въ спискѣ счастливцевъ, побывавшихъ на вершинѣ сѣдого великана, не миновали гостепріимнаго княжескаго дома; одни изъ нихъ оставили только слабый слѣдъ въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ тогда еще бывшаго слишкомъ юнымъ князя Науруза, съ другими онъ лично познакомился уже въ качествѣ старшаго представителя своего рода. Можетъ быть, причиной такого скептицизма является то обстоятельство, что надъ всѣми урусбіевцами, соглашавшимися,—а такихъ, какъ свидѣтельствуютъ иностранные и русскіе путешественники, приходится искать чуть-ли ни днемъ съ огнемъ,—и дѣйствительно пытавшимися подняться съ европейцами на Эльбрусъ, виситъ какой-то рокъ: никто изъ нихъ на самомъ дѣлѣ, исключая покойнаго спутника Деши Булая въ 1884 году, такъ-таки и не былъ на вершинѣ Эльбруса. То непогода заставляла весь караванъ преждевременно поворачивать назадъ, то разыгравшаяся снѣжная буря оказывающая какое-то оцѣпеняющее дѣйствіе на мирнаго сына горъ, когда, казалось, цѣль была уже совсѣмъ близка къ осуществленію (Агбай при восхожденіи Пастухова въ 1896 г.), и болѣе сильныя волей натуры выходили побѣдителями; то, наконецъ, неожиданный приступъ горной болѣзни парализовалъ на большой высотѣ въ тихую ясную погоду всѣ усилія туриста, который безпомощно валился на надежныя руки преданныхъ горцевъ, спѣшившихъ скорѣе покинуть горные склоны и еще болѣе укрѣплявшихся въ правдивости народной легенды о недоступности для смертныхъ Минги-тау, царящей надъ всѣмъ краемъ и ставшей какъ-бы священной вершиной

ГЛАВА VII.

Былое Баксана.—У конечной морены.—Величавые пики.—Колыбель лавинъ.—Секретъ ручья.—Идилія альпійской долины.—По ложу древняго ледника.—Ущелье Ирикъ.—Тайны холодныхъ окрашенныхъ волнъ.—У алтаря святилища лѣсовъ.—Хуторъ Теченекши.—За ткацкимъ станкомъ.—Лѣсомъ частымъ и дремучимъ.—Долина Адылъ-су.—Кратчайшій путь въ Сванетію.—Придорожная мельничка.—Казарма Юсенги.—Станичникъ.—Сила соблазна.—Въ тѣни вѣковыхъ сосенъ и березъ.—Туманы надъ Сюдами.—Бедаевскій поселокъ.—Баксанскіе «нарзаны».—Каскады р. Когутай.—Хуторъ Итколъ.—Конецъ колеснаго пути.—Съ котомкой за плечами.—Верховья Баксана.—Донгузъ-орунскій перевалъ.

Въ 11 часовъ дня мы покинули гостепріимную усадьбу, напутствуемые благопожеланіями князя, обѣщавшаго пріѣхать въ условленный день со своими гостями на Донгузъ-орунскій перевалъ и понаблюдать оттуда за нашимъ восхожденіемъ. Вскорѣ наши громоздкіе фургоны снова тяжело громыхали по урусбіевскому мосту, на который еще наканунѣ вечеромъ мы вступали истомленные и ворчливые. Не менѣе ста тридцати верстъ отдѣляло насъ теперь отъ Пятигорска; вотъ уже два дня, какъ мы не покидали береговъ Баксана, и могли вдоволь налюбоваться на его живописную поперечную долину, гдѣ значительныя котловинообразныя расширенья, хранящія мощныя толщи озернаго аллювія, чередуются съ узкими ущельями промыва, пріобрѣтающими особенную прелесть въ тонѣ развитія пластовъ известняковъ. Размывъ, вывѣтриваніе, отложеніе, эти великіе процессы разрушенія и созиданія, тѣсно переплетающіеся между собою, нашли себѣ здѣсь въ прошломъ и не перестаютъ находить и понынѣ яркое выраженіе, невольно приковывающее взоръ путника. Рѣка, образовавшаяся отъ стаиванья льдовъ, покрывающихъ горныя вершины, встрѣтивъ на своемъ пути преграду или въ видѣ задерживающихъ размываніе болѣе твердыхъ породъ, или въ видѣ преграждающихъ ей дорогу поперечныхъ каменныхъ валовъ, нагроможденныхъ выносами стремительныхъ боковыхъ притоковъ, пріостанавливала свой бѣгъ и направляла свою размывающую силу въ сторону болѣе податливыхъ боковыхъ склоновъ первичной долины, давая толчекъ къ возникновенью озеровиднаго расширенья, а можетъ быть и временнаго котловиннаго озера. Впослѣдствіи подобное расширеніе выполнялось постепенно осадками самой рѣки и матерьяломъ, скатывавшимся и смывавшимся ручьями съ сосѣднихъ горныхъ склоновъ, превращаясь мало по малу въ аллювіальную равнину, по которой струилась рѣка, успѣвшая промыть болѣе или менѣе узкій проходъ въ преградѣ для стока своихъ водъ. И такъ повторялось не разъ, пока, наконецъ, неутомимая рѣка не получала свободнаго доступа на привольный равнинный просторъ, оставляя далеко позади вдоль склоновъ своей долины валы береговыхъ террасъ, то уцѣлѣвшихъ гдѣ-нибудь высоко надъ теперешнимъ ложемъ рѣки въ видѣ небольшихъ клочковъ, то возвышающихся на значительномъ протяженіи лѣстницеобразно въ три или четыре яруса въ болѣе широкихъ частяхъ современной долины. Не рѣдко онѣ сложены вовсе не рѣчными отложеніями въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а главнымъ образомъ столь обманчиво напоминающими поддонную морену селевыми выносами, то-есть отложеніями тѣхъ случайныхъ

потоковъ, которые такъ часто возникаютъ въ горахъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ послѣ каждаго сильнаго ливня или слишкомъ быстраго таянья снѣговъ на вершинахъ и стремительно мчатъ внизъ, увлекая при случаѣ и встрѣчныя на пути по склону крупныя глыбы, огромныя массы щебня, перемѣшаннаго съ мелкою дресвою и глиной. А тамъ, гдѣ свободно могутъ гулять сухіе сѣверо-восточные вѣтры, врывающіеся въ долину со степей, не дающіе укрѣпиться растительности, и по тѣмъ или инымъ причинамъ нѣтъ на лицо благопріятныхъ условій для возникновенія достаточно сильныхъ ручьевъ, тамъ по крутымъ склонамъ образуются мощныя скопленія продуктовъ вывѣтриванія въ видѣ осыпей конической формы и спускаются далеко внизъ своими растянутыми основаніями, внося еще лишній рѣзкій штрихъ въ унылую картину полуобнаженныхъ скалъ съ жалкимъ, выжженнымъ солнцемъ травянистымъ покровомъ, тогда какъ въ разстояніи какой-нибудь одной или полуторы версты, только на противоположной сторонѣ рѣки развивается пышная растительность и радуетъ взоръ сочная зелень густыхъ травъ, деревъ и кустарниковъ.

Теперь намъ оставалось всего двадцать пять верстъ отъ Урусбіева до конца Баксанской долины при общемъ поднятіи въ шестьсотъ съ лишнимъ метровъ. Наша дорога шла по правому берегу Баксана въ сѣверо-западномъ направленіи; она то приближалась къ самой рѣкѣ, то нѣсколько удалялась отъ нея, и тогда ее съ двухъ сторонъ окаймляли почти непрерывными линіями сложенныя изъ камней или изъ сухихъ вѣтвей барбариса невысокія ограды, за которыми зеленѣли роскошные луга, колосился ячмень и созрѣвалъ картофель, получившій здѣсь большое распространеніе. Передъ нами раскинулась широкая долина, сильно выравненное дно которой, постепенно повышаясь по направленію длины ея, почти сливалось съ очень низкими берегами рѣки. На самой дорогѣ изъ-подъ толщи свѣтло-желтаго песку, нанесеннаго-ли сравнительно недавнимъ разливомъ, или наметеннаго вѣтромъ съ сосѣднихъ береговыхъ грядокъ, то тамъ, то сямъ пробивались упругія, не утратившія въ долгомъ плѣну своей жизнеспособности вѣтви ползучаго можжевельника. Коегдѣ и среди луговинокъ мелькали вмѣстѣ съ рѣдкими кустиками барбариса его мохнатыя приплюснутыя шапочки, а правобережные склоны долины сверху донизу были покрыты темно-зеленымъ густымъ и стройнымъ сосновымъ лѣсомъ. На другомъ берегу тоже вилась узкой лентой дорожка и мелькали луга, огороды, поля; какъ и здѣсь, тамъ ютились надъ ручьями небольшіе коши изъ одной, двухъ саклей, сложенныхъ наполовину изъ окатанныхъ рѣкою камней, наполовину изъ почернѣвшихъ отъ времени сосновыхъ бревенъ съ низкими двускатными земляными крышами, поросшими травкой. Только нѣсколько уже была тамъ прибрежная долинная полоса, да ужъ больно угрюмо смотрѣли полуобнаженные крутые скалистые склоны, покрытые вмѣсто чуднаго лѣса жалкими кустиками травки и огромными осыпями; все живое, казалось, способны онѣ заглушить и подавить, но не въ силахъ были совладать съ упругимъ и гибкимъ можжевельникомъ, и онъ смѣло вторгался туда, какъ дивный символъ несокрушимой выносливости въ тяжелой и упорной

борьбѣ. Впереди, на юго-западѣ долина замыкалась величественнымъ Донгузъ-орунскимъ массивомъ (4469 м.), сверкавшимъ на солнцѣ своими ледяными стѣнами, и огромный поперечный валъ древней конечной ледниковой морены какъ-бы преграждалъ на шестой верстѣ отъ Урусбіева дальнѣйшій путь къ зачарованнымъ чертогамъ холоднаго величія. Мрачный горбъ безпорядочно нагроможденныхъ гранитныхъ и гнейсовыхъ глыбъ, покрытыхъ мхами и лишайниками и сцементированныхъ глинистыми продуктами разрушенія горныхъ породъ, грозно надвигался съ лѣвобережныхъ склоновъ, сливаясь съ ними въ одно цѣлое. Баксанъ глубоко зарылся въ размытую моренную толщу и страшно ревѣлъ, быстро мчась подъ уклонъ среди обнаженныхъ моренныхъ скалъ и обдавая ихъ яростно пѣной.

Въ часъ дня, немного не доходя до мореннаго вала, мы переправились на лѣвый берегъ по зыбкому мосту изъ продольно положенныхъ сосновыхъ бревенъ. Высѣченная мѣстами въ скалахъ, носящихъ ясные слѣды пороховыхъ запаловъ, узкая дорожка вилась нѣкоторое время высоко надъ бурлящей рѣкой вдоль безжизненныхъ, пустынныхъ, лишенныхъ растительности отвѣсно нависающихъ громадъ. А напротивъ ярко зеленѣли вѣерообразныя каменныя поляны, сложенныя изъ старыхъ валунныхъ и песчано-галечныхъ выносовъ боковыхъ небольшихъ притоковъ Баксана. Далеко въ вышинѣ надъ покрытыми густымъ сосновымъ лѣсомъ склонами чернѣли остроскалистые пики Андырчи и Курмычи (4058 метр.) съ повисшими на ихъ обращенныхъ къ юго-западу страшно крутыхъ склонахъ узкими фирнъ-глетчерами. Красивыя параллельныя борозды тянулись по поверхности ихъ сверху донизу, указывая пути, по которымъ скатываются снѣжныя лавины; на сѣромъ фонѣ конечныхъ моренъ, зажатыхъ въ каменныхъ желобахъ, струились серебристыя змѣйки ледниковыхъ ручьевъ, и два рожденныхъ или отдѣльныхъ горныхъ потока, исчезнувъ на время изъ виду въ густой чащѣ сосноваго лѣса, а потомъ мелькнувъ раза два живописными каскадами, вырывались на пологіе склоны каменистыхъ полянъ накопленныхъ вѣками рѣчныхъ выносовъ, питая своими водами крохотныя мельнички ближайшихъ хуторовъ и многочисленныя оросительныя канавки сплошной пелены полей и луговъ.

Прошло еще какихъ-нибудь пятнадцать минутъ и дорожка побѣжала внизъ по мягкопологому луговому склону еще такъ недавно угрюмо смотрѣвшей конечной морены. Дно долины уже небыло, какъ прежде, плосковыравненнымъ во всю ширину ея. Каменистыя поляны, обрамляющія правобережные лѣсистые склоны, слегка пологія и широкія, глубоко вдаваясь въ долину, мѣстами не высоко, но круто обрывались надъ быстро несущейся рѣкой; и въ лучшихъ случаяхъ только лѣвый берегъ оставался низкимъ и плоскимъ, но поросшимъ ивнякомъ, березнякомъ, барбарисомъ, тальникомъ и лоховникомъ, образующими довольно густую заросль, которая поднималась отдѣльными языками до извѣстной высоты и на сосѣдніе склоны хорошо сохранившихся остатковъ боковой морены. Не широкою плоскою террасою тянулась она версты на три, скрадывая крутизну склоновъ первичной долины, и сверху донизу покрывали ее чудные луга, на ярко-зеленомъ фонѣ густого дерна кото-

рыхъ изъ различныхъ видовъ сем. злаковыхъ и мотыльковыхъ (Trifolium, Poa, Phleum, Vicia, Potentilla, Gypsophila, Silene и др.) красуются поражающіе яркостью своей окраски и величиною разнообразнѣйшіе цвѣты другихъ растеній, принадлежащихъ къ семейству губоцвѣтныхъ, коричниковыхъ, мотиковыхъ, колокольчиковыхъ, ворсянковыхъ, маковыхъ, зонтичныхъ. За уступами морены снизу не было видно пріютившихся поближе къ угрюмымъ скаламъ со слѣдами ледниковой шлифовки небольшихъ хуторовъ, и мы были пріятно удивлены, когда на дорогѣ насъ встрѣтили полураздѣтые ребятишки съ деревянными объемистыми чашками въ рукахъ, наполненными холоднымъ вкуснымъ айраномъ; они завидѣли насъ издали и поспѣшили сверху на встрѣчу съ благодатнымъ напиткомъ, всю прелесть котораго особенно хорошо постигаешь въ жаркій день послѣ долгаго пути.

Немного спустя наша дорога оказалась залитой на нѣсколько саженъ чистой, прозрачной холодной водой небольшого ручья, вытекавшаго изъ узкой боковой долины, промытой въ моренной толщѣ и прилегающей къ ней части сосѣдняго хребта. Трудно было узнать въ немъ лѣвый притокъ Баксана—Кубасантисъ-су, такъ бурно шумящій на уровнѣ мореннаго плато; густая сѣть проведенныхъ отъ него во всѣ стороны оросительныхъ канавокъ отняла массу воды; обѣднявшая движущей силой рѣка не могла уже совладать съ мощной толщей наносовъ, выполняющихъ ея русло. Ишаки съ нескрываемымъ удовольствіемъ прильнули къ чистой, студеной водѣ; это удивительное животное, способное питаться самой жесткой травой, оказывается чрезвычайно требовательнымъ въ отношеніи чистоты питьевой воды, и стоитъ только замутить ее, чтобы ишакъ немедленно-же отвернулся отъ нея. А вправо отъ насъ въ верховьяхъ бокового ущелья Кубасантисъ-су, надъ ласкающей взоръ ширью разстилающейся внизу идиллической альпійской долины съ хуторами и отдѣльными пастушескими кошами, мягкими бархатными горными лугами, уцѣлѣвшими отъ пасущагося скота, съ покрытыми курчавыми кустарниковыми зарослями и темными хвойными лѣсами склонами и тихо журчащими ручьями, несущими свои серебристыя струи въ быстро катящую мутныя волны рѣку, въ небольшомъ полѣ зрѣнія ослѣпительно сверкали на солнцѣ краевыя части далекихъ фирновыхъ полей; и на фонѣ ихъ гордо высились къ темно-бронзовому небу, точно сторожевыя башни, нависшія надъ стремнинами, черныя скалы, принадлежащія къ горной группѣ Ирикъ-чатъ-алы, составляющей самое восточное отвѣтвленіе Эльбрусскаго массива.

Вотъ нѣсколько раздвинулись склоны долины; больше мѣста очистилось для низинной равнины, и подъ сѣнью прибрежныхъ кустарниковъ Баксанъ разбился на нѣсколько рукавовъ, омывающихъ поросшіе густымъ гребенчукомъ небольшіе острова. Дорога приблизилась къ подножью террасовидной боковой морены, постепенно переходящей въ новый поперечный валъ, надвинувшійся со стороны лѣвобережныхъ склоновъ. Казалось, онъ непосредственно продолжался въ обширную плосковозвышенную изумрудную зеленую поляну, примыкающую къ противоположнымъ склонамъ долины, гдѣ искрилась на солнцѣ рѣка Джантыръ-тала съ сверкавшимъ надъ ея верховьями ледяными панцыря-

ми Андырчи и Курмычи. Но то былъ только простой обманъ зрѣнія, и низинная равнина продолжала извиваться немного суженной лентой, перемѣстившись на извѣстномъ протяженіи всецѣло въ сторону праваго берега рѣки, сильно подмывавшій тѣснившій ее лѣвобережный моренный уступъ. Самый валъ не поражалъ уже взора своей громадой и мрачнымъ величіемъ; мягки были изгибы его, онъ весь утопалъ въ зелени луговъ, и, огибая концевой его мысъ, дорога только нѣкоторое время шла по обрывистому крутому берегу надъ бурлящей въ сдавленномъ ложѣ рѣкой. Потомъ, послѣ маленькаго спуска, мы опять продолжали нашъ путь по широкой низинной равнинѣ среди кустовъ барбариса, ивняка, березняка, лоховника и тальника, подъ тихій рокотъ прозрачныхъ и чистыхъ ручьевъ, обвѣваемые глубокимъ покоемъ, господствовавшимъ надъ долиной и окружающими высотами и наполнявшимъ миромъ и отрадой смятенное сердце затерявшагося странника. На заднемъ планѣ, на темномъ фонѣ лѣсистыхъ ущелій теперь обрисовывались во всей своей совокупности ледяныя громады Донгузъ-орунскаго массива, упираясь въ синеву небесъ ослѣпительно сверкающими фирнами своихъ плоско-округленныхъ и усѣченно-пирамидальныхъ вершинъ, что вносило въ общую идиллическую картину еще особую черту невольно возбуждающей какое-то благоговѣніе царственной величавости, смиряющей треволненія души.

Отдѣльные остатки боковой морены цѣплялись еще за скалистые склоны, и на зеленомъ фонѣ травянистаго покрова кое-гдѣ въ вышинѣ одиноко сѣрѣли небольшія земляныя пирамидки, какъ-бы бросая съ нѣмой укоризной послѣдніе взгляды на обширное поле приходящей къ концу неровной долгой и упорной борьбы съ могучей размывающей силой текучей воды. Но скоро они перестали попадаться на глаза, и только слѣды ледниковой шлифовки на выступающихъ скалахъ по-прежнему довольно крутыхъ склоновъ лѣвобережнаго хребта свидѣтельствовали о двигавшемся нѣкогда въ этихъ мѣстахъ громадномъ ледникѣ, выполнявшемъ верховья баксанской долины и, быть можетъ, въ значительной степени придавшемъ ея склонамъ ту крутизну, которая сохранилась и понынѣ. Нѣсколько крупнообломочныхъ осыпей доходили своими расширенными основаніями до самой дороги въ роскошной оправѣ сосѣднихъ нагорныхъ луговъ, и куски гранитовъ, омываемые тихими струями придорожныхъ ручьевъ, красиво отливали на солнцѣ то густыми скопленьями алмазно-блестящихъ табличекъ черной слюды, то розовато-сѣрой мозаикой недѣлимыхъ кварца и полевого шпата, то необычайно крупными и сильно вытянутыми порфировидными вкрапленниками этого послѣдняго, рѣзко выдѣлявшимися своей бѣлизной на общемъ сѣроватомъ фонѣ природы.

Было уже два часа дня. Какъ-то больше стало видно неба вправо отъ насъ; въ фестончатыхъ выемкахъ лѣвобережнаго гребня ясно замѣчалось нѣкоторое общее пониженіе въ юго-западномъ направленіи; самые склоны его сдѣлались менѣе крутыми и приняли слегка бугристый видъ. Показались рѣдкія сосны почти надъ самой рѣкой на противоположномъ берегу Баксана, собравшаго въ одно русло свои воды и шумно катившаго ихъ по замѣтно наклонному каменистому ложу. Лѣсъ постепенно захватывалъ дно долины, и вся

она, обрамленная красивой контурной линіей надвинувшагося почти на перерѣзъ ей горнаго кряжа, взбѣгавшаго крутыми контрофорсами на сѣверо-западъ, представляла теперь со сверкающими вершинами Донгузъ-оруна чудное сочетаніе красокъ и тоновъ искрящихся брильянтами снѣжныхъ вершинъ, пышнаго наряда луговъ, бурыхъ скалъ, желтовато-сѣрыхъ наносовъ, темной зелени лѣсовъ и бирюзово-синяго безоблачнаго неба.

Вскорѣ обрисовалось широкое устье бокового ущелья Ирикъ-су, лѣваго притока Баксана, берущаго начало у концевого одноименнаго съ нимъ глетчера, покоющагося на восточныхъ склонахъ Эльбрусскаго массива. Бѣшенный горный потокъ вырывался оттуда и отраженный мощнымъ валомъ своихъ-же древнихъ выносовъ вливалъ подъ сильно пріостреннымъ угломъ въ Баксанъ свои неукротимыя желтовато-красныя волны. Онѣ не могутъ, однако, скоро смѣшаться съ молочно-образными волнами Баксана, и долго еще тѣ и другія катятся рядомъ въ общемъ руслѣ красивою двуцвѣтною лентой. И окраску, и большій удѣльный вѣсъ, препятствующій быстрому смѣшенію со свѣтлыми глетчерными водами Баксана, придаетъ водамъ Ирика сносимый имъ внизъ красноватый детритъ и розоватый туфъ, мѣсто отложенія котораго находится, повидимому, на довольно большой глубинѣ, подъ мощными лавовыми потоками позднѣйшаго происхожденія, такъ-какъ Ирикскій глетчеръ сильнѣе всѣхъ другихъ глетчеровъ Эльбруса углубилъ свое ложе, и его языкъ оканчивается на высотѣ около 2540 метр.

Мощные древніе выносы Ирика перемѣшались съ древними отложеніями Баксана и образовали обширное каменистое плато, лопастьевидно отходящее отъ ближайшаго горнаго отрога и ограниченное въ своей свободной части довольно ровно и правильно скошенными бортами, придающими ему, при взглядѣ издали, видъ невысокой усѣченной многогранной пирамиды. Далеко впередъ выдвинулась она своимъ притупленнымъ двугранным угломъ и рисуется путнику среди царственной тишины, прерываемой лишь рокотомъ волнъ, какимъ-то природнымъ, покрытымъ чуднымъ изумрудно-зеленымъ ковромъ, алтаремъ предъ таинственнымъ святилищемъ чащи лѣсной, сплошь заполнившей дно остающейся части долины Баксана, которая врѣзалась глубоко въ твердыни Главнаго Кавказскаго хребта.

Переправившись по мосту, переброшенному черезъ Ирикъ подлѣ прижавшагося къ поросшимъ густою травою прибрежнымъ склонамъ хуторка, мы оказались у самой подошвы живописнаго плато, на довольно широкой береговой террасѣ, ясно свидѣтельствующей о болѣе высокомъ положеніи устья бурной рѣки въ прежнее время. Но по мѣрѣ того, какъ наша дорожка огибала склоны плато, обращенные къ Баксану, терраса все болѣе и болѣе выклинивалась подъ вліяніемъ бурныхъ ласкъ стремительныхъ волнъ Баксана, довольно круто измѣняющаго здѣсь прежнее сѣверо-восточное направленіе своего теченія на почти широтное; и намъ пришлось на нѣсколько томительныхъ мгновеній забыть про всѣ красоты окружающей природы, когда громоздкой нашъ фургонъ повисъ было однимъ заднимъ колесомъ надъ самой рѣкой въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорожка вьется по узкому карнизу на высокомъ обрывистомъ берегу.

Дѣвственные прежде луга на поверхности плато уступили отчасти мѣсто полоскамъ ячменя и картофельнымъ грядкамъ расположеннаго подлѣ въ тѣни старыхъ развѣсистыхъ сосенъ небольшого хутора. Сакли тутъ были исключительно бревенчатыя съ неуравненными концами вѣнцовъ обычной баксанской архитектуры; матерьяломъ для незатѣйливыхъ изгородей служили тонкія жерди. Почти всѣ обитатели хутора отъ мала до велика были въ отсутствіи, на полевыхъ работахъ въ горахъ и на сосѣднихъ кошахъ, гдѣ сосредоточивается лѣтомъ все молочное хозяйство. У порога ближайшей сакли подъ навѣсомъ сидѣла за ткацкимъ станкомъ, заготовляя горское тонкое свѣтло-сѣрое сукно, пожилая татарка, съ не лишенными благородства чертами лица, носившими слѣды не увядшей еще былой красоты; на ней было коричневое платье и длинная голубая рубаха съ серебряной шнуровкой на груди; а голова повязана была шерстянымъ платкомъ; подлѣ стояла уже заготовленная основа съ начатымъ рисункомъ ковровой ткани; нѣсколько въ сторонѣ лежалъ на землѣ деревянный станокъ для дубленія кожи. Въ отвѣтъ на привѣтственныя слова Бачая, и нашъ поклонъ она не спѣша поднялась съ мѣста, скрылась на время внутри темной сакли и вернулась съ чашей неизмѣннаго айрана; ей пришлось потомъ еще нѣсколько разъ, нагибаясь, проникать черезъ низкую дверь въ свое жилище, но принять отъ насъ самую скромную плату она согласилась только послѣ настойчивыхъ упрашиваній съ нашей стороны и заявленія Бачая отъ нашего имени, что деньги мы даемъ на сладости ея ребятишкамъ.

Шелъ третій часъ дня. Мы успѣли отъѣхать отъ Урусбіева всего какихъ-нибудь двѣнадцать верстъ. До предположеннаго мѣста ночлега оставалось еще добрыхъ пятнадцать верстъ. Съ утра сильно парило. На небѣ показались кучевыя облачка, сгущавшіяся въ небольшія тучки. Надо было торопиться, чтобы уйти отъ дождя. А между тѣмъ кругомъ такъ было хорошо, вѣтерокъ такъ привѣтливо-нѣжно шумѣлъ въ стройныхъ соснахъ, каждый мигъ давалъ столько новыхъ глубокихъ и сильныхъ впечатлѣній отъ этой въ одно и то же время грозной и ласкающей, устрашающей и неотразимо влекущей къ себѣ, безнадежно унылой и безконечно прекрасной горной природы, что голосъ холоднаго разсудка смолкалъ предъ велѣньями опьяненнаго сердца.

Дорожка оставила бугристый валъ, непосредственно примыкающій къ крутымъ, близко надвинувшимся склонамъ сосѣдней горы Бука-баши (2433 метра), и побѣжала по неширокой, но болѣе ровной терраскѣ. Изъ-за деревъ красиво мелькали, несясь почти параллельно одна другой, словно гнались въ запуски, двѣ серебристыя змѣйки—Баксанъ и его правый притокъ Адылъ-су, отдѣленные другъ отъ друга узкой и низкой каменной грядой. Вотъ и мостикъ. Онъ переброшенъ черезъ Баксанъ почти напротивъ устья боковой довольно глубокой долины, откуда и вырываются шумныя, мутныя воды Адылъ-су, отброшеннаго вслѣдъ затѣмъ вправо его-же собственными старыми выносами. Въ верховьяхъ своихъ долина циркообразно расширяется, и тамъ, въ глубинѣ ея, позади густаго лѣса, въ рамкѣ горныхъ луговъ и буровато-сѣрыхъ осыпей сверкали мощные покровы льдовъ и снѣговъ, спускающихся разорванной бахромой въ короткія краевыя ущелья съ увѣнчанныхъ ими мрач-

ныхъ и грозныхъ острыхъ скалистыхъ пиковъ и зубчатыхъ гребней Башъкара, Ежедуха и Чатынъ-тау (4364 м.) Ихъ грандіозные массивы принадлежатъ уже къ Сванетской части Главнаго Кавказскаго хребта, но, вздымаясь на такую большую высоту надъ расположенной почти у самой подошвы ихъ верхней частью Баксанской долины (высота мѣста у моста по анероиду около 1850 метровъ), естественно заслоняютъ отъ взора наблюдателя прелестную царицу Сванетскихъ горъ Ужбу (4721 м.), возвышающуюся нѣсколько южнѣе.

Съ мостика открывавшаго чудный видъ на стройные пирамидально-коническіе контуры снѣговыхъ вершинъ Азау, лежащихъ къ западу отъ Донгузъ-орунскаго массива, который остался теперь влѣво отъ насъ, заслоненный высокими правобережными склонами долины, направлявшейся почти прямо съ запада на востокъ. Подлѣ моста, на другомъ берегу красовалась караульная будка для дежурнаго встеринарнаго стражника, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за прогоняемымъ сванетами скотомъ (лошади и коровы) изъ Баксанской долины, гдѣ они его обыкновенно пріобрѣтаютъ или обмѣниваютъ на катеровъ, къ себѣ домой черезъ перевалъ въ верховьяхъ долины Адылъ-су. Дѣйствительно, это кратчайшій путь; но онъ сопряженъ съ громадными трудностями, и сванеты предпочитаютъ дѣлать обходъ по ущелью нѣсколько выше впадающей въ Баксанъ р. Юсенги, нежели рисковать жизнью въ обманчивой и коварной долинѣ Адылъ-су, такъ-что постъ у моста является почти совершенно излишнимъ. Первыя три-четыре версты вы не нарадуетесь дорогой въ этой безспорно, на рѣдкость живописной долинѣ; но дольше вамъ приходится итти по крутымъ и зыбкимъ осыпямъ надъ грозно бурлящей рѣкой; встрѣчный ручей можетъ во всякое время почти совершенно отрѣзать вашъ путь, превратившись послѣ дождей въ стремительный и все сокрушающій потокъ; наконецъ, по дорогѣ къ самому перевалу вы совершенно не гарантированы отъ того, что шальная лавина, сорвавшаяся въ верховьяхъ любого бокового ущелья, не захватитъ васъ въ своемъ головокружительномъ паденіи и не погребетъ вмѣстѣ со всѣмъ вашимъ скотомъ подъ обломками снѣга, льда и груды камней, если въ этомъ не предупредятъ ее нерѣдкіе въ этой области грандіознаго вывѣтриванья каменные обвалы обрушившихся скалъ.

Правобережная нижняя береговая терраса была слишкомъ узка, и дорожка почти непосредственно отъ моста взбѣжала на верхнюю, широкую и равнинную, только мѣстами обрамленную невысокимъ бортовымъ каменнымъ валомъ у горныхъ склоновъ, покрытыхъ какъ и вся терраса, великолѣпнымъ высокоствольнымъ лѣсомъ. Чуднымъ бальзамическимъ ароматомъ вѣковыхъ великановъ пахнуло намъ въ лицо. Живительная прохлада обвѣвала насъ со всѣхъ сторонъ въ тѣни густыхъ деревъ, сквозь пышныя кроны которыхъ показывались иногда на фонѣ темно-голубого неба величественныя вершины, ослѣпительно блистая своими вѣчными снѣгами подъ яркими лучами южнаго солнца. Какая-то убаюкивающая сердце тишина, полная томной нѣги, была разлита вокругъ; рокотъ волнъ Баксана едва доносился въ лѣсную глушь. Тамъ и сямъ замелькали, кокетливо краснѣя душистыми головками, сочныя

ТЕРСКОЛЬСКІЙ ПИКЪ.

Съ фот. В. Дубянскаго.

ВОСТОЧНАЯ ВЕРШИНА ЭЛЬБРУСА СО СКЛОНОВЪ ЗАПАДНОЙ.

Съ фот В. Дубянскаго.

ВИДЪ НА УЖБУ СЪ ТЕРСКОЛЬСКАГО ПИКА.

Съ фот. В. Дубянскаго.

ягодки земляники (это 31-го іюля!), и тогда уже безусловно всѣ мы разбрелись по лѣсу, оставивъ вещи и лошадей подъ надзоромъ установившихъ своеобразное дежурство ямщиковъ.

Сухая, частью песчаная, богатая детритомъ вулканическихъ породъ почва, повидимому необычайно благопріятствовала пышному росту сосны, являющейся здѣсь безусловно господствующей породой деревьевъ; и только тамъ, гдѣ почва была повлажнѣе, у подножья горныхъ склоновъ, среди поросшихъ густымъ мохомъ гнейсовыхъ утесовъ и свалившихся глыбъ красовались небольшія группы нарядныхъ кудрявыхъ березъ, окруженныхъ лоховникомъ, тальникомъ и кустами малины и ежевики. Незабудки, мотики, гераньки, колокольчики привѣтливо кивали своими яркоокрашенными цвѣтками изъ-за нарядныхъ дерновинокъ шелковистой, высокой травы. Опенки и рыжики изрѣдка скромно бѣлѣли въ прикорневыхъ ложбинкахъ. Но звонкія пѣсни птичекъ не оглашали здѣсь чащи лѣсной, и какъ-будто живымъ существамъ былъ заказанъ доступъ въ нее; развѣ только сѣренькая завирушка выпорхнетъ гдѣ-нибудь изъ прибрежныхъ кустовъ, рѣдкій мотылекъ съ ярко-оранжевыми крылышками, обрамленными чернымъ узоромъ, запуститъ свой хоботокъ въ бѣдный нектаромъ вѣнчикъ лѣсного цвѣтка, да маленькая ящерица, пробираясь къ лакомой ягодкѣ, остановится на мигъ передъ вами и испуганно шмыгнетъ въ придорожные камни, сверкнувъ своей чешуей.

Вотъ горы близко надвинулись справа; мы снова собрались подлѣ нашихъ фургоновъ. За рѣкой, на широкомъ луговомъ плато, у подножья такъже безлѣсныхъ пониженныхъ отроговъ раскинулся довольно большой хуторокъ. Вспомнилось мнѣ и Лысенкову, какъ годъ тому назадъ намъ пришлось въ этомъ мѣстѣ укрыться отъ набѣжавшей дождевой тучки въ маленькой пустой мельничкѣ у ведущаго къ хутору мостика, и какъ сладко проспали мы около часу на пыльныхъ жерновахъ, пока яркое солнышко ни заиграло на обрызганной крупными каплями листвѣ деревъ. На этотъ разъ ничто не мѣшало намъ безпрепятственно продолжать нашъ путь, и скоро густая чаща лѣса скрыла отъ насъ и хуторъ, и мостъ, и рѣку.

Такъ незамѣтно прошли мы всѣ шесть верстъ. Дорога перешла по мосту опять на лѣвый берегъ Баксана, гдѣ среди широкой и ровной лѣсной полянки, окаймленной частью луговыми, частью поросшими кустарниками склонами пріютилась небольшая ветеринарная казарма. Старый мой пріятель фельдшеръ Мишинъ, типичный червленскій казакъ, невысокаго роста, коренастый, съ обрамленнымъ густой черной бородой открытымъ, привѣтливымъ, умнымъ лицомъ, радушно встрѣтилъ насъ въ своихъ владѣньяхъ. Весѣло затрещалъ костеръ, закипѣли чайники; завязалась оживленная бесѣда; только наши гастрономы мрачно посматривали на нашъ скромный столъ и угрюмо ворчали на тему о томъ, какъ хорошо было-бы здѣсь, надъ ручейкомъ, на зеленой травкѣ-муравкѣ зажарить цыпленочка на вертелѣ, да запить его бутылочкой добраго стараго вина.

Небо межъ тѣмъ начинало понемногу заволакиваться тучками. Казакамъ ямщикамъ, видимо, совсѣмъ не улыбалось тащиться лѣсомъ по дождю съ тя-

желыми фургонами. Послышались голоса, что не дурно было-бы вообще лучше провести ночь въ уютномъ домикѣ, чѣмъ въ грязной и душной саклѣ на какомъ-нибудь кошу или хуторѣ. И стоило большого труда убѣдить всѣхъ не поддаваться соблазну, и выполнить намѣченную программу дня до конца. Къ сожалѣнію, сама программа страдала нѣкоторой неопредѣленностью: одни стояли за то, чтобы добраться до ветеринарной сторожки у подножья Азаускаго глетчера и попытаться совершить восхожденіе на Эльбрусъ, слѣдуя до фирновыхъ полей по склонамъ отрога, окаймляющаго ледникъ слѣва, мимо площадки на вершинѣ гребня, отдѣляющаго верховья Азаускаго и Гарабашскаго глетчеровъ, гдѣ предполагалось Кавказскимъ Горнымъ Обществомъ соорудить пріютъ для туристовъ; другіе больше склонялись къ тому, чтобы избрать за всходный пунктъ Терскольскій кошъ у подножья Терскольско-Гарабашскаго кряжа, въ трехъ верстахъ отъ Азауской сторожки, по берегу р. Терскола, спадающей впослѣдствіи въ р. Азау, откуда начинался путь слѣдованія на вершины Эльбруса большинства лицъ, побывавшихъ на нихъ, въ томъ числѣ и П. Г. Лысенкова, всего лишь годъ тому назадъ (6 августа 1907 года) водрузившаго на восточной вершинѣ свой ледорубъ. Въ концѣ концовъ было рѣшено итти къ Азауской сторожкѣ, и въ 5 часовъ дня мы сдвинулись наконецъ съ мѣста.

Скоро скрылась изъ виду сторожка за массой высокоствольныхъ деревъ. Чуть мелькнуло вдали, въ чащи лѣсной, на правомъ берегу Баксана, уходящее прямо на югъ узкое боковое ущелье р. Юсенги. Горы надвинулись справа и слѣва. Громадныя темныя глыбы, покрытыя лишаями и мохомъ, мрачно высились въ тѣни столѣтнихъ сосенъ. Долина сильно сузилась, и ея ширина не превышала и сотни саженъ. А лѣсъ становился все гуще и гуще; лѣсные великаны, сраженные бурей, нерѣдко заграждали намъ путь; яснѣй доносился глухой рокотъ вблизи протекавшей горной рѣки. Еще нѣсколько шаговъ, и Баксанъ опять передъ нами. Быстро и шумно мчитъ онъ въ узкомъ руслѣ по замѣтно наклонному ложу свои блѣдно-зеленоватыя ледниковыя воды; слышно какъ перекатные камни бьются одинъ о другой, увлекаемые сильнымъ теченіемъ; прибрежныя бѣлоствольныя березы кокетливо склонились надъ холодными струями кудрявой, ярко-зеленой листвой. Тучки прорвались; проглянуло солнце и озарило своей лучезарной улыбкой и чинно-спокойные стройные сосновые лѣса, и шалунью рѣку съ переброшенными черезъ нее зыбкими мостиками, снѣжныя Азаускія вершины, упиравшіяся въ нахмуренное облачное небо.

На время дорожка отошла отъ рѣки. Лѣсъ прервался вправо отъ насъ неширокой бугристой полянкой, обрамленной луговыми склонами, съ которыхъ стекало нѣсколько мелкихъ ручьевъ. За рѣкою надъ лѣсомъ высилась одѣтая травянистымъ покровомъ г. Юсенги, оставшаяся на востокъ отъ насъ. Но кончилась полянка, и снова густая лѣсная чаща окружала насъ со всѣхъ сторонъ въ стѣсненной подступающими горами долинѣ. Замѣтно темнѣло. Облачка спустились совсѣмъ низко и цѣплялись уже за верхушки сосенъ. Надъ водами Баксана стелился узкой полоской густой туманъ. Чаще и чаще пере-

бѣгали дорогу ручойки, окрашивая по пути лаву въ красновато-бурый цвѣтъ окисловъ желѣза; мѣстами, гдѣ русло ихъ немного углублялось въ травянистомъ ложѣ и теченіе замедлялось, можно было замѣтить въ совершенно прозрачной водѣ объемистыя хлопьевидно-студенистыя массы буроватаго цвѣта, точно чья то незримая рука осаждала здѣсь химическимъ способомъ желѣзо изъ его водныхъ растворовъ. Вотъ опять показалась поляна, уже довольно большая, на которой раскинулся большой поселокъ Бедай на берегу горнаго ручья. У насъ подъ ногами, надъ самымъ уровнемъ водъ Баксана, среди небольшихъ скалокъ окруженныхъ пышнымъ ковромъ сочныхъ травъ и яркихъ цвѣтовъ, подъ сѣнью березокъ, выбивался наружу небольшой ключъ вкусной углекислой воды. Цѣлый рядъ другихъ, болѣе сильныхъ, по свидѣтельству горцевъ, ключей былъ скрытъ подъ водами Баксана, находившимися еще въ періодѣ высокаго стоянія. На другомъ берегу были видны ясные слѣды разрушительной работы р. Когутай, что немного въ сторонѣ бѣлоснѣжными каскадами скатывалась внизъ чуть-ли не по отвѣснымъ скаламъ въ чащу лѣса, а потомъ растекалась шумными ручьями на расширенной подошвѣ своихъ мощныхъ выносовъ, слабо поросшихъ березнякомъ и соснами. Слѣва вливался въ нее довольно многоводный ручей, вытекавшій изъ-подъ невысокаго лѣсистаго обрыва, и оставлявшій за собой по берегу широкій буровато-красный слѣдъ; то былъ мощный минеральный углекисло-желѣзистый ключъ, къ которому велъ черезъ Баксанъ небольшой мостикъ.

Однако, останавливаться было невозможно. Начиналъ моросить мелкій дождикъ. Туманъ застилалъ долину. Кое-какъ, то и дѣло спотыкаясь на небольшихъ подъемахъ и спускахъ о мокрые камни, мы добрались къ 6 часамъ вечера къ саклямъ Иткольскаго хутора, гдѣ кончалась колесная дорога, и нужно было оставить подводы. Быстро перегрузивъ вещи наословъ, носильщиковъ и собственныя плечи, мы поспѣшили впередъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Начало сильно напоминало мнѣ и Лысенкову путешествіе минувшаго года, когда, какъ шальные вскочили мы, помнится, въ первую попавшуюся Иткольскаго хутора саклю, чтобы немного обсушиться и обогрѣться у очага, чѣмъ привели въ немалое смущеніе находившихся тамъ женщинъ. Невольно приходило на мысль, не будетъ-ли и прошлогодній финалъ—блужданіе въ потьмахъ подъ дождемъ по залитой ручьями Азаусской лѣсистой котловинѣ, съ необычайно плоскимъ дномъ, имѣющей до 1 версты въ ширину и до пяти верстъ въ длину. Къ сожалѣнію, съ роковою неумолимостью все клонилось къ тому. Крутой концевой выступъ ближайшаго горнаго отрога подходилъ какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ впадала въ Баксанъ р. Азау, или вѣрнѣе, гдѣ р. Азау сливается съ р. Донгузъ-оруномъ и дастъ тѣмъ самымъ начало Баксану. Намъ предстояло взять направленіе сначала на сѣверо-востокъ по берегу р. Азау, а затѣмъ повернуть почти на сѣверъ, откуда несется Терсколъ впадая въ Азау въ двухъ верстахъ отъ мѣста сліянія ея съ Донгузъ-оруномъ. Но береговая полоса непосредственно за поворотомъ была слишкомъ узка, а отвѣтвлявшіеся отъ Азау и Терскола многочисленные небольшіе потоки дѣлали путь по ней крайне затруднительнымъ. Оставалось или

подняться отъ небольшого придорожнаго выселка, состоящаго изъ двухъ бревенчатыхъ сакель, на луговой косогоръ и промаршировать по узкой тропѣ, да вдобавокъ по крутому и мокрому травянистому склону верстъ съ пять и спуститься къ мосту черезъ Терскольскій кошъ; или-же переправиться по мосту на правый берегъ Азау, пройти по полянѣ лѣсомъ около шести верстъ и подняться затѣмъ немножко къ тому-же Терскольскому (Качкаровскому) кошу, расположенному на небольшомъ возвышенномъ моренномъ плато (высота мѣста около 2130 метр.).

Хорошо здѣсь въ ясный лѣтній день, когда льды и снѣга ослѣпительно сверкаютъ надъ вами въ вышинѣ, на фонѣ небесной лазури, на зубчатыхъ вершинахъ обширнаго Донгузъ-орунскаго массива съ его страшно крутыми, остроребристыми склонами, до значительной высоты одѣтыми ковромъ сплошныхъ луговъ, въ изумрудной оправѣ которыхъ по глубокимъ и узкимъ ложбинамъ спускаются внизъ, чуть-ли не въ самую чащу темнаго хвойнаго лѣса ледники, точно густыя пряди серебристыхъ волосъ. Со всѣхъ сторонъ васъ окружаетъ ласкающая тѣнь вѣкового лѣса изъ стройныхъ сосенъ и кудрявыхъ березъ съ подлѣскомъ изъ лоховника и кавказскаго жимолостя. Мутныя воды Азау шаловливо несутся по глубокому ложу въ толщѣ пестроцвѣтнаго галечника изъ древнихъ и новыхъ лавъ Эльбруса, обдавая искрометными брызгами прибрежныя травы, цвѣты и кусты. Сквозь деревья немного поодаль свѣтилась полоской р. Донгузъ-орунъ, скоро исчезающая изъ виду за ближайшимъ лѣсистымъ отрогомъ въ узкой долинѣ, которая продолжается въ юго-западномъ направленіи, принимая видъ глубокаго ущелья, вплоть до подножья ведущаго въ Сванетію Донгузъ-орунскаго перевала.*) Безъ особаго труда лавируете вы среди галечниковыхъ островковъ и боковыхъ отвѣтвленій рѣки, то перепрыгивая черезъ нихъ, опираясь на свою палку, или перебираясь по полусгнившему стволу свалившейся отъ старости сосны либо березы и лакомитесь на ближайшей полянкѣ вкусной земляникой, обвѣваемые нѣжно шелестящимъ по листочкамъ деревъ и кустовъ вѣтеркомъ.

---

*) Донгузъ-орунскій перевалъ лежитъ на высотѣ 3197 метровъ на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ и круглый годъ покрытъ снѣгомъ; онъ служитъ для лѣтняго сообщенія между долиной Сванетіи и долиной Баксана, куда обыкновенно сваneты идутъ на заработки во время сѣнокоса. Путь къ перевалу лежитъ по крутому лѣвому берегу р. Донгузъ-оруна, гдѣ можно встрѣтить сначала выходы роговообманковаго сланца, а ближе къ перевалу—гнейса. Въ верховьяхъ ущелья, у истоковъ рѣки роскошные луга смѣняютъ лѣсную полосу и поднимаются довольно высоко по правымъ склонамъ, тогда какъ лѣвые покрыты осыпями сосѣдней морены, по ней тропа постепенно поднимается къ спускающемуся съ перевала пологому леднику, трещины котораго требуютъ отъ путника большой осторожности. У сванетовъ есть даже обычай, спустившись благополучно съ перевала на моренный бугоръ, бросать оттуда камень въ сторону отъ дороги, какъ-бы въ видѣ приношенія горному духу. Съ бугра открывается прелестный видъ на спускающійся съ Донгузъ-оруна ледникъ и на озеро того-же названія, имѣющее до 400 сажень въ длину и около 150 въ ширину; одну изъ сторонъ этого озера составляетъ покрытый березняковымъ кустарникомъ моренный валъ, а за нимъ, окруженнный боковыми моренами, лежитъ заваленный обломками скалъ Донгузъ-орунскій ледникъ. А внизу, подъ ногами у путника, разстилается, покрытая темной щетиной хвойнаго лѣса и прорѣзанная свѣтлой лентой рѣки, долина Баксана съ царящимъ надъ нею бѣлоснѣжнымъ великаномъ—Эльбрусомъ.

ГЛАВА VIII.

По Азауской котловинѣ.—Среди сраженныхъ великановъ.—Въ туманѣ.—Проказа ишака.—Рѣшающій голосъ.—Качкаровскій кошъ.—У очага.—Умолкшій оптимистъ.—Потревоженный сонъ.—Переселеніе горской красавицы.—На новыхъ мѣстахъ.—Чары утра.—Остатки прежняго величія.—Въ путь-дорогу.—По лугамъ и лѣсамъ.—Послѣднія сосны.—Крутой подъемъ.—Потоки лавъ.—Гарабашскія тѣснины.—Въ котловинѣ очарованья.—На границѣ луговъ.—По вершинному гребню Терскольско-Азаускаго кряжа.—Послѣдній спускъ.—Пріютъ въ скалахъ надъ озерцами.—Подъ заунывныя пѣсни вѣтра.

Намъ теперь можно было только мечтать о ясной лазури небесъ, о сверкающихъ на солнцѣ льдахъ и снѣгахъ, о тихомъ шелестѣ листовъ. Все небо заволокло тучами; густой туманъ окутывалъ уже вершины сурово смотрѣвшаго сосноваго бора; гулко скрипѣли стройные стволы подъ напоромъ подувшаго съ перевала свѣжаго вѣтра, и угрюмо катились стально-сѣрыя волны Азау. Мы перешли по мосту на правый берегъ рѣки; глазъ еще могъ различать мелькавшія изъ-за деревъ быстрыя струи сосѣдняго Донгузъ-орунскаго потока. Но чѣмъ больше удалялись мы отъ моста и углублялись въ дремучій лѣсъ, тѣмъ становилось все темнѣе и темнѣе; громадные стволы сваленныхъ бурей или разбушевавшейся рѣкой старыхъ деревьевъ нерѣдко преграждали намъ путь, изрѣзанный множествомъ безпорядочно текущихъ ручьевъ; густыя мокрыя вѣтви то и дѣло хлестали по лицу; въ сумеркахъ трудно было соразмѣрить свой шагъ, и часто нога ступала прямо въ воду, выдавая досадливый жестъ раздраженья, что, впрочемъ, нисколько не гарантировало слишкомъ горячо принимающаго все къ сердцу путника отъ новой ножной ванны изъ-за скользкаго встрѣчнаго камня или слишкомъ свѣсившейся шелковистой прибрежной травы. Сырой и холодный туманъ спустился до самой земли; предметы, стоявшіе въ трехъ-четырехъ шагахъ превращались въ расплывчатые силуэты; приходилось все время напряженно слѣдить, чтобы кто-нибудь не затерялся въ лѣсу, поджидать отстающихъ, сдерживать не въ мѣру ретивыхъ. Въ одномъ мѣстѣ мы немного замѣшкались при переправѣ черезъ широкій ручей; а тѣмъ временемъ одинъ изъ ишаковъ, наскучивъ, видимо, безцѣльнымъ стояньемъ на одномъ мѣстѣ, незамѣтно ушелъ впередъ и совершенно скрылся изъ виду. Бачай кинулся на поиски самовольнаго животнаго; но прошло не мало томительныхъ минутъ, пока прокатился по лѣсу пронзительный свистъ. Мы поспѣшили въ ту сторону, откуда онъ доносился, и скоро очутились на опушкѣ лѣса у поросшаго травой небольшого мореннаго плато, на которомъ чернѣли въ туманѣ какія-то постройки и бревенчатыя изгороди. На тропинкѣ, ведущей къ жилью, преспокойно подлѣ улыбающагося Бачая стоялъ нашъ ишакъ, безмятежно помахивая хвостикомъ; а когда къ нему приблизился, подобно ему тяжело нагруженный товарищъ, онъ отъ удовольствія такъ оглушительно заржалъ, что мы простили ему причиненное намъ безпокойство и сами громко расхохотались. Отсюда до ветеринарной караулки у ледника Азау оставалось еще версты три; но опять итти по едва замѣтной тропинкѣ густымъ лѣсомъ, гдѣ ежеминутно можно было сбиться съ пути, да еще ночью,

подъ непрекращающимся и мелкимъ, чисто осеннимъ дождемъ, нашлось не много охотниковъ. Наконецъ, нашъ передовой ишакъ, не смотря на всѣ подталкиванья и понуканья Бачая, упорно не желалъ сдѣлать и шага въ сторону отъ облюбованной имъ тропы. Намъ оставалось только послѣдовать примѣру безсловеснаго, но далеко не тупого животнаго, и въ 8 часовъ 30 минутъ мы стояли уже у порога одной изъ сакель баксанскихъ хуторовъ, по старой памяти слывущаго донынѣ подъ именемъ Качкаровскаго коша, хотя за пятьдесятъ лѣтъ, протекшія со времени поселенія на этихъ мѣстахъ перваго урусбіевскаго выходца Качкарова, его семья успѣла значительно увеличиться, вмѣсто одной сакли, видѣвшей въ своихъ стѣнахъ уже Фрешвильда въ іюлѣ 1868 года, выросло цѣлыхъ семь, и чудный лугъ зеленѣлъ на поверхности плато тамъ, гдѣ нѣкогда шумѣлъ старый сосновый боръ.

Радушные хозяева сейчасъ-же предоставили намъ небольшую, но очень чистенькую «кунацкую» съ нарами, табуретами и столикомъ. Ярко запылали на очагѣ сухія полѣнья, и пока мы, промокшіе и продрогшіе, отогрѣвались, переодѣвались и обсушивались у огня, казаки въ сосѣднемъ помѣщеніи вскипятили воду и оказавшееся подъ руками у хозяевъ молоко; а послѣ кружки, другой горячаго чаю и какао, быстро разлилась по всему тѣлу пріятная теплота и заставила на время забыть про холодъ, про дождь и усталость. За спиной казаки затянули въ полъ-голоса пѣсни, расположившись на полу вокругъ подвѣшеннаго надъ очагомъ котелка съ заправленнымъ саломъ крупничкомъ, точно гдѣ-нибудь въ дорогѣ или ночью у табуна на родныхъ станичныхъ поляхъ. Тутъ пришелъ съ Иткола молодой туземецъ, посланный нашими ямщиками въ ночь подъ дождемъ съ забытою нами баклажкою молока. Ловкій малый не сказалъ ни слова о томъ, что онъ получилъ уже впередъ за труды и выпросилъ еще у насъ щедрую подачку на чай. Мы потирали руки отъ удовольствія, что сможемъ поужинать чудной пшенной кашей на молокѣ; но, къ сожалѣнію, урусбіевское молоко успѣло за день скиснуть, и каша пріобрѣла такой вкусъ, что даже не унывающій и крайне непритязательный въ дорогѣ Петръ Гавриловичъ Лысенковъ долженъ былъ сознаться, что каша, дѣйствительно, вышла «немножко не того».

Вся наша кунацкая имѣла не болѣе сажени въ ширину, до трехъ съ половиною въ длину и около одной въ вышину; стѣны ничѣмъ не были обмазаны и не закопчены, такъ-что какъ ни плотно прилегали другъ къ другу отдѣльныя бревна, все-таки тонкія щели между ними несомнѣнно оставались, и только ночь не позволяла ихъ ясно различить. Мы понемногу стали готовиться ко сну, а нашъ страстный фотографъ успѣлъ уже прикурнуть на покрытыхъ бурками нарахъ, выразивъ только сожалѣніе, что нельзя ничѣмъ закрыть выходное отверстіе дымовой трубы, по наклоннымъ стѣнкамъ которой скатывались дождевыя капли и свободно проникалъ вѣтерокъ. Вдругъ на порогѣ появился самъ хозяинъ дома и предложилъ намъ очистить кунацкую; въ отвѣтъ на наше искреннее изумленіе по поводу такого неожиданнаго оборота дѣла, онъ сталъ извиняться и подробно изложилъ причину. Какъ-разъ въ этотъ день его молодая невѣстка почувствовала себя достаточно оправившейся

послѣ рожденія своего первенца, и вотъ теперь, въ присутствіи собравшихся въ гости родственниковъ и близкихъ знакомыхъ, предстояло совершиться переведеніе молодой четы на брачную постель. Занятая нами кунацкая, безусловно, была наиболѣе подходящимъ помѣщеніемъ, гдѣ ничто не мѣшало-бы молодымъ супругамъ остаться до утра въ пріятномъ одиночествѣ, и нашему фотографу пришлось волей-неволей быть джентльменомъ и уступить облюбованное имъ мѣстечко юной горской красавицѣ.

Мы на время должны были выйти изъ сакли и подъ ближайшимъ навѣсомъ укрыться отъ дождя; а когда церемонія окончилась и дверь, скрывшая отъ любопытныхъ взоровъ счастливыхъ мужа и жену, плотно захлопнулась, провели въ сосѣднее, болѣе обширное помѣщеніе, бокъ о бокъ съ кунацкой, обычно устроенное, конечно, безъ всякихъ оконъ, сравнительно не грязное и со сноснымъ воздухомъ. Казаки быстро перенесли на новое мѣсто всѣ наши вещи; хозяинъ еще разъ извинился за причиненное невольно безпокойство, пожелавъ на прощанье спокойной ночи; и теперь, наконецъ, мы могли погасить наши свѣчи и уснуть послѣ прожитаго, столь богатаго впечатлѣніями дня. Только сибирякъ еще нѣкоторое время подшучивалъ надъ лежащимъ на нарахъ подлѣ стѣнки фотографомъ, не безпокоитъ-ли его близкое сосѣдство той, чьи черныя очи да бѣлая грудь способны не дать во всю ночь глазъ сомкнуть.

За ночь дождь успѣлъ перестать, и, когда утромъ 1-го августа мы вышли изъ сакли на свѣжій воздухъ, на темно-бирюзовомъ сводѣ неба не было видно ни единаго облачка. Подъ ногами у насъ, утопая еще въ тѣни, разстилалась равнинная, поросшая густымъ и преимущественно сосновымъ лѣсомъ, долина, принесшая намъ наканунѣ столько хлопотъ. Справа и слѣва ее обрамляли покрытые такимъ-же лѣсомъ, а въ верхнихъ частяхъ чудными лугами крутые склоны ближайшихъ отроговъ Азаускаго и Иткольскаго хребтовъ; только на послѣднемъ поблизости къ Кочкаровскому кошу отъ прежнихъ лѣсовъ остались небольшія сосновыя и березовыя рощицы, выдѣлявшіеся въ вышинѣ своей болѣе темной зеленью на фонѣ спускающихся къ самому дну долины пышнымъ лугомъ. Съ юга смотрѣли на насъ во всей прелести своего ослѣпительнаго блеска увѣнчанныя вѣчными снѣгами, теперь залитыми лучами утренняго солнца, почти отвѣсныя скалистыя твердыни Донгузъ-орунскаго массива; а съ округленно-конической, сплошь покрытой фирнами шапки Юсенги-Донгузъ-орунъ-баши (4450 м.), крайняго восточнаго форпоста Донгузъ-орунскаго массива, далеко внизъ по крутому склону тянулся замѣчательно правильной формы ледниковый языкъ, упиравшійся въ конечную морену, по которой стремительно неслись въ Баксанскую долину грязные потоки, вытекавшіе изъ двухъ ледниковыхъ гротовъ хорошо замѣтныхъ въ нижнихъ частяхъ глетчера. Вправо отъ насъ, за опушкою лѣса покоился въ своемъ пологомъ и расширенномъ ложѣ самый большой изъ ледниковъ Эльбруса—Азаускій,*) остатокъ нѣкогда мощнаго Баксанскаго глетчера, выполнявшаго всю

*) Азаускій ледникъ образуется изъ четырехъ большихъ вѣтвей; двѣ получаютъ начало съ фирновыхъ полей южнаго склона Эльбруса, одна съ сѣверо-восточ

Баксанскую долину по крайней мѣрѣ до Урусбіева,—въ нѣсколькихъ верстахъ отъ котораго оканчиваются ясно выраженныя древнія морены и вбиравшаго въ себя въ видѣ боковыхъ вѣтвей такіе ледники, какъ Адылъ, Ирикъ, Юсенги, Терскольъ и многіе другіе. Влѣво шумно катилъ свои свѣтлыя, покрытыя бѣлою пѣною волны Терскольъ, растекаясь по лѣсистой равнинѣ на нѣсколько рукавовъ, которые мелькали межъ зелени деревъ серебристыми змѣйками, подобно такимъ-же рукавамъ р. Азау, собирающей тщательно всѣ эти воды и несущей ихъ въ общее русло Баксана. Довольно круто поднимающійся надъ хуторомъ мощный кряжъ, раздѣляющій ущелья ледниковъ Азау и Терскола, не позволялъ намъ непосредственно полюбоваться послѣднимъ, стоя подлѣ сакли. Но перейдя мостикъ и взобравшись немного по береговому склону подъ тѣнь березокъ и развѣсистыхъ сосенъ, можно было прекрасно видѣть и необычайно круто обрывающуюся, почти совершенно чистую нижнюю часть ледника, и узкую полоску въ дѣйствительности довольно обширной и пологой средней его части, обрамленной циркообразными высотами Иткольскаго хребта, и бѣлѣющія въ вышинѣ верховья ледника, сливающіяся съ фирновыми полями Эльбруса, и чернѣющія отверстія двухъ гротовъ въ основаніи нижняго конца ледника (2625 м. в. 86 г. пр. ст.), выпускающихъ изъ себя шумные ледниковые потоки, которые даютъ начало Терскольу, извивающемуся серебристою лентой по каменистому, покрытому небольшими лужайками, уплощенному ложу, обрамленному слѣва довольно пологими луговыми скатами съ одинокими деревцами, а справа болѣе крутыми, но поросшими

ныхъ склоновъ Хотю-тау, соединяющаго массивы Эльбруса съ Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, и одна съ сѣверныхъ склоновъ циркообразно возвышающихся вправо отъ ледника горъ, принадлежащихъ къ группѣ Азау и Чиперъ-Азау. У нижняго конца ледника довольно большой гротъ съ просвѣчивающимъ зеленовато-голубымъ глетчернымъ льдомъ; изъ этого грота и вырывается питаемый подледниковыми водами, Азаускій потокъ. Въ 1849 году, когда ледникъ находился въ періодѣ наступанія, нижній конецъ его спускался до высоты 2240 метровъ, и въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія до высоты 2330 метровъ. Нижняя изъ двухъ вѣтвей, берущихъ начало съ фирновыхъ полей Эльбруса, сравнительно не велика, зажата въ узкомъ каменномъ мѣшкѣ и пересѣчена множествомъ поперечныхъ трещинъ; ближе къ началу ея она образуетъ большой ледопадъ, какъ-бы скрывается на нѣкоторомъ протяженіи подъ поперечной моренною толщей, и появляется нѣсколько ниже уже въ видѣ спокойнаго ледяного потока. Верхняя часть другой вѣтви, у границы фирновыхъ полей довольно обрывиста и разбита трещинами, представляетъ какой-то хаосъ ледяныхъ столбовъ, короткихъ острыхъ гребней, раздѣленныхъ между собою глубокими пропастями. На одной изъ площадокъ скалистаго кряжика, расположеннаго между обѣими вѣтвями и упирающихся въ фирновыя поля Эльбруса, на высотѣ около 3413 метровъ, высится теперь небольшой каменный пріютъ, сооруженный въ маѣ 1909 года Кавказскимъ Горнымъ Обществомъ и носящій имя незабвеннаго предсѣдателя Общества Рудольфа Рудольфовича Лейцингера. Съ пріюта открывается дивный видъ на Кавказскій Главный хребетъ, на долину Баксана и на маковки вершинъ Эльбруса. Площадка, на которой онъ сооруженъ, является прекраснымъ бельведеромъ, до которой часа два ходьбы отъ Азауской караулки по довольно сносной вьючной тропинкѣ, идущей почти все время чуднымъ альпійскимъ лугомъ, и пребываніе на этомъ легко доступномъ кругозорѣ можетъ доставить въ хорошую погоду не мало минутъ высокаго эстетическаго наслажденія. Черезъ Азаускій ледникъ, довольно пологой во второй своей половинѣ, но въ конечной части изобилующій трещинами, лежитъ путь къ перевалу Хотю-тау на Кубань, къ перевалу Чиперъ-Азау въ Сванетію и къ перевалу Чиперъ-Карачай въ Карачай. Скалы, ограничивающія Азаускій ледникъ, состоятъ изъ сѣрыхъ тонкосланцеватыхъ гнейсовъ, а балки сѣверной окраины ледника, сложенныя изъ такихъ-же гнейсовъ, заполнены потоками лавъ Эльбруса, скатившимися по готовымъ ложбинамъ.

густыми, спускающимися къ самой рѣкѣ сосновыми и березовыми рощицами, надъ которыми высились почти отвѣсныя стѣны разновременно излившихся на гнейсы и кристаллическіе сланцы Эльбрусскихъ лавъ, увѣнчаннымъ причудливыми пиками и скалами разрушеннаго отъ времени вершиннаго вала. Наши казаки, взбиравшіеся довольно высоко по береговому склону, вернулись назадъ съ сіяющими лицами и, перебивая одинъ другого, спѣшили подѣлиться съ нами тѣмъ величественнымъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на нихъ видъ выросшей вдругъ предъ ихъ изумленными взорами куполообразной громады восточной вершины Эльбруса, почти закрывающей западную, словно надвигавшейся прямо на нихъ всей своей подавляющей массой льдовъ и снѣговъ. Ихъ разсказъ такъ подѣйствовалъ на слушателей, что многіе побросали недопитыми свои чашки съ какао и чаемъ и поспѣшили по слѣдамъ казаковъ, захвативъ съ собою фотографическія камеры, и безъ того не мало поработавшія въ это чудное, теплое, ясное утро.

Время шло какъ-то незамѣтно, и пока мы возились съ чаепитіемъ, съ упаковкой необходимыхъ для дальнѣйшаго слѣдованія вещей (все лишнее мы оставили на храненіе хозяину) и смазывали масломъ нашу обувь для придания ей большей мягкости и сопротивляемости влажности, солнце успѣло подняться довольно высоко. Въ 11 часовъ 30 минутъ утра (по пятигорскому времени) мы покинули, наконецъ, Кочкаровскій кошъ и потянулись длинной вереницей мимо небольшой береговой мельнички по чудному, усѣянному цвѣтами луговому плато, держа путь на сѣверо-западъ и имѣя впереди себя двухъ ишаковъ (осликовъ) съ Бачаемъ и молодымъ помощникомъ. Скоро, однако, плато окончилось и дальше приходилось взбираться по поросшему также густою и сочной травою, но довольно крутому юго-восточному склону высокаго хребта, выдвинувшагося между рѣками Терсколомъ и Азау, и тутъ многимъ изъ насъ пришлось позавидовать осликамъ, важно шествовавшимъ впередъ по искусно выбираемымъ маленькимъ зигзагамъ. Приблизительно на высотѣ 150 метровъ надъ плато начинался рѣдкій сосновый лѣсъ, спускавшійся вправо отъ насъ къ самому Терсколу; но когда мы присѣли отдохнуть подъ развѣсистой старой сосной, оказалось, что со времени нашего выступленія прошло только двадцать минутъ, а между тѣмъ крупныя капли пота катились по лицу и руки потянулись къ баклажкамъ съ неуспѣвшей согрѣться вкусной терскольской водой.

Пройдя еще съ полчаса тѣнистымъ лѣсомъ, гдѣ путь нерѣдко былъ заваленъ полусгнившими гигантами и поднявшись за это время метровъ на сто противъ прежняго, мы обогнули на обращенномъ къ Азау склонѣ хребта глубокую, немного сыроватую ложбину, отдѣляющую оставшійся позади насъ косогоръ отъ слѣдующаго, и сдѣлали новый привалъ подъ развѣсистой старой сосной, стволъ которой имѣлъ до аршина въ поперечникѣ. Передъ нами за узкой желобообразной впадинкой высился небольшой остатокъ мощнаго вала древней боковой морены; его крутые склоны давно успѣли порости густою травою, и десятка три стройныхъ сосенъ тихо шептались своими вѣтвями надъ нимъ о быломъ. А вдали, на западъ отъ насъ и почти на одной съ нами

высотѣ за рядомъ гребневыхъ конечныхъ моренъ покоился изрѣзанный глубокими трещинами нижній конецъ отливавшаго на солнцѣ серебромъ современнаго Азаускаго глетчера, предоставляя наблюдательному страннику размышлять о прежней мощи своей и о прежнихъ размѣрахъ по слѣдамъ ледниковыхъ штриховъ на высоко лежащихъ береговыхъ гнейсовыхъ скалахъ, да по останкамъ старыхъ боковыхъ моренъ, сиротливо смотрящихъ съ высоты въ беззаботно шумящія холодныя струи рѣки.

Лѣсъ приходилъ къ концу. Позади насъ онъ взбирался еще немного, но замѣтно рѣдѣлъ и мельчалъ, а на высотѣ приблизительно 2400 метровъ мелькали послѣднія низенькія и корявыя сосенки; между тѣмъ на противоположномъ береговомъ склонѣ Азау, обращенномъ къ сѣверу, довольно густая лѣсная растительность поднималась значительно выше и темно-зеленыя клинья ея достигали высоты около 2750 метровъ. Мы запаслись тутъ сухими вѣтками, такъ-какъ гдѣ-либо впереди не предвидѣлось больше встрѣтить топлива, и продолжали нашъ путь, поднимаясь все выше и выше вкось по травянистому южному склону все того-же высокаго хребта. Теперь ничто не закрывало отъ насъ его причудливо изрѣзаннаго гребня, контрофорсами взбѣгавшаго вверхъ, и вывѣтрившіяся буроватыя скалы,—остатокъ разрушительнаго лавоваго потока, нѣкогда разлившагося по приподнятымъ гнейсамъ, отвѣсно вздымались надъ зеленью луговъ, обрамленныя у своего подножья большими и малыми осыпями, врѣзывающимися мѣстами узкими и длинными языками по неглубокимъ ложбинкамъ въ густой травянистый покровъ, пестрѣвшій ярко-окрашенными, крупными и пышными цвѣтками темно-фіолетовыхъ колокольчиковъ, синихъ генціанъ, голубыхъ незабудокъ, бѣлыхъ гвоздикъ, палевыхъ скабіозъ, розоватаго клевера, синевато-голубоватыхъ астръ, оранжеваго мака, ромашекъ, камнеломокъ, лютиковъ, анютиныхъ глазокъ. Подъемъ становился все круче и круче. Вдали показались концевыя части лавоваго потока, разбитаго великолѣпной перисто-столбчатой отдѣльностью на шестигранныя призматическія черныя, съ матовымъ блескомъ, колонны. Онѣ представлялись какой-то стѣною гигантовъ на фонѣ темно-синяго неба и одна уединенная глыба возвышалась на самомъ краю, точно сторожевая башня на неприступной скалѣ надъ рѣзко очерченной ребровой линіей зеленаго склона, какъ-бы обрывающагося надъ какой-нибудь бездной, скрытой отъ нашего взора. А внизу, подъ ногами у насъ величаво-спокойно лежалъ со слабо наклоненной матово-бѣлой поверхностью Азаускій ледникъ, окаймленный мягко-пологими склонами циркообразно расположенныхъ вершинъ Азаускаго и Чиперъ-Азаускаго гребней. Донгузъ-орунъ царилъ надъ всей округой и сверкалъ своей снѣжно-ледяной діадемой надъ темно-зеленой густиной сплошныхъ сосновыхъ лѣсовъ, покрывающихъ дно Азаускій котловины и убѣгающихъ вдоль Баксанской долины съ прилегающими къ ней горными склонами до значительной высоты. Подъ лучами яркаго солнца какъ-бы дрогнула ледяная бахрома, обрамляющая гордое чело горныхъ высотъ; быстрые ручьи побѣжали по глубокимъ тѣнистымъ ложбинамъ; обгоняя другъ друга, неслись они внизъ, навстрѣчу лугамъ и лѣсамъ и сливали потомъ свои струи съ шаловливо катящимися

волнами серебристою змѣйкой сверкавшей на солнцѣ межь густой зелени лѣса рѣки.

Къ половинѣ второго мы успѣли пройти около $3^1/_2$ верстъ отъ начала пути и подняться надъ Кочкаровскимъ кошемъ болѣе, чѣмъ на 500 метровъ [высота мѣста по анероиду около 2557 метровъ]. Наша дорожка вилась теперь на протяженіи около 200 саженъ у подножья высокихъ шестигранно-призматическихъ, тѣсно прижатыхъ другъ къ другу, колоннъ, на которыя разбилась при охлажденіи вся масса черновато-сѣраго андезитоваго потока. Тутъ и тамъ лежали среди кустиковъ густой шелковистой травы свалившіяся сверху глыбы, напоминавшія мѣстами усѣченныя шестигранныя пирамиды съ основаніемъ до $1^1/_2$ метра въ поперечникѣ; но рядомъ можно было встрѣтить и небольшіе обломки такой-же формы съ поперечникомъ нижняго основанія, не превышающимъ 15—20 сентиметровъ. Въ краевыхъ частяхъ потока неровности ложа замѣтно сказались на общей группировкѣ сильно уменьшенныхъ отдѣльныхъ колонокъ и придали самой отдѣльности своеобразную перисто-столбчатую форму. Нѣсколько дальше высился рядъ колоннъ немного изогнутыхъ въ своей верхней части кнаружи, словно онѣ сгибались подъ тяжестью навалившихся на нихъ позже излившихся новыхъ лавовыхъ массъ, и увѣнчивались какъ-бы шарообразными головками, съ рѣзко выраженной радіальной мелкостолбчатой отдѣльностью, точно онѣ были склеены изъ множества маленькихъ призматическихъ колонокъ. Двѣ довольно широкія сѣровато-бурыя осыпи потянулись внизъ по крутому склону, выполняя глубокую ложбину; масса разныхъ обломковъ лавы, мелкаго щебня и гравія пришла въ движеніе и медленно поползла подъ ногами, увлекая за собою въ живомъ потокѣ и людей, и животныхъ. Тяжелые вьюки сильно мѣшали осликамъ сохранить необходимое равновѣсіе при подобномъ боковомъ перемѣщеніи, и наши погонщики то и дѣло поддерживали своими плечами сильно перекосившійся грузъ, всячески побуждая своихъ четвероногихъ товарищей къ скорѣйшей переправѣ по слишкомъ зыбкому грунту. Осыпь спускалась прямо въ зіявшую у насъ подъ ногами тѣснину, образованную двумя отвѣсными высокими стѣнами двухъ небольшихъ остатковъ лавовыхъ потоковъ, быть можетъ составлявшихъ нѣкогда одно цѣлое съ высившимися надъ нами громадами, или еще до своего остыванія оторвавшихся, какъ двѣ крупныя слезы, и скатившихся далеко внизъ отъ породившей ихъ лавовой массы. Почти годъ тому назадъ на возвратномъ пути съ фирновыхъ полей Эльбруса, истомленный блужданьемъ по ледникамъ и ущельямъ, я рискнулъ со своимъ спутникомъ довѣриться движущейся подъ ногами осыпи и быстро спустился, зарывшись по колѣно въ рыхлую массу, черезъ величественныя, мрачно глядѣвшія на насъ въ вечернемъ сумракѣ, ворота, на покрытый чуднымъ луговымъ ковромъ, круто обрывающійся къ Азаускому глетчеру, береговой склонъ. Но теперь такая прогулка никому изъ насъ не улыбалась, и всѣ облегченно вздохнули, когда послѣдній ишакъ сталъ на твердую землю.

Вскорѣ и осыпи, и живописная колоннада остались позади. За небольшимъ косогоромъ, на который взобрались мы непосредственно вслѣдъ за этимъ

около 2 часовъ дня [высота мѣста по анероиду 2925 метровъ], открывалась короткая, но довольно глубокая лощина, протянувшаяся съ юга на сѣверъ и какъ-бы служащая естественнымъ проходомъ изъ верховьевъ Азауской долины съ покоящимся въ нихъ ледникомъ въ обширную, выше расположенную котловину, примыкающую своимъ западнымъ бортомъ къ обрывистой, мощной конечной моренѣ большого Гарабашскаго глетчера. Лѣвобережные склоны лощины, переходящіе въ склоны все того-же Терскольско-Азаускаго кряжа, съ которымъ мы не разставались съ самаго утра, представляли такіе-же, какъ и эти послѣдніе сплошные великолѣпные луга, спускавшіеся до самаго дна лощины, по которому извивался тонкою змѣйкою небольшой ледниковый потокъ, ниспадающій нѣсколько южнѣе красивымъ каскадомъ на боковую морену Азаускаго глетчера. Справа окаймляла лощину не широкая лента луговъ, надъ которой прямо противъ насъ высилась свѣтло-сѣрая стѣна сравнительно узкаго лавового потока съ великолѣпной вѣерной отдѣльностью. Небольшая травянистая площадка, нѣсколько наклоненная къ востоку, какъ-бы срѣзала его головныя части, служа въ свою очередь только пышнымъ подножьемъ для новыхъ громадъ, но только буровато-чернаго цвѣта, увѣнчанныхъ также зеленѣющимъ плато, убѣгающимъ вдаль на западъ. Нѣсколько къ сѣверу, въ такой-же послѣдовательности возвышались крутою стѣной громады излившихся нѣкогда лавъ; только здѣсь въ основаніи виднѣлся еще не особенно мощный слой розоватаго туфа, а внизъ отъ него къ зеленой муравѣ ползли небольшими языками красновато-сѣрыя осыпи съ извивавшимися по поверхности ихъ тонкими струйками углекислыхъ источниковъ. Видимо, все составляло прежде одинъ могучій лавовый покровъ, налегавшій на гнейсы, а теперь его во всю длину, вплоть до фирновыхъ полей Эльбруса глубоко прорѣзывало страшно узкое ущелье, такъ-что солнце озаряло лишь часть обращенныхъ на югъ его склоновъ, а все остальное было погружено въ густую тѣнь. Въ верховьяхъ ущелья бѣлѣлъ клиновиднымъ языкомъ нижній конецъ глетчера и Малый Гарабаши, а по сильно наклонному и стѣсненному, углубленному на всемъ протяженіи противъ гребневыхъ очертаній береговыхъ лавовыхъ громадъ метровъ на триста, бѣшенно мчался, ниспадая мѣстами каскадами, весь покрытый грязною пѣною бурный ледниковый потокъ, врывался затѣмъ въ зеленѣющую лощину и сливалъ свои мутныя волны съ прозрачными водами протекавшей по лощинѣ рѣченки, чтобы вмѣстѣ съ ними пробѣжать уже болѣе спокойно съ полверсты и низвергнуться небольшимъ водопадомъ прямо на боковую морену Азаускаго глетчера.*) Все было тихо кругомъ. Только порою сорвется гдѣ-нибудь со скалы горная индѣйка и съ мелодичнымъ свистомъ пронесется надъ головами къ Гарабашскимъ утесамъ, да мелкія мухи жужжали, кружась надъ

*) Мнѣ пришлось побывать у нижняго конца ледника 7 августа 1907 года. Онъ свисаетъ метровъ на 170 отъ барьерной линіи, отграничивающей скрытыя отъ стоящаго внизу наблюдателя верхнія части его, имѣетъ метровъ 60 въ ширину, оканчивается на высотѣ около 2000 метровъ и покоится на круто падающемъ каменномъ ложѣ довольно тонкимъ слоемъ. При мнѣ съ середины его сорвалась плоская глыба обнаживъ черную поверхность ложа, площадью до 15 квадратныхъ метровъ и запрудивъ на время ледниковый потокъ. Онъ сразу уменьшился, а потомъ на глазахъ сталъ замѣтно прибывать все болѣе и болѣе, увлекая небольшіе обломки разбившей-

важно ступавшими осликами, выискивая мѣстечко, гдѣ можно было-бы поудобнѣе усѣсться.

Отсюда путь нашъ лежалъ на протяженіи примѣрно двухъ верстъ прямо на сѣверъ. Трава росла здѣсь уже не сплошнымъ ковромъ, а отдѣльными почками, длинные стебли которыхъ свисали своими верхушками до самой земли; какъ самые стебли, такъ и листья у ней жесткіе, лоснящіеся и очень крѣпкіе, что не разъ давало намъ возможность съ успѣхомъ хвататься за нихъ, взбираясь по крутому подъему. Мѣстами попадался карликовый рододендронъ и отцвѣтшая дафнія. Вотъ какъ-будто сталъ болѣе пологимъ склонъ, по которому намъ приходилось подвигаться впередъ. Далеко внизу подъ ногами сквернулъ небольшой водопадъ, переливая на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги широкой стеклянной пеленой, окруженной алмазной пылью мельчайшихъ водяныхъ частицъ. Пятисаженный каменный уступъ, по которому растекалась тонкимъ слоемъ вода, служилъ какъ-бы предѣломъ для узкой лощины, оставшейся теперь позади. За нимъ начиналась уже обширная котловина, въ слабо покатомъ къ востоку и довольно уплощенномъ днѣ которой углубила свое ложе р. Гарабаши, напоминавшая скорѣе большой, мелодично шумящій прозрачный ручей.

Въ 3 часа дня на зеленой лужайкѣ, на высокомъ берегу серебристаго ручья, весело потрескивали сухія сосновыя вѣтви, и тихо покачивались надъ огнемъ походные чайники въ кругу суетившихся казаковъ. Освобожденные отъ ноши ослики мирно пощипывали свѣжую сочную травку. Мы въ ожиданіи чая разбрелись по мягко пологимъ склонамъ. Кто раскинулся прямо на солнечномъ припекѣ и, надвинувъ шапку на глаза, погрузился въ сладостную полудремоту; кто спѣшилъ освѣжиться въ холодныхъ струяхъ ручья, успѣвшаго, видимо, хорошо профильтроваться въ мощной рыхлой толщѣ скрытой за небольшимъ хребтикомъ конечной морены Малаго Гарабаши до своего выхода на прорѣзанную его ложемъ поверхность дна котловины; кто занялся прилаживаніемъ фотографическаго аппарата. А тутъ было, на что посмотрѣть, чѣмъ полюбоваться. Съ высоты 2935 метровъ, на которой лежало начало самой котловины, и гдѣ мы разбили свой бивуакъ, открывался чудный видъ на Главный Кавказскій хребетъ. Надъ долиной Баксана густой вереницей тянулись къ горамъ облака, и ихъ золотистые контуры дополняли великолѣпіе сверкавшихъ на солнцѣ снѣжныхъ вершинъ, какъ-бы отрѣзанныхъ отъ темныхъ основаній. Сквозь лощину виднѣлась въ зеленовато-сѣрой оправѣ скалистыхъ склоновъ матово-бѣлая грудь Азаускаго глетчера. А на сѣверо-западъ отъ насъ весь горизонтъ заполняла собой царственная громада сѣдовласаго Эльбруса, словно подпиравшаго своими главами своды темно-синяго неба. Густое, огромное облако надвигалось на склоны его съ далекаго юго-запада; легкимъ вихремъ взвивалась, какъ флюгеръ въ необъятномъ просторѣ, снѣж-

---

ся ледяной массы. Остатки боковыхъ моренъ поднимающіеся метровъ на 40 надъ уровнемъ потока, свидѣтельствуютъ о прежнемъ болѣе низкомъ положеніи ледника; возможно, что нынѣшній его нижній конецъ представляетъ только сильно утонченную ничтожную часть прежняго мощнаго языка, выступавшаго значительно больше впередъ.

ная пыль на обращенномъ къ югу плечѣ его западной вершины; словно глубокія старческія морщины, чернѣли на склонахъ восточной вершины ничѣмъ не прикрытыя грядки нагроможденныхъ лавовыхъ глыбъ; по склонамъ исполинскаго конуса широко раскинулась искрящаяся мантія фирновыхъ полей. И сама пріютившая насъ котловина, казалось, испуганно прижалась къ окаймлявшимъ ее то полого-округлымъ, покрытымъ чудными лугами, то бѣднымъ растительностью, крутымъ, нѣсколько вогнутымъ и обрамленнымъ вывѣтрѣлыми лавовыми скалами и буровато-сѣрыми осыпями склонамъ сосѣднихъ кряжей, словно искала у нихъ защиты отъ ледяного дыханья такъ близко надвинувшагося на нее колосса.

А вокругъ все—и эта яркая зелень травы, и эти довѣрчиво и весело глядящіе на васъ, подчасъ еще не вполнѣ распустившіеся колокольчики, генціаны, ромашки, цикоріи, замѣтно уступающіе своимъ собратьямъ болѣе низкихъ высотъ по размѣрамъ, но только не густотѣ окраски своихъ относительно все-же крупныхъ цвѣтковъ, и нарядные оранжевые крокусы съ миленькими розоватыми примулами, и прихотливо извивающіяся рытвинки, нарушающія цѣлость травяного покрова,—какъ-бы вѣяло на васъ задорнымъ дыханьемъ весны. И высота положенія надъ уровнемъ моря самой мѣстности, и близкое сосѣдство вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ Эльбруса, способствуютъ установленію довольно низкой годовой температуры въ этомъ царствѣ вьюги и лютыхъ морозовъ. Чуть-ли не десять мѣсяцевъ все погребено здѣсь подъ снѣжнымъ глубокимъ покровомъ; только въ маѣ сильнѣй пригрѣваетъ солнце, начинаютъ перепадать благотворные теплые дожди, сходить снѣгъ съ высокихъ уступовъ, пробивается первая травка, пробуждается послѣ долгаго сна яркая жизнь. Къ концу іюля и къ началу августа растенія достигаютъ полнаго своего развитія, хотя и въ эту, безспорно самую лучшую пору температура не отличается особеннымъ постоянствомъ и теплые, ясные дни могутъ смѣниться холодами со снѣгомъ и заморозками. Въ концѣ августа температура начинаетъ быстро падать, ибо небо заволакивается свинцовыми тучами, разражающимися обложнымъ мелкимъ, осеннимъ дождемъ, изрѣдка градомъ и снѣгомъ, а къ половинѣ сентября снова все покрывается сплошной снѣжной пеленой, и природа погружается въ прежній долгій сонъ до будущаго лучезарнаго мая...

Въ $4^1/_2$ час. дня мы снялись съ нашего кратковременнаго бивака; версты полторы вслѣдъ затѣмъ продолжали итти по слабо покатому дну все тойже котловины и, немного не доходя до концевой части ея, гдѣ ручей тихо струился въ низкихъ травянистыхъ берегахъ, повернули круто направо (высота мѣста по анероиду около 3065 метровъ) къ основанію ближайшей лавовой осыпи, по которой безъ особеннаго напряженія выбрались къ половинѣ шестого на обрамленное барьеромъ сильно разрушенныхъ лавъ платообразное расширеніе въ верхней части Терскольско-азаускаго кряжа. Оно собственно третье по счету въ ряду другихъ, начинающихся еще на высотѣ 2825 метровъ почти совершенно ровной зеленой площадкой, имѣющей до версты въ длину и до ста саженъ въ ширину, и отдѣльныхъ другъ отъ друга довольно-

но крутыми, сильно суженными и скошенными въ сторону Азау подъемами. Только здѣсь высота мѣста была нѣсколько больше (3235 метровъ), и поверхность плато была густо усѣяна болѣе или менѣе крупными и мелкими округленными и угловатыми лавовыми обломками всевозможныхъ оттѣнковъ цвѣтовъ отъ чернаго и черновато-сѣраго до розоваго, буровато-розоваго и кирпично-краснаго. На этомъ пестроватомъ фонѣ, гдѣ все говорило о продолжительномъ процессѣ вывѣтриванія и смыва, сгладившаго постепенно неровности, тамъ и сямъ мелькали отдѣльные кустики травки и скромныхъ по своимъ размѣрамъ, но яркихъ по окраскѣ своихъ вѣнчиковъ, различныхъ представителей цвѣтковыхъ растеній высокогорной области, все больше генціанъ, колокольчиковъ, незабудокъ и камнеломокъ.

Слегка покатая къ востоку поверхность плато перешла въ столь-же широкій, какъ и она, и довольно рѣзко выраженный подъемъ, заканчивающійся узенькой площадкой на высотѣ 3350 метровъ, гдѣ высится небольшой каменный туръ, поставленный топографами при производствѣ топографической съемки. Плоская поверхность подъема круто обрывалась надъ Гарабаши и Терсколомъ причудливыми глыбами въ формѣ пиковъ, зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, сложенныхъ изъ трахитообразныхъ лавъ съ перемежающимися, повидимому, неправильно ограниченныхъ въ своихъ очертаніяхъ, участками сѣровато-чернаго и буровато-краснаго цвѣтовъ.

Въ 6 часовъ вечера мы стояли уже на вершинной площадкѣ подъема. Подъ ногами у насъ разстилалась небольшая, какъ-бы желобообразная котловина, вытянутая съ юга на сѣверъ. Едва замѣтная линія перегиба плоскаго дна проходитъ ближе къ сѣверному краю котловины, заваленному обломками лавъ, черныхъ, блестящихъ, стекловатыхъ, совершенно не похожихъ на тѣ, которыя были встрѣчены нами по пути, какъ на южныхъ склонахъ, такъ и на вершинныхъ плато Терскольско-Азаускаго кряжа. Тамъ, среди черныхъ скалъ отливало своею зеркальною поверхностью довольно большое, овальной формы озеро (до 30 саженъ въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, около 15 саженъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, сажени полторы глубиною; высота мѣста 3325 метровъ), отражая въ своихъ безмятежно-покойныхъ зеленовато-голубыхъ водахъ и лазурь далекаго неба съ золотистыми облачками, и угрюмые, лишенные жизни свои берега. Южный, болѣе высокій и довольно обрывистый берегъ озера былъ покрытъ пленою сплошного, но не толстаго слоя, не успѣвшаго, видимо, стаять за лѣто, влажнаго, плотно-слежавшагося снѣга. Такія-же топкія залежи выполняли мало замѣтныя неровности равнинной поверхности котловины. На южныхъ склонахъ ея снѣгъ почти совершенно сошелъ и послѣдніе остатки его питали своею талой водой три маленькихъ озерца, которыя выполняли незначительныя блюдцеобразныя углубленія ложа и выпускали изъ себя небольшіе ручейки, весело журчавшіе по залитой солнцемъ сѣровато-черной поверхности рыхлой толщи крупнозернистаго лавоваго детрита и направлявшіеся къ мощной конечной моренѣ Малаго Гарабашскаго ледника.

Прямо предъ нами, метровъ на 300 надъ котловиной, высился огром-

ный кряжъ изъ безпорядочно нагроможденныхъ лавовыхъ глыбъ, на сѣровато-черномъ фонѣ которыхъ только мѣстами мелькали въ ложбинкахъ небольшіе снѣга. За рѣзко очерченной полукруглою линіей гребневой частью его, заслонявшей отъ глаза обширныя фирновыя поля, выростами конуса Эльбруса, вздымавшаго къ темно-синему небу свои серебристыя главы, до которыхъ, казалось, рукой подать,—такъ близко они надвигались на насъ всей своей колоссальною массой, имѣющей по одной вертикали свыше 3000 метровъ. А нѣсколько лѣвѣе, черезъ глубокій вырѣзъ въ очертаньяхъ верховьевъ Малаго Гарабаши, видится уже протянувшійся къ югу отъ Эльбруса къ сосѣднимъ высотамъ Главнаго хребта фирновый валъ, по которому лежитъ путь изъ долины Баксана на западъ, въ Карачай, къ истокамъ Кубани.

Быстро сбѣжали мы внизъ къ озерцамъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ соблазна зачерпнуть чистой, прозрачной, студеной воды у предверья въ царство вѣчнаго льда и снѣга. Не много времени занялъ переходъ по снѣжной залежѣ, на которую долго не рѣшались вступить наши ослики, предварительно нѣсколько разъ испробовавшіе прочность покрова, осторожно опуская то одну, то другую переднюю ногу. Съ четверть часа пришлось затратить еще, чтобы взять чрезвычайно крутой подъемъ по склонамъ угрюмаго кряжа, лавируя между большими и малыми глыбами лавъ, иногда довольно не прочно сидѣвшими одна на другой и представлявшими довольно зыбкія и скользкія ступени. Къ половинѣ седьмого мы добрались, наконецъ, до громадной скалы, образующей какъ-бы природный навѣсъ со стороны выше лежащихъ фирновыхъ полей надъ небольшой площадкой, размѣромъ не болѣе полутора квадратной сажени, обставленной съ двухъ боковъ сосѣдними плотно прилегающими къ нависающей скалѣ глыбами, такъ-что получалось нѣчто вродѣ пещеры. [Высота мѣста по анероиду около 3375 метровъ; барометр. давл. 508 mm.; $t = 10^0 C$].

Мнѣ было хорошо знакомо это мѣсто. Здѣсь годъ тому назадъ мнѣ пришлось провести одну ночь съ 5-го на 6-е августа въ обществѣ П. Г. Лысенкова и трехъ студентовъ: В. М. Ройхеля, К. М. Ратушкина и А. К. Энгельгардта. Догорѣли дрова небольшого костра. Фонарь тускло освѣщалъ низкіе своды пещеры. На небѣ сіяла луна, обливая серебристыми лучами расплывчатые контуры горныхъ хребтовъ, зіяющія пасти глубокихъ ущелій съ нависшими надъ безднами, подъ ногами у насъ, обрывками густыхъ облаковъ. Спать не хотѣлось. Много роилось смѣлыхъ думъ въ головѣ, много было огня въ юныхъ сердцахъ, и долго громко разносились надъ скалами въ торжественной ночной тишинѣ полныя жизни и мощи мотивы студенчества, молодіи далекой Украйны и застольныя пѣсни всѣмъ какъ-бы родного и близкаго Кавказскаго края.

До сумерокъ оставалось еще часа полтора. Можно было-бы попытаться добраться до вершины скалистаго гребня и расположиться на ночлегъ у самыхъ фирновыхъ полей. Но осликамъ съ ношей было уже невозможно дольше итти по такому тяжелому пути, да и сами мы порядкомъ устали, такъ что даже тѣ изъ насъ, которые не прочь были-бы видѣть на мѣстѣ безмолвной, холодной

Съ фот. В. Дубянскаго.

ВИДЪ НА ЗАПАДНУЮ ВЕРШИНУ СЪ ВОСТОЧНОЙ ВЕРШИНЫ ЭЛЬБРУСА.

Конецъ андезитоваго потока на южномъ склонѣ Терскольско-Гарабашскаго кряжа (2650 метр.).

скалы привѣтливо манящую на огонекъ маленькую уютную альпійскую хижину, скрѣпя сердце должны были подчиниться печальной необходимости заночевать «въ скалахъ надъ озерцами».

Скоро подулъ съ юго-запада сильный вѣтеръ, надвинулись тучи, температура упала до 6°C, сталъ покрапывать мелкій дождикъ, и черезъ какіе-нибудь полчаса насъ уже плотно окутывала густая пелена холоднаго, сырого, сѣдого тумана. Надо было спѣшить съ устройствомъ пріюта. Дружно закипѣла работа: быстро выросла довольно высокая каменная стѣнка у слишкомъ широкаго входа въ пещеру; казаки посыпали запасенной на нижнихъ лугахъ душистой травой полъ пещеры и разостлали поверхъ кошму, чтобы нѣсколько смягчить жесткость каменистаго ложа; попристроили въ сторонкѣ лишнія вещи, и въ результатѣ получилось довольно сносное убѣжище. Только холодъ да сырость давали себя знать, и закутавшись въ бурки, мы угрюмо разсѣлись по угламъ въ ожиданіи горячаго чаю, а кто и сладко вздремнулъ подъ шумъ керосинокъ и потрескиваніе сложеннаго изъ сухихъ сосновыхъ вѣтокъ костра, надъ которымъ уже колыхались походные чайники, наполненные водой, раздобытой Лысенковымъ въ туманной мглѣ гдѣ-то по близости отъ пещеры у затерявшагося въ скалахъ кристальнаго родника.

Наконецъ, давно чай былъ готовъ; заварили какао безъ молока; разложили провизію; позажигали свѣчи. Въ пещерѣ все оживилось. Въ торопяхъ было отбито горлышко у одной изъ бутылокъ съ виномъ, припасеннымъ для фирновыхъ полей; рѣшили немедленно-же распить ее за будущій успѣхъ; шутки и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Только двое изъ нашихъ компаньо-

Видъ съ высотъ западной пирамидки западной вершины Эльбруса на восточную пирамидку и выступающее къ югу плечо.

новъ немножко были придирчивыми, хвативъ подъ шумокъ малую толику изъ неприкосновеннаго запаса коньяку; впрочемъ скоро усталость сдѣлала скромными и молчаливыми даже самыхъ несговорчивыхъ, и къ девяти часамъ все въ шумной до того времени пещерѣ покоилось здоровымъ, безмятежнымъ сномъ, пока еще достаточно грѣли овчинные полушубки и не успѣло какъ слѣдуетъ дать себя знать жесткое каменистое ложе, прикрытое войлочной кошмой. Казаки и туземцы расположились на ночлегъ на скалахъ прямо подъ открытымъ небомъ, набросивъ поверхъ себя брезентъ на случай непогоды. Петръ Гавриловичъ обошелъ дозоромъ весь бивакъ, поправилъ въ послѣдній разъ покрывавшіе насъ тулупы и бурки и растянулся у входа въ пещеру во весь свой богатырскій ростъ, подложивъ себѣ подъ голову первый попавшійся тюкъ. А вѣтеръ порою врывался въ пещеру, пробирался подъ неплотно прилегавшее покрывало, и заставлялъ невольно вздрагивать во снѣ отъ пробѣгавшаго по членамъ холода подъ заунывную пѣсню его.

ГЛАВА IX.

Визитъ туровъ.—Горе охотники.—По руинамъ былого величія.—Послѣдніе цвѣты.—Стоянка Фрешвильда.—Слѣды удара молніи.—Терскольскій пикъ.—Царственный старецъ.—Панорама хребтовъ.—Эльбрусъ въ легендахъ народовъ.—Разсказы Бачая.—«Пріютъ надежды».—Въ заколдованномъ кругу.—Подъ чарующей лаской природы.—Вѣрный товарищъ.—Послѣдній привалъ.—Сонъ подъ сѣнью Терскольскаго пика.—Образы прошлаго.—Среди облаковъ и тумановъ.—Жребій брошенъ.

Къ утру потеплѣло; понизившаяся ночью до 0° температура поднялась къ 7 часамъ утра до 8° С.; небо совершенно прояснилось, и въ то время, какъ въ пещерѣ еще царила глубокая тѣнь и довольно чувствительная про-

хлада, за стѣнами ея все было уже залито солнцемъ. Ярко сверкали своими брилліантами въ темной лазури небесъ снѣговыя вершины Главнаго Кавказскаго хребта; шаловливо играли лучи въ стально-черныхъ покойныхъ водахъ озерца съ плывущими по нимъ небольшими льдинками; беззаботно журчали ручьи на днѣ котловинки, усѣянной щебнемъ; ласково улыбались солнцу бѣлоснѣжныя камнеломки съ густыми ростками безчеренковыхъ листочковъ, низкорослыя ромашки, крупные желтые цвѣтки карликовыхъ своеобразныхъ крестовниковъ съ пострадавшими немного отъ ночного холода листьями среди бархатистыхъ подушечекъ ярко-зеленаго моха, пріютившихся гдѣ-нибудь на крошечной площадкѣ подлѣ облѣпленной оранжевыми и голубовато-зелеными лишайниками лавовой глыбы.

Совершенно свѣжіе слѣды туровъ подлѣ самаго мѣста ночлега свидѣтельствовали въ достаточной степени о томъ, что всѣ мы крѣпко спали, и нашъ молодой погонщикъ карачаевецъ, оживленно разговаривалъ съ Вачаемъ и нашими казаками, сопровождая свою рѣчь энергичной жестикуляціей и мрачными взглядами на старомодную одностволку. Тщетно онъ самъ и его собесѣдники направляли бинокли и подзорную трубу на зеленѣющіе далеко внизу лѣвобережные склоны Терскольскаго ледника; невозмутимымъ покоемъ вѣяло отъ величаво застывшей въ своемъ оцѣпенѣніи ледяной рѣки и характерныя черныя точки слишкомъ далеко мелькали на зеленой муравѣ, только распаляя страсть охотника, но не давая почти никакой надежды на удовлетвореніе.

Долго еще не могли мы разстаться со своимъ насиженнымъ мѣстечкомъ, и лишь къ 10 часамъ, послѣ сытнаго горячаго завтрака, выбрались, наконецъ, изъ угрюмаго логовища. Путь нашъ лежалъ по очень крутому подъему среди безпорядочно нагроможденныхъ буровато-черныхъ, матово-глянцевыхъ лавовыхъ глыбъ. Влѣво отъ насъ тянулись мощныя морены Гара-баши, оканчивающагося огромнымъ барьернымъ валомъ на высотѣ около 3300 метровъ. Быть можетъ вереница вѣковъ пронеслась надъ ними, а онѣ выглядѣли еще совершенно свѣжими, представляя собой убѣдительное доказательство той громадной механической работы, которую затратила природа на созданіе ихъ. Тамъ и сямъ подъ ногами слышалось журчанье скрытыхъ межь скалами, порожденныхъ таяньемъ выше лежащихъ фирновъ, ручьевъ; мѣстами они выбивались на свѣтъ Божій и тихо струились по крошечнымъ площадкамъ, покрытымъ мелко раздробленнымъ щебневымъ наносомъ съ обычными дерновинками мховъ и немногочисленныхъ послѣднихъ представителей высокогорной флоры. Трудно было въ этомъ хаосѣ каменныхъ глыбъ отмѣтить какіе-бы то нибыло слѣды былой правильности въ ихъ расположеніи или цѣльности; это были руины давно разрушеннаго мощнаго лавоваго потока, не перешедшаго въ своемъ распространеніи за предѣлы озерной желобообразной котловины, насколько можно судить объ этомъ по совершенно иному характеру лавъ на противоположныхъ склонахъ ея; снѣгъ, ледъ и вода ничего еще не успѣли здѣсь выравнять и сгладить; каменные бугры, котловинки, неправильныя лощинки съ исчезающими въ нѣдрахъ скважистаго поддоннаго грунта ручейка-

ми окружали насъ со всѣхъ сторонъ, заставляя то и дѣло прыгать съ камня на камень, а мѣстами спускаться на рукахъ между исполинскими глыбами и вновь карабкаться на нихъ съ тяжелой ношей за плечами.

Минутъ черезъ сорокъ, пройдя около двухсотъ саженъ по такому пути «семи смертныхъ грѣховъ», какъ назвалъ его въ шутку одинъ изъ нашихъ спутниковъ, мы добрались до небольшой площадки, обнесенной невысокою каменною стѣнкою со стороны разстилающейся нѣсколько ниже снѣжной области питанія Терскольскаго глетчера, которая примыкаетъ своими довольно крутыми склонами къ обширнымъ фирновымъ полямъ и совершенно защищенной лавовыми глыбами отъ юго-западнаго вѣтра, такъ досаждавшаго намъ своими неугомонными пѣснями всю послѣднюю ночь у скалъ надъ котловиной съ озерцами.

Только кое-гдѣ сѣрѣли тонкослойные, просвѣчивающіе остатки снѣга, и увлаженную разрыхленную почву украшали яркіе цвѣточки незабудокъ, вероники, камнеломокъ, ромашекъ, крестовниковъ съ неизмѣнно сопутствующими дерновинками моха. Анероидъ показывалъ высоту мѣста въ 3550 метровъ; приблизительно здѣсь проходила граница крайняго распространенія представителей цвѣтковыхъ растеній, мховъ и лишайниковъ; и всѣ они какъ-будто собрались сюда вмѣстѣ, чтобы своимъ нераздѣльнымъ присутствіемъ запечатлѣть скромный уголокъ, расчищенный руками человѣка, который сорокъ лѣтъ тому назадъ провелъ здѣсь послѣднюю ночь передъ тѣмъ, какъ взойти первымъ изъ европейцевъ на восточную вершину сѣдого великана. (Восхожденіе Фрешвильда $^{31}/_{19}$ іюля 1868 г.).

Мы не свернули отсюда на твердый снѣгъ, какъ сдѣлали это экскурсанты 1907 г., по примѣру многихъ своихъ предшественниковъ, а продолжали пробираться межъ скалами еще на протяженіи около семидесяти пяти саженъ; только уклонъ теперь былъ значительно меньше, что доставило намъ не малое облегченіе. На пути натолкнулись мы на огромную лавовую глыбу; на глянцевой, слегка вогнутой поверхности ея зіяло обрамленное вѣнцомъ тоненькихъ трещинокъ небольшое отверстіе, величиною съ мѣдный пятакъ, уходящаго въ глубину канала; быть можетъ это слѣдъ удара молніи въ каменную твердыню, оставшуюся непоколебимой до поры, до времени, когда рука временъ раздробитъ ее на мелкіе куски, подобно множеству лежащихъ по сосѣдству. А минутъ черезъ десять вслѣдъ затѣмъ мы находились уже на гребневой части мощнаго барьернаго вала, разсыпавшагося на множество небольшихъ лавовыхъ грядокъ, которыя рѣзко выдѣлялись на фонѣ уцѣлѣвшихъ между ними остатковъ стараго снѣга и постепенно сходили на нѣтъ у линіи сплошного фирноваго покрова приблизительно на высотѣ 3600 метровъ.

Только одна гряда довольно далеко врѣзалась клиномъ въ фирновыя поля, возвышаясь метровъ на двадцать пять надъ равнинной поверхностью ихъ почти отвѣсной стѣной изъ громадныхъ лавовыхъ глыбъ, увѣнчанной небольшой пирамидкой изъ болѣе мелкихъ камней, которая является конечнымъ вершиннымъ пикомъ Терскольско-Гарабаши-Азаускаго кряжа. Ровно въ 11 часовъ утра на вершинѣ его мы водрузили въ наклонномъ положеніи альпен-

штокъ съ подвѣшеннымъ на немъ анероидомъ Р. Р. Лейцингера. [Термометръ показывалъ въ тѣни 8° С.; барометрическое давленіе 485 миллиметровъ; высота мѣста 3625 метр.].

Эльбрусъ, какъ на ладони, высился передъ нами на сѣверо-западѣ во всемъ своемъ величіи; сверкая серебристою мантіей, обрамленной слегка волнистой пеленой фирновыхъ полей его платообразнаго подножья, обрывающагося довольно круто къ верховьямъ окрестныхъ ледниковъ. Мѣстами фирновыя поля сходили совершенно на нѣтъ, или только тонкая, прозрачная ледяная корка прикрывала собой просвѣчивающія темноцвѣтныя гряды мелкораздробленныхъ лавовыхъ обломковъ, устилающихъ ложе нѣкогда перемѣщавшихся здѣсь мощныхъ ледяныхъ громадъ. Коллосальной тупоконическою шапкою представлялась намъ восточная вершина сѣдого великана. Она подавляла своею массивностью какъ-бы прятавшуюся за ней и отдѣленную отъ нея неглубокою сѣдловиною западную бугрообразную вершину съ чернымъ гребешкомъ обнаженныхъ скалъ; темныя пятна лавовыхъ обнаженій спускались густой бахромой по ея собственному южному склону, а по краю ея восточнаго склона спускался почти до самой подошвы огромный лавовый валъ, остатокъ былого потока, направлявшагося въ своемъ движеніи къ верховьямъ группы Ирикскихъ глетчеровъ, отмѣченнымъ скалистыми гребнями и пиками гранитовъ, гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ. Вся вершина казалась насаженной на исполинскій неправильно пирамидальный постаментъ; одно изъ реберъ его приблизительно совпадало съ направленіемъ залеганія лавоваго вала; другое сравнительно слабо намѣчалось выпуклостью фирноваго покрова, какъ-бы отдѣляющей другъ отъ друга области, тяготѣющія, съ одной стороны, къ группѣ Ирикскихъ глетчеровъ, а съ другой стороны, къ группѣ Терскольско-Гарабашскихъ ледниковъ; третье, наконецъ, рѣзко обрисовывалось на томъ-же фирновомъ покровѣ къ западу отъ насъ, протянувшись далеко на юго-западъ и обозначая собою юго-восточныя границы области фирновъ, тяготѣющихъ уже къ области Азауско-Хотю-таускихъ ледниковъ. Грани величаваго постамента взбѣгали къ вершинной шапкѣ слабо выраженными террасовидными изгибами, терявшимися въ общемъ уклонѣ залитыхъ ослѣпительнымъ солнцемъ снѣжныхъ пространствъ, на фонѣ которыхъ только кое гдѣ, въ направленіи юго-западнаго ребра, чернѣли небольшія группки скалъ. За этимъ ребромъ уже виднѣлись ближайшіе склоны, вздымающіеся къ сѣдловинѣ Эльбруса и смотрящему на югъ плечу западной вершины его, а еще дальше, сравнительно слабо возвышаясь надъ подножьемъ ея, выглядывали въ видѣ снѣговыхъ бастіоновъ съ темными пятнами лавовыхъ скалъ, высоты Кюку-тлю, какъ краевыя части скрытыхъ отъ взоровъ сѣверо-западныхъ бортовыхъ стѣнокъ былого огромнаго кратера.

А куда ни посмотришь вокругъ, все хребты да вершинные пики то въ бронѣ вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, то свободные отъ нея, обнаженные, обрамляющіе заполненныя глетчерами котловины, но неизмѣнно величаво-спокойные, какъ незыблемые престолы дивной красоты. Вотъ подъ ногами у насъ убѣгаетъ почти прямо на югъ мощный Терскольско-Азаускій кряжъ съ

его рѣзко выраженными платообразными расширеньями, круто переходящими въ гребневидные суженья и тѣмъ самымъ какъ-бы отмѣчающими границы распространенія послѣдовательно излившихся нѣкогда на граниты и гнейсы потоковъ лавъ. Словно тропинка съ гигантскими ступенями ведетъ отъ фирновыхъ полей Эльбруса въ долину Баксана, гдѣ тихо шумятъ густые сосновые боры и рощи кудрявыхъ березъ подъ звонкія пѣсни бурныхъ ручьевъ, низбѣгающихъ по ярко-цвѣтнымъ луговымъ склонамъ, гдѣ все полно разнообразной кипучей жизни, составляющей разительный контрастъ съ величественнымъ безмолвіемъ области сглаженныхъ вершинъ. Нѣсколько лѣвѣе зіяютъ глубокія трещины, бороздящія верховье Терскольскаго глетчера, которое примыкаетъ къ лежащимъ подлѣ насъ краевымъ частямъ фирновыхъ полей, подступающихъ къ Иткольскимъ высотамъ. Тамъ покоятся два небольшіе глетчера, зарывшись въ свои конечныя морены, сливающіяся съ боковыми моренами Терскола, а сѣвернѣе ихъ бѣлѣютъ Ирикскіе пики, ограничивающіе съ сѣвера вмѣстѣ съ громадой Эльбруса видимый горизонтъ. Вправо отъ насъ высятся причудливо изрѣзанные гребни Азау и Чиперъ-Азау, увѣнчивающіе собою соотвѣтственныя части массивовъ Главнаго Кавказскаго хребта и пріютившіе на своихъ пологихъ склонахъ въ циркообразныхъ котловинахъ боковыя вѣтви Азаускаго глетчера, который, сильно расширяясь кверху, сливается съ громаднымъ полемъ фирна, заполняющимъ все пространство между Эльбрусомъ, хребтомъ Хотю-тау, соединяющимъ основной массивъ Эльбруса съ массивами Главнаго хребта, и переваломъ, ведущимъ въ Сванетію черезъ Чиперъ-Азау. Но самого ледника съ его великолѣпнымъ ледопадомъ у границы фирновыхъ полей намъ не было видно за верховьями Гара-баши, гдѣ небольшіе лавовые, сильно разрушеные кряжики чередуются съ узкими фирновыми полями. На горизонтѣ къ юго-западу отчетливо рисовался зубчатый гребень убѣгающаго къ Черному морю и замѣтно понижающагося Главнаго хребта, сложеннаго изъ гранитовъ, гнейсовъ и кристаллическихъ сланцевъ; только кое-гдѣ въ той сторонѣ мелькали на немъ снѣговыя вершины и мѣстами проглядывали синѣющіе контуры Сванетско-Имеретинскихъ сланцевыхъ цѣпей. А на юго-востокъ отъ Азау и Чиперъ-Азау на многіе десятки верстъ внизъ по долинѣ Баксана рисовалась предъ нашими восхищенными взорами дивно-прекрасная величественная панорама центральной части Главнаго Кавказскаго хребта. Вотъ трапеція Донгузъ-Оруна, на страшно-крутыхъ склонахъ которой трудно держаться снѣговымъ массамъ, и онѣ обрушиваются внизъ грозными лавинами, оставляя послѣ себя какъ-бы легкій снѣжный вихрь въ воздухѣ и прочные бороздчатые слѣды на уцѣлѣвшемъ снѣговомъ покровѣ вершины. Нѣсколько дальше высятся двуглавая Ужба, напоминающая тіару древне-еврейскаго первосвященника, а подлѣ нея выступаютъ зубчатыя стѣны Чатынъ-тау; передъ ними выстроились рядкомъ шапки Бжедуха и Гистолы, заслоняя шатрообразный Тетнульдъ. На далекомъ юго-востокѣ упирается въ синеву неба мощный валъ Шхары, а немного къ сѣверу отъ него сверкаетъ остроконечный, слегка раздвоенный, какъ митра католическаго епископа, Дыхъ-тау, вздымаясь выше всѣхъ окрестныхъ

вершинъ; вблизи нея красуется пирамидка Коштанъ-тау надъ цѣлымъ сонмомъ меньшихъ снѣжныхъ пиковъ и хребтовъ, исчезающихъ въ туманной дали, и въ ихъ вереницѣ растерявшійся глазъ съ трудомъ улавливаетъ общее направленіе Главнаго Кавказскаго хребта по Донгузъ-оруну, Ужбѣ и Шхарѣ, усложненное боковыми сѣверо-восточными отвѣтвленіями такихъ группъ, какъ Адыръ-су-баши, Адылъ-су-баши или Дыхъ-тау съ Коштанъ-тау.

Но какъ не грандіозны кажутся вершины и гребни Большого Кавказа, никто изъ нихъ не можетъ итти въ сравненіе съ сѣдовласымъ колоссомъ, на склонахъ котораго находились мы въ тѣ незабвенные дни. Словно юный пріемышъ Кавказа, стоитъ онъ совершенно изолированный, не смѣшиваясь съ пиками Центральнаго гребня. Своимъ гранито-гнейсовымъ основаніемъ онъ неразрывно связанъ хребтомъ Хотю-тау съ массивами Главнаго Кавказскаго хребта; но самъ онъ несравненно моложе всѣхъ окружающихъ его великановъ, и въ геологическомъ значеніи слова вулканическія силы земли сравнительно совсѣмъ недавно вознесли высоко надъ всѣмъ краемъ его горделивыя вершины, извергавшія нѣкогда изъ своихъ полуразрушенныхъ нынѣ кратеровъ огромные потоки огненно-расплавленной массы. Въ памяти народовъ не сохранилось объ этомъ никакого слѣда; быть можетъ и людей-то тогда еще не существовало на землѣ, или надъ человѣческимъ родомъ только начинали чуть брезжить первые проблески зари познанья окружающаго міра. Однако, величавая царственная красота Эльбруса и его гордо обособленное положеніе среди увѣнчанныхъ снѣгами и льдами горныхъ цѣпей и вершинъ Кавказа, какъ бы почтительно тѣснящихся предъ нимъ, споконъ вѣковъ производили на людей сильное впечатлѣніе, отразившееся отчасти въ тѣхъ поэтическихъ легендахъ, съ которыми окрестные народы связали имя потухшаго вулкана, потрясавшаго нѣкогда вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Казбекомъ весь Кавказъ.

Самое имя горы Эльбрусъ происходитъ, вѣроятно, отъ персидскаго слова «аль-бурсъ» („снѣжная грива“); у карачаевцевъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ «Минги-тау», что значитъ „бѣлая-гора“ (своего рода кавказскій Монъ-Бланъ); живущіе ближе къ Черному морю абхазцы, которые имѣютъ возможность любоваться имъ съ нѣкотораго отдаленія, когда рѣзче выступаетъ его царственный обликъ, даютъ ему имя «Орфи-итубъ», т. е. „мѣстопребываніе счастливыхъ“; черкесы Кубанской области называютъ его „Нашъ-гомахо“ (священная высота), а тюркіе народы именуютъ его „царемъ духовъ“ („Джинъ-падишахъ“).

Упирающіяся въ лазурное небо величавыя главы, закованныя въ броню льдовъ и снѣговъ, и грозныя явленія природы, ближайшей ареной которыхъ такъ или иначе является Эльбрусъ, породили и укрѣпили въ первобытныхъ умахъ наивную вѣру въ сверхъестественныя силы его. Разыгравшаяся человѣческая фантазія, подавленная величьемъ, готова видѣть въ немъ самомъ нѣчто священное, божественное, не доступное бѣднымъ дѣтямъ земли. Въ причудливыхъ сочетаньяхъ облаковъ, подлѣ залитыхъ волшебно блестящими лучами солнца вершинъ, ей рисуются расплывчатые образы духовъ

окружающихъ своего державнаго повелителя и ниспосылающихъ людямъ то благословенный покой и безмятежное счастье, то ужасы полнаго разоренія.

По сказаніямъ христіанскихъ народовъ Кавказа, именно на вершинѣ Эльбруса остановился первоначально Ноевъ ковчегъ; но суровый старецъ наклонилъ свою сѣдую голову, ковчегъ соскользнулъ обратно въ волны бушующаго моря и поплылъ къ Арарату, а Ной въ гнѣвѣ проклялъ негостепріимную вершину, и она съ той поры раскололась на двое. Легенда вольнолюбивыхъ абхазцевъ повѣствуютъ о томъ, что въ нѣдрахъ горы заключенъ человѣкъ величаваго духа, богатырь красоты неземной, страстно жаждущій лучезарной свободы; но она придетъ къ нему лишь послѣ того, какъ исчезнетъ съ лица земли современный грѣховный человѣческій родъ, и тогда на него, выстрадавшаго свободу вѣками томительныхъ исканій и мукъ, будетъ возложена великая миссія—населить міръ болѣе совершенными и счастливыми существами. И когда любопытный путникъ слишкомъ близко подойдетъ къ величавой горѣ, его чуткое ухо можетъ услышать долетающій черезъ разсѣлины скалъ звонъ цѣпей таинственнаго плѣнника. А на самой вершинѣ горы, какъ на тянь-шаньскомъ Ханъ-Тенгри, сидитъ божественная вѣщая птица Симуръ, устремивъ одинъ глазъ въ далекое прошлое, а другой въ туманное будущее. Когда она ударятъ крылами, начинаетъ вокругъ бушевать буря подъ дикій свистъ вѣтровъ; стоитъ ей пошевельнуться,—земля приходитъ въ дрожаніе; при ужасно пронзительномъ крикѣ ея замолкаютъ всѣ твари земныя и горныя цѣпи окутываются густой пеленой облаковъ; но если она вздумаетъ запѣть, то чарующіе, сладкіе звуки далеко разносятся въ воздухѣ, засіяетъ солнце на лазоревомъ небосводѣ и высоты снѣжныхъ хребтовъ засверкаютъ расплавленнымъ золотомъ. По другимъ народнымъ преданьямъ, вблизи вершинъ Эльбруса есть озера и источники, ихъ вода способна надѣлить человѣка чудодѣйственной силой. Но добраться туда можетъ только тотъ, кому духи желаютъ добра; въ противномъ случаѣ отважнаго, настойчиваго смѣльчака ждетъ неминуемая гибель среди необозримыхъ снѣжныхъ полей; и какъ-бы желая предостеречь неопытныхъ безумцевъ отъ слишкомъ рискованнаго шага, незримые творцы легендъ провозгласили всякую попытку проникнуть въ священный заоблачный край оскорбительной для населяющихъ его духовъ, имѣющихъ огромное вліяніе на судьбу простыхъ смертныхъ.

Трудно было заразъ втащить наверхъ весь нашъ багажъ, и пока Лысенковъ съ казаками спускался обратно къ пещерѣ за остальными, каждый изъ насъ постарался найти себѣ какое-нибудь занятіе. Одни избрали благую часть и прилегли вздремнуть на солнечномъ припекѣ (въ тѣни термометръ послѣ полудня показывалъ всего лишь 10^{0} С. тепла); другіе воспользовались случаемъ, чтобы пополнить съ помощью Бачая свой скромный запасъ татарскихъ словъ и выраженій; третьи, наконецъ, принялись фотографировать. Самъ Бачай очень охотно дѣлился съ нами своими воспоминаніями о переходахъ въ Карачай и Сванетію по тропамъ черезъ перевалы Донгузъ-Орунъ, Чиперъ-Азау и Хотю-тау, о восхожденіяхъ на Эльбрусъ, въ которыхъ ему приходилось принимать то или иное участіе съ русскими и иностранными ту-

ристами, о послѣдней попыткѣ нынѣ покойнаго Пастухова достигнуть вершины въ 1898 году, когда хлынула горломъ кровь у нашего знаменитаго путешественника еще до достиженія имъ сѣдловины, и казаки бережно въ буркѣ снесли его внизъ на рукахъ, о какомъ-то венгерскомъ графѣ, пріѣзжавшемъ спеціально поохотиться въ окрестностяхъ Эльбруса.

Среди урусбіевцевъ не мало хорошихъ и страстныхъ охотниковъ; только ружья у нихъ въ большинствѣ случаевъ очень старой конструкціи, и пресловутыя одностволки, заряжающіяся прямо съ дула, причиняютъ имъ въ разгаръ охоты не мало непріятностей. Изъ крупныхъ звѣрей еще не перевелись въ лѣсахъ верховьевъ Баксана волки, лисицы, медвѣди, дикія козы и красавцы туры, которыхъ черкесы не безъ основанья прозвали умнѣйшими изъ животныхъ за ихъ необыкновенную остроту чувствъ и сообразительность; изъ птицъ можно встрѣтить въ этихъ мѣстахъ горныхъ индѣекъ, скалистыхъ голубей, кавказскаго тетерева, грифовъ, альпійскихъ галокъ, горныхъ овсянокъ, лѣсныхъ и альпійскихъ завирушекъ. И хотя надъ нашимъ бивакомъ кружилось только нѣсколько крошечныхъ мухъ и маленькихъ дикихъ пчелокъ, да два-три бѣлогрудыхъ грифа парили надъ верховьями Ирикскихъ ледниковъ, однако разсказы Бачая такъ воспламенили нашего молодого карачаевца, что онъ наотрѣзъ отказался дальше слѣдовать за нами, не захотѣлъ даже дождаться чаю, и выпросивъ у насъ одинъ изъ биноклей до нашего возвращенія на Качкаровскій кошъ, поспѣшно удалился съ одностволкой за плечами по направленію къ скаламъ, возвышающимся надъ Терскольскимъ глетчеромъ, гдѣ утромъ мелькнули, точно во снѣ, граціозные, столь милые сердцу кавказскаго охотника, туры.

Между тѣмъ подошли казаки. Общими силами мы расчистили небольшую площадку нѣсколько ниже вершиннаго пика, возвели вокругъ нея довольно высокую каменную стѣнку съ юга, востока и сѣвера, гдѣ не было природной защиты отъ вѣтра, усыпали неровности пола мелкимъ лавовымъ щебнемъ, постлали войлочную кошму, развѣсили бурки и вскорѣ получился уютный уголокъ, которому мы тутъ же дали названіе „Пріютъ надежды“. Здѣсь намъ и предстояло перебыть остатокъ дня, отдохнуть до полуночи, чтобы потомъ, при свѣтѣ пошедшей послѣ полнолунія на ущербъ луны, выступить въ далекій путь, гдѣ насъ могли ожидать всякія случайности, быть-можетъ, минуты высочайшаго эстетическаго наслажденія или, напротивъ, тяжелаго разочарованія и грозной опасности.

Все сильнѣе начиналъ дуть юго-западный вѣтеръ. Одинокія облачка, что плыли по-утру по ущельямъ, поднялись высоко, сгустились въ сплошныя массы, подобрались къ вершинамъ окрестныхъ хребтовъ и на время какъ-бы застыли, нависнувъ надъ стремнинами; но вотъ показалось одно, другое изъза западной вершины Эльбруса, нѣкоторыя надвинулись со стороны Ирика на склоны восточной, заколыхавши остальныя, и къ двумъ часамъ дня позлащенныя солнцемъ въ своихъ причудливыхъ очертаньяхъ они окаймляли уже сплошнымъ кольцомъ область фирновыхъ полей съ затерявшейся группой дерзновенныхъ пришельцевъ. Только кое-гдѣ мелькали отдѣльныя вершины,

точно скалистые одинокіе острова, разбросанные посреди волнующагося моря облаковъ. Надъ Терскольскимъ пикомъ ярко сіяло солнце въ темной синевѣ небесъ; испытующе-строго смотрѣли на насъ безстрастно холодныя громады Эльбруса; точно заколдованный кругъ отрѣзалъ намъ всѣ пути къ отступленію, а открытой оставалась только одна дорога, и вела она на грудь сѣдого великана.

У подножія пріютившаго насъ лавоваго кряжа, съ западной стороны его, весело журчалъ ледниковый ручей, исчезавшій въ ближайшихъ разсѣлинахъ, чтобы выйти потомъ наружу гдѣ-нибудь далеко ниже мѣста своихъ истоковъ, среди хаотически нагроможденныхъ скалъ, по которымъ пришлось пробираться намъ утромъ. Видимо черныя, глянцевитыя съ поверхности андезитовыя глыбы успѣвали всей своей массой сконцентрировать довольно значительные запасы тепловой энергіи, щедро изливаемой лучами солнца въ сильно разрѣженной атмосферѣ этихъ мѣстъ, и она-то обусловливала усиленное таяніе прилегающихъ частей фирноваго покрова и образованіе небольшого окаймляющаго рва до одного метра глубиной и до $^1/_2$ метра шириной, на днѣ котораго собирались въ общемъ руслѣ талыя воды у подножья голубоватаго въ своихъ нижнихъ частяхъ берегового борта фирноваго слоя, постепенно переходящаго въ мутноватый ледъ.

Присутствіе готовой воды въ значительной степени облегчало намъ приготовленіе на керосинкахъ горячаго чаю и какао, которое приходилось, разумѣется, пить безъ молока съ одними бисквитами. Необычная обстановка бивака, новизна впечатлѣній, глубоко западающихъ въ душу, наконецъ, невольныя мысли о предстоящемъ на утро пути,—все это какъ-то смягчало обычную притязательность даже самыхъ требовательныхъ изъ насъ, и они съ болѣе легкимъ сердцемъ отнеслись на этотъ разъ къ недостаткамъ хозяйственной стороны нашей экскурсіи. Казалось, что намъ удалось, наконецъ, найти тотъ общій языкъ, потребность въ которомъ такъ настоятельно ощущается, когда берутся за большое дѣло люди, еще слишкомъ мало знающіе другъ друга и, быть можетъ, имѣющіе совсѣмъ не много общаго между собою. По крайней мѣрѣ всѣ мы очень сердечно чокнулись другъ съ другомъ и отъ души выпили кахетинскаго вина за общій успѣхъ задуманнаго предпріятія. Бачай загадочно улыбнулся, но со своей стороны тоже пожелалъ намъ всякихъ благъ и, закончивъ призывомъ благословенія Аллаха на своемъ родномъ языкѣ, осушилъ до дна поданную ему рюмку коньяку (пить вино онъ не соглашался, равно какъ и брать хлѣбъ, отрѣзанный тѣмъ ножемъ, который мы употребляли для колбасъ).

Солнце продолжало согрѣвать насъ; термометръ въ тѣни въ 3 часа дня показывалъ около 14° С. тепла, но потомъ температура начала медленно понижаться. Многіе, разостлавъ бурки на освѣщенныхъ солнцемъ склонахъ кряжа, прилегли отдохнуть, не теряя напрасно золотого времени. Казаки принялись приводить въ порядокъ нашъ пріютъ и приготовлять все къ ночлегу; они устроили надъ нимъ изъ палатки навѣсъ, на случай непогоды, размѣстили вдоль стѣнки фотографическіе аппараты и мѣшки съ провизіей, чтобы не

такъ задувало въ щели, разложили подушки. П. Г. Лысенковъ ходилъ серьезно-озабоченный; онъ по нѣсколько разъ перемѣривалъ и пробовалъ на прочность захваченную изъ дому двадцати-метровую веревку, столь далекую по своимъ достоинствамъ отъ настоящей альпійской, легкой и необыкновенно крѣпкой; перекладывалъ изготовленныя имъ самимъ въ количествѣ трехъ десятковъ узкія, въ метръ длиною, шелевочныя вѣшки съ бѣлыми нумерами на зачерненныхъ верхнихъ концахъ, которыя по его мысли слѣдовало-бы вбивать во время пути во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ и поворотныхъ пунктахъ, чтобы облегчить возвращеніе назадъ къ Терскольскому пику при спускѣ съ вершины; подбиралъ ремни къ кошкамъ (стальныя пластинки съ шипами, прикрѣпляющіяся къ подошвѣ обуви, чтобы лучше держаться на обледенѣлыхъ поверхностяхъ фирна и на крутыхъ подъемахъ); пересчитывалъ имѣющіяся въ наличности дымчатыя очки; отбиралъ необходимыя медикаменты (гофманскія и эфирно-валерьяновыя капли, капли Иноземцева, нашатырный спиртъ). Покончивъ со всѣмъ этимъ, онъ отозвалъ меня въ сторону и посовѣтовалъ схоронить гдѣ-нибудь въ потайномъ мѣстѣ бывшія при мнѣ экскурсіонныя деньги и дѣловыя бумаги, не скрывая, что побаивается, какъ бы ушедшій такъ внезапно молодой карачаевецъ не вернулся въ наше отсутствіе на покинутый безъ всякаго призора бивакъ. Мы спустились съ нимъ вдоль кряжа къ верховьямъ Терскольскаго глетчера и тамъ на днѣ оригинальнаго лавоваго грота, куда только чуть-чуть долетали голоса работавшихъ надъ нашими головами казаковъ, спрятали все, о чемъ просилъ Лысенковъ, почему-то не допускавшій мысли, чтобы мы оба вмѣстѣ могли не вернуться сюда больше живыми, найдя преждевременный вѣчный покой вмѣстѣ со своею тайной среди холодныхъ и безмолвныхъ эльбрусскихъ льдовъ и снѣговъ.

Къ пяти часамъ вечера чайники вновь закипѣли на нашихъ походныхъ керосинкахъ; но въ концѣ-концовъ одна изъ двухъ выбыла изъ строя, такъ какъ казакъ неосторожно пролилъ керосинъ, пламя охватило всю керосинку и, когда его удалось потушить, существенныя части оказались распаявшимися. Былъ объявленъ послѣдній привалъ; всѣмъ затѣмъ было предложено переодѣться во все теплое и вообще привести себя въ такой видъ, чтобы при выступленіи въ полуночный часъ съ этой стороны не было никакой задержки; каждый получилъ себѣ на дорогу по $^1/_4$ фунта шеколаду, по коробочкѣ мятныхъ лепешекъ и по десятку плитокъ сахару для облегченія выдѣленія слюны, если будетъ испытываться сухость во рту, и по два яблока; а къ шести часамъ вечера все стихло на нашемъ бивакѣ, хотя солнце еще не успѣло зайти за снѣговые валы Хотю-тау и озаряло своими прощальными лучами вершину Терскольскаго пика, гдѣ незадолго передъ тѣмъ я подвѣсилъ въ разсѣлинѣ между скалами въ горизонтальномъ положеніи простой термометръ „maximum-minimum“, прикрывъ разсѣлину сверху тяжелымъ камнемъ и оставивъ въ направленіи съ запада на востокъ съ обѣихъ сторонъ достаточный проходъ для свободнаго притока и обмѣна воздуха.

Самому мнѣ какъ-то не спалось, хотя весь день, почти не присѣдая, провелъ на ногахъ и ясно сознавалъ, что отдыхъ мнѣ крайне необходимъ

послѣ перенесенныхъ за послѣдніе дни трудовъ и волненій. Мрачныя мысли отгоняли мой сонъ, и вожделенный покой былъ слишкомъ далекъ отъ меня. Большинство моихъ спутниковъ не только не переоцѣнивали трудностей восхожденія, но скорѣе не дооцѣнивали ихъ и не давали себѣ достаточно яснаго отчета въ серьезности предпринимаемаго шага. Не у каждаго были башлыкъ или по крайней мѣрѣ теплая шапка; захваченныхъ кошекъ и сколько-нибудь подходящихъ палокъ было, очевидно, тоже далеко не достаточно, если всѣ пожелали бы совершить восхожденіе, а въ противномъ приходилось усумниться, такъ какъ пока никто не жаловался на слабость и не испытывалъ какихъ-либо болѣзненныхъ ощущеній отъ разрѣженности воздуха; такимъ образомъ съ несомнѣнностью выяснялась печальная необходимость кому-нибудь итти не въ достаточной степени обезпеченнымъ даже самымъ необходимымъ, не говоря уже о такихъ вещахъ, какъ подбитая шипами спеціальная обувь или настоящій альпійскій ледорубъ, каковыми располагали очень немногіе изъ насъ; наконецъ никто не могъ-бы поручиться за благопріятную погоду на будущій день, когда съ вечера все говорило скорѣе въ пользу вѣроятной непогоды, а между тѣмъ, хорошая погода является едва-ли не самымъ главнымъ условіемъ удачнаго исхода восхожденія. Вѣдь, насколько извѣстно изъ литературы, только одному человѣку посчастливилось пробыть на вершинѣ Эльбруса цѣлыхъ три часа при ясной и сравнительно тихой погодѣ; этимъ счастливцемъ былъ нашъ извѣстный соотечественникъ, военный топографъ Пастуховъ, когда онъ, первый изъ русскихъ, достигъ западной вершины Эльбруса 31-го іюля 1890 г. въ 9 ч. 20 мин. утра. Но не слѣдуетъ забывать, что онъ вынужденъ былъ непогодой передъ тѣмъ провести послѣдовательно двѣ ночи, послѣ своего выступленія съ Терскольскаго пика, на снѣгахъ Эльбруса: одну—на высотѣ 5057 метровъ, что превышаетъ высоту Казбека, (5044 м.), а другую на сѣдловинѣ между вершинами Эльбруса (5320 м.), т. е. на 122 метра выше Дыхъ-тау (5198 м.), самой высокой послѣ Эльбруса горы на Кавказѣ; но кромѣ того, на обратномъ пути его опять-таки настигла вьюга, заставившая его и третью ночь провести на страшной высотѣ,—хорошо еще что при немъ было кому тащить наверхъ не только всю теплую одежду, но въ добавокъ еще и пѣлую керосиновую печку. Всѣхъ остальныхъ, побывавшихъ на вершинахъ Эльбруса, наверху встрѣчали или сплошной облачный покровъ, сквозь который немного можно было увидать (Фрешвильдъ, Муръ, Теккеръ на восточной вершинѣ $^{19}/_{31}$ іюля 1868 г., поднимались по ущелью Терскольскаго глетчера и далѣе по южнымъ склонамъ Эльбруса. Пастуховъ 28 августа 1896 года,—сначала по ущелью Азау, потомъ по котловинѣ Малаго Гарабаши и далѣе мимо Терскольскаго пика), или вьюга со снѣгомъ, позволявшая пробыть тамъ не болѣе 15 минутъ по единодушному свидѣтельству участниковъ такихъ восхожденій (первые европейцы-англичане, достигшіе западной вершины Эльбруса, Грове, Уоккеръ и Гардинеръ $^{16}/_{28}$ іюля 1874 г., шли по ущелью Азаускаго глетчера до его верховьевъ, надъ которыми высится кругозоръ имени Р. Р. Лейцингера съ пріютомъ Кавказскаго Горнаго Общества, и дальше по

южнымъ склонамъ Эльбруса, той-же вершины достигли венгерецъ Морисъ Деши съ урусбіевцемъ Мулаемъ $^{8}/_{20}$ августа 1884 г.,—путь Фрешвильда; въ 1889 г. итальянецъ Селла,—путь Фрешвильда, и англичанинъ Уоллей, поднимавшійся къ сѣдловинѣ со стороны верховьевъ Киртыкъ-су; въ августѣ 1890 г., спустя нѣсколько дней послѣ Пастухова, извѣстный нѣмецкій путешественникъ Мерцбахеръ съ Пурчеллеромъ,—путь Фрешвильда; 12 августа 1903 г. Пфанъ и Дистель,—путь Фрешвильда). Правда, намъ нечего было далеко ходить за примѣрами: здѣсь на лицо былъ самъ П. Г. Лысенковъ, мой спутникъ по восхожденію 1907 года, первый изъ русскихъ людей ступившихъ на восточную вершину Эльбруса, не видавшую на себѣ вообще послѣ Фрешвильда и его спутниковъ человѣка въ продолженіи почти сорока лѣтъ; какъ въ свое время Пастухова встрѣтила радушно западная вершина, такъ довольно привѣтливо встрѣтила ясной, хотя и морозной погодой Лысенкова восточная вершина въ 4 часа дня (Пятигорское время) 6-го августа 1907 года, когда онъ пробылъ на ней около 50 минутъ съ осетиномъ Хаджумаромъ Хабліевымъ и водрузилъ на память свой ледорубъ въ полуторааршинномъ лавовомъ турѣ. Подобно Пастухову при его восхожденіи 1890 года, мы въ 1907 году шли нѣсколько инымъ путемъ, а именно, миновавъ сосновую рощицу, что надъ Терскольскимъ кошемъ, мы тотчасъ же повернули на сѣверъ, поднялись по крутому луговому склону и лавовымъ осыпямъ къ самому возвышенному гребню Терскольско-Азаускаго кряжа и дальше, вплоть до котловины съ озерцами шли по самому гребню, сложенному изъ андезитовыхъ глыбъ, мѣстами сильно вывѣтрѣнныхъ, пріобрѣвшихъ розоватую окраску съ поверхности, а въ одномъ мѣстѣ образующихъ двѣ живописныя арки въ родѣ извѣстнаго «Кольца-горы» въ окрестностяхъ Кисловодска. Но восхожденіе 1907 года было тѣсно связано съ памятной всѣмъ участникамъ его преображенской ночью, пережить которую едва-ли кто-нибудь согласился-бы добровольно, несмотря на все ея грозное великолѣпіе.

Такъ въ чуткой дремотѣ пролежалъ я, забравшись въ свой походный мѣшокъ до полуночи, когда меня тихонько окликнулъ Петръ Гавриловичъ, уже успѣвшій, пока всѣ спали, вскипятить воду, чтобы попоить насъ на дорогу горячимъ чаемъ и какао и наполнить крѣпкимъ кофе фляги. Я осторожно выбрался изъ теплой постели. Термометръ показывалъ только 1° С. мороза, такъ что ручей продолжалъ себѣ тихо журчать подлѣ скалъ. Туманъ молочной пеленой окутывалъ ближайшія ущелья и хребты, а облака сгустились въ темныя тучи, изъ-за которыхъ совсѣмъ не было видно желанной луны, и только кое-гдѣ тускло мерцали отдѣльныя звѣзды.

Скрѣпя сердце, мы принялись будить товарищей. Невеселыя картины предстали предъ ихъ заспанными взорами, и они съ тревогой обращались ко мнѣ за совѣтомъ. Я самъ себѣ не давалъ толкомъ отчета въ своихъ словахъ; но ихъ я увѣрялъ, что все еще прояснится, проглянетъ луна и засіяетъ еще ярко солнце. Вѣроятно, слишкомъ много непоколебимой убѣжденности было въ тѣ минуты въ моемъ тонѣ; по крайней мѣрѣ остаться въ

„Пріютѣ Надежды“ рѣшился одинъ только И. И. Медвѣдковъ,*) а всѣ остальные подошли разбирать очередные бутерброды и чашки и наскоро доканчивали свое дорожное снаряженіе. Всѣ выстроились въ рядъ. Лысенковъ каждому закрѣпилъ вокругъ пояса петлю, оставляя сложенные интервалы; впереди себя онъ поставилъ Бочая, въ концѣ цѣпи помѣстилъ казаковъ. Ровно въ часъ ночи раздалась команда: «съ Богомъ!»,—и мы длинной вереницей изъ десяти человѣкъ спустились со скалъ на твердый покровъ фирновыхъ полей. Вздохъ облегченья вырвался изъ моей груди. Сквозь прорывающуюся пелену облаковъ проглянули невозмутимо-холодныя величавыя вершины Эльбруса, упираясь въ совершенно чистое темно-синее звѣздное небо. Я машинально двигался въ общей цѣпи... Въ глазахъ темнѣло, кровь стучала въ вискахъ, а бурной ночи мгла и угрожала, и ласкала, и опьяняла, и звала!..

ГЛАВА X.

По фирновымъ полямъ.—Вынужденная остановка.—Сердце-ли виновато?—Свидѣтели былой борьбы.—При лунномъ сіяніи.—Путеводный слѣдъ.—Въ лучахъ разгорающейся зари.—Чудное видѣніе.—Восходъ солнца.—На утреннемъ смотру.—Жизнь и смерть.—Рѣдѣющіе ряды.—«Пріютъ Пастухова».—На конусѣ восточной вершины.—Улыбка моря.— Поколѣно въ снѣгу.—Приступы горной болѣзни.—Первый сраженный.—Со слабѣющими силами.—Цѣпь разомкнулась.—На сѣдловинѣ Эльбруса.—Чудодѣйственная влага.—Призраки прошлаго.—«Со щитомъ, или на щитѣ!»—По прорубленнымъ ступенямъ.—Княжеское слово.—На завѣтной вершинѣ.—Воронка кратера.—Причудливая скала.—Памятка Пастухова.—Фигуры выдуванья.—Температура и давленіе.—Во всѣ стороны свѣта бѣлаго.—Восточная вершина.—Ледорубъ Лысенкова.—На память грядущему.—Во власти мечты.

Вначалѣ подъемъ былъ совсѣмъ незначительный, и мы довольно быстро подвигались впередъ въ сѣверо-западномъ направленіи сперва по крѣпкому, смерзшемуся фирну, а потомъ по почти свободной отъ него мелко-щебневой поверхности слабо выраженной не широкой терраскѣ, къ которой продвигался со стороны верховьевъ Малаго Гарабаши узкій конецъ небольшого лавоваго кряжика. За нимъ виднѣлись при свѣтѣ пробивавшейся изъ-за облаковъ луны довольно большія и широкія трещины, и чтобы обойти ихъ, нужно было взять немного вправо, пересѣчь небольшую ложбинку, а затѣмъ забраться на сосѣднюю террасу, на крутыхъ склонахъ которой только кое-гдѣ изъ-подъ фирноваго покрова проглядывали небольшіе участки мелкаго лавоваго щебня.

*) И. И. Медвѣдковъ, отправляясь въ экскурсію, имѣлъ въ виду не восхожденіе на вершину Эльбруса, а наблюденіе за восхожденіемъ. *(Примѣч. ред.)*

Шедшій впереди всѣхъ Бачай тщательно ощупывалъ прочность снѣговаго покрова своей длинной палкой, пристально всматриваясь въ самый цвѣтъ его, и мы нѣсколько разъ обращали вниманіе на то, что пересѣкали замаскированныя сравнительно свѣжимъ слежавшимся снѣгомъ трещины; въ такихъ мѣстахъ палка безъ труда глубоко проникала въ плотную массу, отличавшуюся своей бѣлизной отъ нѣсколько сѣроватыхъ тоновъ окружающаго стараго фирна, и мы осторожно перебирались по нимъ, пропустивъ сначала каждый впереди идущаго на весь интервалъ веревки и подождавъ, пока приблизится достаточно идущій позади. Такъ мы успѣли за полчаса пройти съ полторы версты, и тутъ только хватились нашихъ вѣшекъ, забытыхъ подлѣ Терскольскаго пика. Волей-неволей нужно было остановиться и подождать, пока за ними сбѣгаетъ казакъ. Правда, термометръ показывалъ только 1^0 С. мороза, но болѣе чѣмъ получасовое вынужденное стояніе на одномъ мѣстѣ замѣтно давало себя чувствовать. Наконецъ казакъ принесъ вѣхи, и мы тронулись дальше, немного замедливъ шагъ и разставляя вѣхи по пути. Показался ли слишкомъ заманчивымъ ходившему за вѣхами казаку теплый уголокъ „Пріюта надежды“, или такъ сильно подѣйствовалъ на него видъ запутаннаго лабиринта зіяющихъ безднъ, но только онъ сталъ просить отпустить его назадъ, жалуясь на сердце и, получивъ разрѣшеніе, быстро удалился, а нашъ уменьшившійся такъ рано караванъ, направился, вслѣдъ по краю террасы (3674 метра), на WNW къ чернѣвшей вдали группѣ лавовыхъ скалъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что не всегда снѣжный саванъ одѣвалъ эти высоты, нагроможденныя могучими подземными силами въ періодъ ихъ бурной дѣятельности, въ значительной мѣрѣ намѣтившей всѣ основныя черты современной географіи Кавказа.

Небо надъ нами совершенно очистилось отъ облаковъ. Полная луна задумчиво сіяла надъ серебристой гладью фирновыхъ полей. Черныя тучи нависли надъ окрестными глубокими ущельями, и контура гребней горныхъ хребтовъ рѣзко обрисовывались среди обступившихъ ихъ, словно застывшихъ въ оцѣпенѣньи облаковъ. Я слишкомъ поддался обаянью чудной ночи, переносившей мысли на далекій сѣверъ, и не успѣлъ опомниться, какъ оказался колѣнопреклоненнымъ предъ ея величавой красотой: моя лѣвая нога глубоко, выше колѣна погрузилась въ толщу снѣга, замаскировавшую собою суженную въ этомъ мѣстѣ трещину, черезъ которую благополучно перебрались мои передніе товарищи. Веревка, соединявшая всѣхъ насъ, сильно натянулась, и спутникамъ моимъ пришлось на нѣсколько минутъ остановиться, пока я, продолжая держать въ лѣвой рукѣ десятифунтовую баклагу съ часмъ, старался выбраться на твердый фирнъ, провожая прощальнымъ взоромъ положенную на его поверхность бывшую въ правой рукѣ у меня рогатку-трость одного изъ членовъ нашей компаніи: она покатилась по уклону и быстро скрылась въ зіяющей пасти разверзстой, метрахъ въ двадцати отъ насъ, безднѣ, достигавшей трехъ метровъ въ ширину и уходившей вдаль къ верховьямъ Гарабашскихъ глетчеровъ.

Къ тремъ часамъ мы были уже за предѣлами области распространенія трещинъ у манившей насъ издали группы скалъ (3850 метр.), одной изъ тѣхъ, что выступаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ среди снѣжной пустыни на явственно обозначающейся ребровой линіи пирамидальнаго основанія восточной шапки Эльбруса надъ обширной областью питанья Азаускаго глетчера.

«Туръ! туръ!»—закричалъ вдругъ Бачай. Всѣ невольно насторожились. Оказалось, что нашъ передовой натолкнулся на довольно свѣжій слѣдъ тура, убѣгавшій вдаль между двухъ группъ лавовыхъ скалъ, почти прямо вверхъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, параллельно ребровой линіи по довольно крутому, мѣстами полуобледенѣлому, склону.

Этимъ былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, куда держать ближайшій путь, и минутъ черезъ двадцать намъ удалось добраться до новой группы скалъ, среди которыхъ пролегалъ путеводный турій слѣдъ. Мѣсто представляло собою довольно обширное плато (4100 метр.), обрамленное почти полукруглою пограничною линіею; оно казалось красивымъ бельведеромъ, болѣе или менѣе пологіе склоны вели къ расположенной значительно ниже (3500 метр.), равниной, вытянутой съ востока на западъ, съ выступающими на ней отдѣльными небольшими грядками лавовыхъ нагроможденій площадкѣ, примыкавшей съ юго-запада къ верховьямъ Большого Гарабаши, а съ сѣвера и сѣверо-востока къ верховьямъ Малаго и Большого Азау.

Наше очень пологое плато упиралось своимъ сѣвернымъ краемъ въ крутой фирновый склонъ, ведущій уже безъ значительныхъ измѣненій къ вершинамъ Эльбруса. Наши силы были еще достаточно свѣжи; Бачай шелъ впереди строго размѣреннымъ, легкимъ, далеко не медленнымъ шагомъ, и, несмотря на замѣтно увеличившуюся крутизну подъема и нѣсколько затруднявшую движеніе полуледяную кору, которая покрывала фирны, мы продолжали довольно успѣшно подвигаться впередъ, не прибѣгая пока что къ помощи кошекъ и только мѣстами сворачивая немного въ сторону, чтобы сдѣлать тотъ или иной незначительный зигзагъ.

Начинало свѣтать. Термометръ показывалъ около 6° ниже нуля по Цельсію. На далекомъ востокѣ, на синевато-сѣромъ фонѣ предразсвѣтныхъ сумерекъ, надъ безконечной вереницей горныхъ хребтовъ, потянулась нѣжная пурпурная полоска; она становилась все шире и шире, постепенно переходя въ пурпурно-красный, розовый, розовато-желтый и зеленовато-желтый тона. Звѣзды быстро меркли одна за другой. Только надъ мощнымъ лавовымъ валомъ, что спускается отъ восточной вершины Эльбруса, точно вспыхнуло что-то, а черезъ нѣсколько мгновеній вслѣдъ затѣмъ засверкала предъ нами во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ красавица Венера, какъ настоящая миніатюрная луна,—настолько хорошо съ этихъ высотъ даже невооруженнымъ глазомъ можно было различить ея явственно выраженный дискъ.

Густыя тѣни все еще продолжали неподвижно лежать на обширныхъ фирновыхъ поляхъ Эльбруса, онѣ сливались въ одну сплошную пелену, и только далеко, надъ верховьями Ирикскихъ глетчеровъ рѣзко выдѣлялся мощный гребневидный выступъ, глубоко разсѣченный двумя огромными парал-

Съ фот. В. Дубянскаго.

ВОСТОЧНАЯ ВЕРШИНА И ГЛАВНАЯ ЦѢПЬ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЪ.

лельными трещинами, зловѣще зіявшими своей разверзстой пастью,—видно ужъ слишкомъ былъ крутъ скрытый отъ взоровъ скалистый порогъ.

А заря разгоралась все сильнѣе, и золотистый пурпуръ все шире и шире охватывалъ восточный край горизонта, въ то время какъ на западѣ едва намѣчалось слабое разграниченье нижняго синевато-сѣраго слоя, сливавшагося съ туманною далью, и верхняго мутновато-зеленоватаго, переходившаго въ темную синеву небосвода. Подъемъ замѣтно становился круче, и полуледяная корка фирновъ, такъ облегчавшая раньше нашъ путь, теперь представляла значительное затрудненіе. Пришлось подвязать кошки тѣмъ, кто ихъ имѣлъ, а остальнымъ—тверже ступать ногою, чтобы не такъ скользить по сильно наклонной поверхности. Большіе зигзаги, на которые оказался положительно мастеромъ нашъ Бачай, продолжавшій итти впереди легко и свободно, въ достаточной мѣрѣ ослабляли крутизну подъема, и въ общемъ мы довольно успѣшно подвигались къ виднѣвшейся вверху и казавшейся совсѣмъ близко лежащей небольшой поперечной грядкѣ лавовыхъ скалъ, дѣлая время отъ времени короткія остановки. Только тамъ, гдѣ мѣстами попадались участки настоящей ледяной коры на крутой поверхности фирновъ, приходилось значительно замедлять шаги, потому что пробираться тутъ безъ кошекъ въ обуви на обыкновенныхъ, даже не подбитыхъ гвоздями подошвахъ, было довольно затруднительно, и дѣло всякій разъ не обходилось безъ болѣе или менѣе удачнаго паденія кого-либо изъ «неподкованныхъ».

Въ $4^1/_2$ часа утра, когда восточная вершина Эльбруса окрасилась въ нѣжно-розовые тона, а мы находились приблизительно на высотѣ 4300 метровъ, на уровнѣ небольшой группы лавовыхъ скалъ, оставшихся вправо, и напрягали всѣ усилія къ тому, чтобы скорѣе добраться до такого мѣста, откуда можно было бы видѣть дискъ восходящаго солнца, наше вниманіе неожиданно остановила на себѣ западная сторона горизонта чуднымъ свѣтовымъ явленіемъ. Тамъ, въ сіяніи разгорающейся зари, въ наполненной водяными парами атмосферѣ, надъ выступавшими среди моря облаковъ горными цѣпями, въ желтовато-зеленомъ, блѣдно-фіолетовомъ самомъ нижнемъ синевато-сѣромъ воздушныхъ слояхъ, начинала все яснѣе и яснѣе проэктироваться окрашенная въ интенсивно-индиговый цвѣтъ изогнуто-выпуклая контурная линія юго-восточныхъ, повидимому, склоновъ восточной вершины Эльбруса и идущаго внизъ отъ нея, остававшагося вправо и къ востоку отъ насъ реброваго отрога, разграничивающаго въ своемъ основаніи области питанія Ирикской и Терскольской группъ, глетчеровъ. Отъ того мѣста, гдѣ контурная линія входила въ блѣдно-фіолетовый слой воздуха, въ сторону южнаго склона западной вершины, тянулась въ видѣ небольшого сегмента полоса синевато-сѣраго цвѣта, нѣсколько интенсивнѣе окрашенная, чѣмъ соотвѣтствующій воздушный слой, примыкавшій къ ней непосредственно снизу и совершенно неуловимая въ ея южной части, такъ какъ тамъ она терялась въ яркихъ тонахъ основанія индиговой контурной линіи. Мы поднялись еще немного выше. Необозримо обширный горизонтъ открылся предъ нами. Огненый шаръ солнца какъ бы выплывалъ сразу изъ пространства, далеко от-

стоявшаго отъ исчезавшей въ туманной дали поверхности земли. Онъ представлялся намъ расположеннымъ гдѣ-то нѣсколько ниже насъ вправо и сзади, а контурная линія продолжала стоять въ воздухѣ немного выше насъ и сдвинутой спереди, къ западной вершинѣ, что наводило на мысль, не является-ли столь поразившая насъ своей красотой контурная линія результатомъ преломленія солнечныхъ лучей, стоявшаго еще глубоко на востокѣ солнца, черезъ ледяной гребень отрога, какъ бы черезъ преломляющее ребро исполинской призмы, и не служитъ-ли таинственный сегментъ изображеніемъ части проэкціи самого земного шара...

Солнце поднималось вся выше и выше. Вотъ уже склоны Эльбруса сплошь залиты его лучами и золотистымъ отливомъ сверкаютъ снѣговые покровы обоихъ вершинъ; а контурный силуетъ продолжаетъ какъ-бы сопутствовать намъ понемногу блѣднѣя и постепенно отступать на западъ, скользя своимъ основаніемъ по гребнямъ и склонамъ убѣгающихъ вереницею къ морю хребтовъ. Тихо и ясно было кругомъ. Надъ разорванной пеленой облаковъ и тумановъ выступали вершинные гребни Большого Кавказа, то погруженные еще вмѣстѣ съ окрестными ущельями въ глубокую тѣнь утреннихъ сумерокъ, то слегка позлащенные чудной игрою на снѣгахъ и льдахъ шаловливыхъ лучей. Одни были уже подъ ногами у насъ, другіе на одномъ уровнѣ съ нами, и только немногія отдѣльныя вершины высились гордо надъ нами, вздымаясь какъ незыблемые престолы Вѣчности къ темно-синему своду небесъ. Дыхъ-тау (5211 м.), Коштанъ-тау (5145 м.), Шхара (5193 м.), Тетнульдъ (4852 м.), Гистола (4855 м.), столпились общей семьей на востокѣ, такъ что трудно было межъ ними опредѣлить, гдѣ собственно шелъ Главный Кавказскій хребетъ и гдѣ тянулись только мощныя отвѣтвленія его; красиво выдѣлялась Ушба, выскочившая далеко выше окружающихъ ея вершинъ на юго-востокъ; невозмутимо спокойно высились на югѣ твердыни Донгузъ-орунскаго массива; рѣзко обозначалась къ западу отъ него сильно пониженная цѣпь Главнаго Кавказскаго хребта и терялась вдали въ утренней мглѣ.

Но и здѣсь, среди величавой тишины, подъ необъятнымъ куполомъ яснаго неба не переставалъ витать роковой призракъ грозной борьбы за существованіе: на бѣлоснѣжной пеленѣ чернѣла среди остатковъ костей совершенно свѣжая головка какой-то птички съ широкимъ клювомъ (повидимому Foligula),—печальный трофей пернатаго хищника, запесшаго въ заоблачныя выси свою безпомощную жертву.... А слѣдъ гордаго, вольнолюбиваго тура продолжалъ виться прямою стрѣлою все выше и выше къ грядкѣ скалъ, выступавшей точно бельведеръ надъ крутыми склонами отвердѣвшихъ фирновъ. Казалось, до нея можно было рукою подать, а между тѣмъ разрѣженность воздуха и физическая усталость уже замѣтно давали себя чувствовать. Мы не дѣлали никакихъ приваловъ, но черезъ каждые 100—150 шаговъ приходилось останавливаться минуты на двѣ, чтобы немного собраться съ силами. Желѣзныя обоймы кошекъ тоже не мало причиняли заботъ тѣмъ, чью обувь онѣ слишкомъ плотно обхватывали, сдавливая ногу, точно въ тискахъ,

и причиняя порядочную боль. Такъ, ссылаясь на это, одинъ изъ нашихъ товарищей г. Брейтфусъ наотрѣзъ отказался слѣдовать дальше, и съ нимъ пришлось отпустить въ 6 час. утра второго казака, (Егора Лысенкова), свободно и бодро шедшаго позади насъ безъ всякихъ кошекъ съ послѣдними вѣшками. Недалеко отъ этого мѣста одинъ изъ насъ уронилъ свою палку, которая, къ счастью, не успѣла откатиться слишкомъ далеко или уклониться отъ нашего пути; туда, гдѣ чуть-чуть еще виднѣлась она, и направились теперь такъ рано покинувшіе насъ наши спутники; а мы, проводивъ ихъ немного прощальнымъ взглядомъ, двинулись впередъ и черезъ полчаса, въ двадцать минутъ седьмого, добрались, наконецъ, до давно желаннаго бельведера.

Онъ представляетъ собою небольшую, до $1^1/_2$ саж. шириной и до 10 саж. длиной, вытянутую съ запада на востокъ площадку, одиноко выступающую среди снѣжной пустыни и покрытую мелкими обломками сильно разрушенной лавовой грядки, болѣе хорошо сохранившаяся черная глыба которой обрывалась на сажень у восточной окраины, гдѣ и понынѣ стоитъ нерушимой какъ-бы особая ложа, площадью $2 \times 1^1/_2$ квадр. арш., обнесенная каменной стѣнкой въ $^3/_4$ арш. высоты. Это «Пріютъ Пастухова», въ которомъ неустрашимый русскій путешественникъ провелъ ночь съ 27 на 28 августа 1896 г.; при своемъ восхожденіи на восточную вершину Эльбруса, полузасыпанный тучами снѣжной пыли, напесенной порывистымъ юго-западнымъ вѣтромъ. Подлѣ валялась заржавѣвшая примитивная желѣзная кошка, потерянная П. Г. Лысенковымъ 6 августа 1907 года, когда онъ въ поздній вечерній часъ, окутанный густымъ туманомъ, быстро спускался съ той же восточной вершины вдвоемъ съ Хаджумаромъ Хабліевымъ.

Теперь здѣсь не было ни вьюги, ни тумана. Царственный день торжественно и величаво-спокойно вступалъ въ свои державныя права. Стояло ясное морозное утро (высота мѣста по анероиду около 4700 м., барометр. давл. 424 милиметровъ; $t = -2^0$ С.), и темно-синее безоблачное небо разстилалось надъ нашими головами. Внизъ уходила, казалось, безпредѣльная пелена фирновыхъ полей. Терскольскій пикъ скрылся совсѣмъ изъ виду: его закрывали отъ насъ лопастевидныя платообразныя расширенія фирноваго покрова, далеко выступавшія впередъ между областями питанія Ирикскихъ, Терскольскихъ, Гарабашскихъ и Азаускихъ глетчеровъ, и какъ-бы обрамлявшихъ крутизны склоновъ Эльбрусскаго массива, по которымъ мелькали въ видѣ двухъ движущихся черныхъ точекъ фигуры нашихъ отставшихъ спутниковъ.

Мы присѣли на камни только на десять минутъ, чтобы подтянуть ремни, прикрѣплявшіе кошки, вооружиться темными очками для защиты глазъ отъ ослѣпительнаго блеска снѣжной поверхности, и просто немного полюбоваться красивой картиной постепенно заливаемыхъ лучами восходящаго солнца и одѣтыхъ въ ледяные панцыри гребней Главнаго Кавказскаго хребта, рѣзко обрисовавшихся на фонѣ повисшихъ надъ горными цѣпями Закавказья дождевыхъ тучъ, порой пронизываемыхъ вспышками молніи. Восточная вер-

шина представлялась отсюда уже настоящей округло-конической шапкой съ очень крутыми склонами, по которымъ отъ темени ея спускались черными змѣйками, точно бахрома, узкія лавовыя осыпи. Слѣдъ тура уходилъ на сѣверо-западъ по склону глубокой ложбины, тянувшейся отъ самой сѣдловины Эльбруса далеко внизъ къ верховьямъ Большого Азаускаго глетчера, и терялся совершенно изъ виду, унося съ собой тайну страннаго мечтателя, избравшаго для своихъ одинокихъ странствованій такой необычный путь въ заоблачныхъ высяхъ. Мы взяли направленіе нѣсколько на сѣверо-востокъ къ той осыпи, которая спускалась ниже всѣхъ. Подъемъ шелъ по плотному, къ счастью только мѣстами обледенѣлому фирну, сверкавшему милліонами брилліантовъ подъ лучами утренняго солнца. У всѣхъ начинала ощущаться сухость во рту, но пущенныя въ ходъ мятныя лепешки и мелко наколотыя плитки сахару возстанавливали съ успѣхомъ слюноотдѣленіе, а холодный чай и вода до извѣстной степени утоляли жажду, замѣтно дававшую о себѣ знать. Путь становился все труднѣе. Приходилось дѣлать минутныя остановки черезъ каждые 50—60 шаговъ. Шедшій послѣднимъ въ цѣпи г. Гуровъ сильно ослабѣлъ, и мѣстами ему нужно было садиться на снѣгъ минутъ на пять, чтобы сколько-нибудь собраться съ силами. Остальные, пока что, крѣпились, и къ девяти часамъ утра мы добрались до намѣченнаго нижняго конца небольшой осыпи со вмерзшими въ лавовый покровъ обломками лавы, совершенно такой же, по внѣшнему виду, какую мы встрѣчали и на «Пастуховскомъ пріютѣ», и на ниже выступающихъ грядкахъ скалъ.

Съ чувствомъ глубокаго облегченья опустились мы прямо на снѣгъ, предпочитая такое ложе лавовымъ обломкамъ, около которыхъ шло слабое подтаиванье. Выставленный непосредственно на солнцѣ термометръ показывалъ около 15° С. тепла, между тѣмъ, какъ приведенный въ горизонтальное вращательное движеніе онъ начиналъ довольно быстро падать пока не остановился на температурѣ—1° С. Просвѣтлѣло на югѣ; понемногу разсѣялись густыя тучи; только обрывки ихъ съ позлащенными солнцемъ краями медленно плыли въ лазури небесъ, цѣпляясь за вырисовывшіяся постепенно очертанія Сванетскихъ вершинъ съ далекимъ Штавлеромъ во главѣ. Красавица Ужба, внушительный Донгузъ-Орунъ, Бжедухъ, Гистола, Тетнульдъ были теперь подъ ногами у насъ и не вздымали гордо надъ нами своихъ алмазныхъ вѣнцовъ. На время были забыты всѣ горечи подъ наплывомъ цѣлаго ряда новыхъ захватывающихъ, неизвѣданныхъ раньше впечатлѣній и ощущеній. Говоръ смолкъ. Каждый какъ-бы ушелъ въ себя, не будучи въ состояніи оторваться отъ чудной картины, какую представлялъ въ этотъ ранній часъ величавый Кавказъ. Его снѣговыя вершины, озаренныя лучами утренняго солнца, казались одна причудливѣй другой, и только немногія изъ нихъ могли еще соперничать по высотѣ (барометр. давленіе 406 миллиметровъ; высота мѣста около 5050 метровъ) съ тѣмъ мѣстомъ на груди сѣдого великана, гдѣ находилась въ тѣ незабвенныя для насъ мгновенья горсть людей, какъ бы отрѣзанныхъ отъ обитаемаго міра густой пеленой облаковъ. Они клубились надъ вереницей горныхъ цѣпей, уходившихъ на западъ отъ насъ, и тамъ,

далеко, далеко, черезъ углубленія въ ихъ быстро мѣняющихся фантастическихъ контурахъ отливала сталью на солнцѣ синева Чернаго моря. Въ сильный Цейсовскій съ призмами бинокль можно было ясно различать характерныя очертанія Сухумскаго залива, и радостный крикъ вырвался у всѣхъ насъ изъ груди, когда на водной глади показались два судна, удалявшіяся къ югу,—одно поменьше, какъ бы тащившее за собою на буксирѣ первое.

Тамъ, за полтораста верстъ отъ насъ, если считать по прямой линіи, подъ ясной лазурью неба кипѣла жизнь, а здѣсь царила величавая тишина на необъятномъ просторѣ снѣжныхъ полянъ, и не было ни единаго живого существа, хотя бы стоящаго на самой низкой ступени животнаго и растительнаго царствъ, кромѣ горсти дерзновенныхъ смѣльчаковъ, которымъ ликующая земля кокетливо посылала свою обворожительную улыбку, какъ бы пытаясь сломить ихъ, быть можетъ, безсознательное, но и въ самой безсознательности могучее стремленіе къ чему-то великому, необъятному, безконечно дорогому и близкому чуткой душѣ, утомленной несмолкаемымъ шумомъ мірской суеты.

Къ намъ какъ будто вернулись и прежняя бодрость, и силы, и мы снялись съ привала, полные самыхъ радужныхъ надеждъ и непоколебимой рѣшимости достигнуть завѣтной вершины, откуда долженъ былъ открыться видъ на весь Кавказскій край, широко раскинувшійся отъ моря до моря. Дальнѣйшій путь на сѣдловину между двумя вершинами Эльбруса лежалъ по не успѣвшему еще обратиться въ настоящій фирнъ новѣйшему снѣговому покрову юго-западнаго склона конуса восточной вершины, то достаточно уплотненному, то проваливавшемуся подъ ногами, которыя погружались въ такихъ случаяхъ довольно глубоко въ рыхлую массу. Судя по тому, что на этой высотѣ даже въ ясный полдень теплаго лѣтняго мѣсяца, какъ было наблюдено мною 6-го августа 1907 года, температура была ниже нуля, можно предположить, что высота въ 5000 метровъ является какъ бы предѣломъ распространенія фирна на южныхъ склонахъ Эльбруса, вслѣдствіе отсутствія явленія подтаиванья въ широкихъ размѣрахъ на участкахъ, не находящихся въ непосредственной близости съ выступающими лавовыми обнаженіями, сильно насыщающихъ за день солнечную теплоту.

Теперь мы держались сѣверо-западнаго направленія, пересѣкая многочисленными зигзагами очень крутую покатость. Разрѣженность воздуха дѣлалась все чувствительнѣе; сильнѣй и сильнѣй пригрѣвало солнышко; кожа на лицѣ начинала темнѣть, болѣзненно стягиваться и становиться сухой; донимала жажда. Всѣ жаловались на головную боль, сопровождаемую характернымъ шумомъ въ ушахъ, вѣроятно отъ сильнаго прилива крови къ головнымъ покровамъ, и сильнымъ стукомъ въ вискахъ; у нѣкоторыхъ появились желудочныя рѣзи и тошнота, замѣтно уменьшавшаяся при остановкахъ, которыя мы вынуждены были дѣлать уже черезъ каждые 35—40 шаговъ, и возобновлявшаяся съ новой силой, какъ только мы трогались съ мѣста. Особенно плохо чувствовалъ себя г. Гуровъ; онъ, правда, не жаловался на

тощноту, но всѣ остальные признаки горной болѣзни у него выражались значительно рѣзче, чѣмъ у другихъ и мы не безъ тревоги посматривали на его лицо, принявшее какой-то своеобразный зеленовато-землистый цвѣтъ. Прикладываніе снѣга къ вискамъ и натираніе имъ головы дѣйствовало нѣсколько освѣжающе; большую пользу оказали эфирно-валерьяновыя и Иноземцевскія капли на сахарѣ и рюмка, другая крѣпкаго кофе; за то тѣ, которые соблазнялись снѣжкомъ и думали имъ утолять жажду, испытывали потомъ полное разочарованіе и кромѣ того страннную сухость во рту, смягчаемую путемъ усиленія слюноотдѣленія все тѣми же мелкими кусочками сахару да мятными лепешками.

На высотѣ 5075 метровъ (на 31 метръ выше Казбека) въ $10^1/_2$ час. утра г. Гуровъ выключился изъ нашей веревочной цѣпи, не будучи въ состояніи бороться съ сильнѣйшей головной болью, повидимому, помимо прочихъ условій, вызванной у него въ значительной степени еще тѣмъ обстоятельствомъ, что его коротко остриженную голову слишкомъ слабо защищала отъ палящихъ и отражаемыхъ вдобавокъ всей снѣговой поверхностью лучей солнца спортсменская шапочка изъ легкой шерстяной матеріи. Мы снабдили его флягой съ кофе и необходимыми припасами, посовѣтывали отдохнуть немного на мѣстѣ, а потомъ спуститься къ „Пастуховскому пріюту“ и тамъ на нагрѣтыхъ солнцемъ камняхъ подлѣ прогалинокъ съ талой водой, дожидаться нашего возвращенія. Онъ какъ-то апатично выслушалъ насъ, посидѣлъ нѣкоторое время послѣ нашего ухода на снѣгу, безпомощно опустивъ на руки голову, но потомъ поднялся, спустился нѣсколько ниже и, повидимому, сразу же почувствовалъ себя значительно лучше; по-крайней мѣрѣ, мы не успѣли далеко отойти, какъ до насъ долетѣли его слова съ просьбой остановиться и дать ему возможность сфотографировать его неразлучнымъ «Вероскопомъ» нашу цѣпь на фонѣ восточной вершины Эльбруса на пути къ сѣдловинѣ, казавшейся уже совсѣмъ недалеко отстоящей отъ насъ.

По прежнему было ясно и тихо вокругъ. Внизу по ущельямъ плыли облака, подбираясь къ окрестнымъ хребтамъ, и, то таяли достигнувъ фирновыхъ полей, то группировались въ причудливыя клубящіяся массы. Только легкій вѣтерокъ пробѣгалъ порою со стороны сѣдловины; но обѣ вершины Эльбруса оставались совершенно чистыми, и густыя клубы облаковъ не скатывались теперь, переваливъ черезъ нихъ съ сѣвера на путниковъ, какъ это имѣло мѣсто 6 августа 1907 года, когда меня и моихъ товарищей обдавало въ такіе моменты, точно паромъ, горячее дыханіе фёна*), между тѣмъ,

*) Теплый, обыкновенный сухой нисходящій вѣтеръ, дующій съ снѣжныхъ вершинъ въ сѣверныхъ долинахъ Альпъ; въ широкомъ смыслѣ слова нисходящій, теплый вѣтеръ, являющійся результатомъ предварительнаго поднятія нерѣдко очень влажныхъ массъ по склону горной преграды, что сопровождается выпаденіемъ осадковъ и значительнымъ паденіемъ первоначальной температуры такихъ массъ и послѣдующаго опусканія ихъ по противоположному склону, уже сильно обѣдненныхъ запасами влаги, что въ свою очередь сопровождается несравненно большимъ повышеніемъ температуры этихъ массъ при перемѣщеніи на каждые 100 метровъ внизъ по вершинамъ, нежели наблюдавшееся паденіе температуры при прежнемъ ихъ передвиженіи на такое же разстояніе вверхъ.

какъ ртуть въ термометрѣ стояла ниже нуля на два градуса, а одежда и волосы были покрыты густымъ инеемъ. Силы наши замѣтно ослабѣли; мы все болѣе и болѣе замедляли шагъ и дѣлали остановки уже черезъ каждые 20—15 шаговъ, присаживались всѣ безъ исключенія прямо на снѣгъ, не считаясь болѣе съ основнымъ правиломъ горцевъ—отдыхать стоя, если остановки слишкомъ кратковременны. Въ $12^1/_2$ часовъ дня значительно обезсиленные путники вступили, наконецъ, въ небольшую котловину на южномъ склонѣ сѣдловины. Тутъ не зачѣмъ было дѣлать зигзаги; почти совершенно ровная поверхность имѣла неособенно значительный уклонъ, и мы почти незамѣтно обогнули юго-западный склонъ конуса восточной вершины, закрывшаго отъ насъ видъ на пройденныя нами снѣжныя пространства. Только уплотненный слой снѣгового покрова былъ здѣсь слишкомъ уже тонокъ, и мы то и дѣло вязли по колѣно въ снѣгъ, что сильно затрудняло наше движеніе и дѣйствовало нѣсколько обезкураживающе.

Въ 2 часа дня намъ пришлось проститься еще съ двумя спутниками: г. Націевскимъ (Харбинъ), уступившимъ мнѣ свою палку и кошки, и Танаевскимъ (Казань), а между тѣмъ высота мѣста было уже 5280 метровъ (на 82 метра выше Дыхъ-тау, первой послѣ Эльбруса вершины всего Кавказа), и черезъ какихъ-нибудь 25 минутъ остальные участники экскурсіи достигли высшей гребневой линіи сѣдловины (5320 метровъ) и остановились на отдыхъ у нижняго расширеннаго конца лавовой осыпи, спускавшейся по восточному склону западной вершины къ самому дну сѣдловины, подлѣ небольшой прогалинки съ талой водой, въ которой весело игралъ лучъ солнца золотой. Круто спускались ко дну сѣдловины склоны конусовъ обѣихъ вершинъ Эльбруса, въ особенности же западной; но въ то время, какъ обращенные къ сѣдловинѣ склоны конуса западной вершины были обильно покрыты снѣгомъ, на фонѣ котораго только въ трехъ, четырехъ мѣстахъ чернѣли разорванныя пятна лавовыхъ обнаженій, если не считать болѣе значительнаго продвершиннаго краевого гребневого вала, сдвинутаго совсѣмъ къ югу, склоны конуса восточной вершины, менѣе крутые, напротивъ, были очень бѣдны снѣговымъ покровомъ, который мелькалъ островками среди скалъ и лавовыхъ осыпей, доходившихъ въ разныхъ мѣстахъ до дна сѣдловины. Сама сѣдловина походитъ на глубокій каналъ, дно котораго имѣетъ незначительный перегибъ со слабымъ паденіемъ отъ него къ сѣверу и югу. Общее протяженіе сѣдловины съ сѣвера на югъ около 400 саж. между краевыми линіями, за которыми начинаются довольно круто обрывающіеся склоны какъ бы общаго основанія вполнѣ самостоятельныхъ конусовъ обѣихъ вершинъ Эльбруса. Отъ высшей гребневой линіи сѣдловины до сѣверной краевой линіи около 60 саженъ; наибольшая ширина сѣдловины отъ 85 до 100 саженъ наблюдается въ 30—40 саженяхъ къ югу отъ гребневой линіи, а затѣмъ въ обѣ стороны ширина постепенно уменьшается и у краевъ доходитъ до 50 саж.

Мы поснимали съ себя всю свою ношу, которая казалась почти непосильнымъ бременемъ на этихъ высотахъ, гдѣ буквально каждый золотникъ

замѣтно даетъ себя чувствовать; а спустя нѣсколько минутъ за раскупоренными коробками сардинъ и пачками дорожнаго бисквита надъ искрящейся на солнышкѣ прогалинкой съ чудной студеной водой, шелъ оживленный и веселый разговоръ. Кружка свѣжей воды на такой высотѣ показалась каждому изъ насъ поистинѣ волшебнымъ напиткомъ, снявшимъ какъ рукою, усталость. Мы легко и свободно прошли къ сѣверному краю сѣдловины, чтобы взглянуть на тѣ мѣста, которыя были покинуты нами семь дней тому назадъ. Тамъ, на сѣверѣ сквозь таявшія облака отчетливо былъ видѣнъ простымъ глазомъ пирамидальный пикъ Бештау; шапка Машука тонула въ туманной мглѣ.

Время быстро летѣло; нужно было подумать о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Радостное настроеніе у всѣхъ какъ то сразу упало. Бачай не уклонялся прямо отъ восхожденія на ту или другую вершину Эльбруса, но не преминулъ, по обычаю своихъ односельчанъ пофилософствовать насчетъ граничащей будто-бы съ полной невозможностью чрезвычайной трудностью подобнаго подъема. В. М. Ройхоль (Пятигорскъ), замѣтно начиналъ колебаться въ виду поздняго времени (было уже почти три часа по Пятигорскому времени). Живо встали передъ нимъ наше совмѣстное прошлогоднее странствованіе вокругъ восточной вершины на высотѣ 5225 метровъ, спускъ по коренному выходу лавъ къ неожиданно представшей предъ нами обширной снѣжной долинѣ Джика-угенъ-Кёзъ, которая отграничена съ юга отъ области верховьевъ Ирикскихъ глетчеровъ слабо выраженнымъ фирновымъ валомъ, а съ востока окаймляется снѣговой группой Балыкъ-баши, такъ что свободный выходъ изъ этого обширнаго фирноваго цирка имѣется только къ сѣверу, куда и направляется мощный ледникъ Кингыръ-сыртъ, раскинувшійся версты на четыре по сѣверному склону Эльбрусскаго массива. Вспомнилось ему наше блужданіе по спокойно залегающей, по намѣченной рядомъ параллельныхъ замаскированныхъ трещинъ области верховьевъ Ирикскихъ глетчеровъ у подножья восточнаго склона пирамидальнаго основанія конуса восточной вершины, ближайшей ребровой выступъ котораго закрывалъ отъ насъ ширь фирновыхъ полей, провожавшихъ насъ съ утра на вершину. Ясно представилось хожденіе по сильно оттаявшему за день фирну, погруженіе по грудь въ опускающійся подъ ногами прослой свѣжаго снѣга въ замѣченной трещинѣ, ночевка въ размякшемъ фирнѣ на краю окутанной туманомъ пропасти при предразсвѣтномъ морозѣ въ 12° С. на высотѣ 3950 метровъ, блужданье въ лабиринтѣ трещинъ въ верховьяхъ Гарабаши, мой полетъ на груди, лицомъ къ землѣ, на протяженіи двадцати саженъ по обмерзлому моренному склону Гарабашской тѣснины, отчаянный прыжокъ черезъ разбушевавшійся ледниковый потокъ, поглотившій только что предъ тѣмъ сорвавшуюся съ крутого ложа массу фирна и льда. Быстро промелькнули въ сознаніи тѣ незабвенные томительные часы, когда призракъ смерти такъ близко рѣялъ надъ нами; нервная дрожь пробѣжала у него по лицу, и онъ сталъ горячо уговаривать меня отказаться отъ безумнаго шага и вернуться къ дожидающимъ на «Пастуховскомъ пріютѣ» товарищамъ. Я молча перевелъ свой взоръ на П. Г. Лысенкова. Онъ стоялъ, сурово сдвинувъ брови, и нервно

рылъ снѣгъ наконечникомъ палки. «Или достигнуть вершины, или лучше живымъ не возвращаться домой!»—произнесъ онъ глухимъ голосомъ, прибавивъ, что не задумается самъ одинъ пойти впередъ, если никто не рѣшится слѣдовать за нимъ. Добрый Владиміръ Михайловичъ попробовалъ еще разъ горячо убѣждать меня повернуть назадъ ради всего, что было у меня самаго дорогого на свѣтѣ. П. Г. Лысенковъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ. Я рѣшился и протянулъ В. М. Ройхелю руку со словами: «Передайте товарищамъ, что тотъ, въ комъ есть энергія и воля, побѣждаетъ преграды всѣ и покоряетъ міръ!»...

Послѣ этого Лысенковъ и я не стали дожидаться, пока Ройхель съ Бачаемъ окончатъ свои сборы въ обратный путь, а условились только, что они оставятъ намъ на «Пастуховскомъ пріютѣ» дорожный плащъ Ройхеля, и, бросивъ у прогалинки всю лѣтнюю одежду, всѣ припасы и даже футляръ отъ фотографическаго аппарата, двинулись облегченные такимъ образомъ прямо отъ сѣдловины, не огибая западной вершины съ сѣверо-востока, вверхъ на восточный склонъ ея по лавовой осыпи. Оставленную г. Націевскимъ пару кошекъ мы раздѣлили пополамъ. Осыпь не сохраняла на всемъ протяженіи своей непрерывности и превращалась мѣстами въ рядъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе близко лежащихъ другъ къ другу вмерзшихъ въ снѣговой покровъ небольшихъ лавовыхъ глыбъ и мелкихъ кусковъ, путь по которымъ, помимо крутизны самого подъема, былъ довольно затруднителенъ. Тогда мы свернули вправо и взяли направленіе подъ довольно большимъ острымъ угломъ на сѣверо-западъ. Снѣговой покровъ оказался достаточно плотнымъ. П. Г. Лысенковъ началъ почти шагъ за шагомъ прорубать ступени стальной лопаточкой, прикрѣпленной къ верхнему концу его палки, а я медленно ступалъ по его слѣдамъ, не слишкомъ утомляясь. Такъ намъ пришлось прорубить около семидесяти ступенекъ, прежде чѣмъ мы рѣшили сдѣлать поворотъ, не покидая все того же восточнаго склона, на юго-западъ къ верхнему концу узкаго языка оставленной нами разорванной осыпи.

Ройхель съ Бачаемъ успѣли за это время выйти изъ сѣдловины совершенно скрытые отъ насъ изъ виду за поворотомъ. Около половины четвертаго часа дня они были уже на «Пастуховскомъ пріютѣ» и, соединившись тамъ съ дожидавшими раньше отставшими товарищами, довольно быстро спустились по успѣвшему оттаять за день фирну къ Терскольскому пику, куда и прибыли около 7 часовъ вечера, благополучно перебравшись черезъ трещины подъ руководствомъ Бачая.

Князь Наурузъ Урусбіевъ сдержалъ свое обѣщаніе. Въ назначенный день пріѣхалъ со своими друзьями на Донгузъ-Орунскій перевалъ и оттуда въ подзорную трубу наблюдалъ наше восхожденіе, въ то время какъ И. И. Медвѣдковъ дѣлалъ тоже самое съ Терскольскаго пика. Князь видѣлъ, какъ послѣдовательно спускались г. Брейтфусъ съ Егоромъ Лысенковымъ и В. А. Гуровъ, какъ затѣмъ появились изъ сѣдловины скрывшіеся было тамъ гг. Націевскій и Танаевскій; какъ, наконецъ, спустя нѣкоторое время, прослѣдовали оттуда же В. М. Ройхель и Бачай, соединившіеся съ остальными на

«Пастуховскомъ пріютѣ», и общей группой въ пять человѣкъ продолжали спускъ. Онъ не допускалъ мысли, что на сѣдловинѣ могъ еще кто-нибудь остаться въ поздній часъ, такъ какъ въ разговорѣ съ нимъ въ Урусбіевѣ никто изъ насъ даже не поднималъ вопроса о возможности ночевки гдѣ-нибудь выше Терскольскаго пика. И въ полной увѣренности, что и на этотъ разъ нога смертнаго не осквернила легендарной вершины Минги-тау, князь спокойно покинулъ около четырехъ часовъ дня свой наблюдательный постъ, охотно дѣлясь на возвратномъ пути своими умозаключеніями съ тѣми, кто интересовался такъ или иначе исходомъ задуманнаго нами дѣла.

Между тѣмъ мы, повернувъ къ юго-западу, не спѣша, но и не останавливаясь, продолжали нашъ путь. Вправо отъ насъ, на сѣверо-западъ показалась было уже довольно пологая покатость сѣвернаго склона конуса западной вершины, но тотъ склонъ, по которому двигались мы все болѣе удаляясь къ югу, продолжалъ оставаться очень крутымъ, и лопаточка Петра Гавріиловича не переставала оказывать намъ неоцѣнимую услугу. Къ сдѣланнымъ раньше семидесяти ступенямъ пришлось добавить еще около шестидесяти новыхъ, чтобы добраться до верхнихъ частей путеводной осыпи. Мы присѣли не надолго на холодные выступающіе изъ-подъ снѣга камни. Густыя тѣни лежали въ этомъ мѣстѣ и ползли отъ вершины почти до самаго дна сѣдловины. Языкъ осыпи упирался своимъ концомъ въ почти отвѣсно падавшую въ нашу сторону предвершинную часть снѣговаго склона. Стрѣлка часовъ приближалась къ пяти. Послѣ небольшого раздумья Лысенковъ принялся осторожно прорубать ступени въ крутой, но не особенно высокой снѣжной стѣнѣ, и, когда онъ занесъ ногу на двадцатую по счету, его голова оказалась уже надъ гребневой линіей склона, причинившаго намъ столько хлопотъ.

Было ровно 5 часовъ дня по пятигорскому времени, когда сначала П. Г. Лысенковъ и непосредственно вслѣдъ за нимъ и я вступили на завѣтную западную вершину величайшей горы Кавказа и Европы. Она вся была залита солнцемъ. Безоблачная синева небесъ широко раскинулась надъ нами. Слабый сѣверо-западный вѣтерокъ нагонялъ легкія облачка, которыя медленно наползали порою на сѣверные скаты вершины и, не достигнувъ ея, быстро скользили по восточнымъ и западнымъ склонамъ, постепенно расплываясь въ необычайно чистомъ морозномъ воздухѣ. Какимъ-то величаво-царственнымъ покоемъ вѣяло вокругъ, и мы съ невольнымъ благоговѣніемъ обнажили головы, оставаясь въ глубокомъ безмолвіи и неподвижности въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній всецѣло захваченные величіемъ и красотой природы. Сложное чувство сознанія своего исключительнаго положенія въ данный моментъ на недосягаемой для многихъ высотѣ, вдали отъ шума и тревогъ, гдѣ-то далеко внизу непрестаннымъ ключомъ кипящей жизни, извѣстнаго удовлетворенія неяснаго стремленія души куда-то въ высь, поближе къ небу, подальше отъ тоскующей, скорбной земли, высокаго эстетическаго наслажденія отъ созерцанія необозримой дали въ чудномъ сочетаніи съ дивной игрой красокъ, свѣта и тѣней и своеобразной гармоніей полныхъ красоты и величія формъ гор-

ныхъ цѣпей, вереницы вершинъ, всхолмленныхъ предгорій и теряющихся на горизонтѣ обширныхъ равнинъ наполняло, казалось, все существо, вызывало необыкновенный подъемъ нервной энергіи и своею волшебною силою заставляло забыть про усталость, про холодъ и голодъ. Тутъ поистинѣ молодѣла душа, и неуловимый отпечатокъ какой-то свѣтлости надолго ложился на ней.

Сама вершина—это сравнительно узкая кольцеобразная поверхность, охватывающая съ востока, сѣверо-востока, сѣверо и сѣверо-запада прекрасно выраженную воронку былого кратера угасшаго грандіознаго вулкана, прорванную въ сторону юго-запада, съ обрывистыми внутренними стѣнками, въ видѣ круто ниспадающихъ на глубину до ста пятидесяти саженъ, почти совершенно обнаженными отъ выдуваемаго вѣтрами снѣга исполинскими буроватыми лавовыми утесами. Та часть вершинной поверхности, на которую впервые выбрались мы, представляетъ довольно ровное плато, имѣющее въ общемъ форму прямоугольника съ нѣсколько изогнутымъ южнымъ краемъ, около ста саженъ длиною и въ среднемъ до тридцати саженъ въ поперечникѣ. Оно немного приподнято къ югу, гдѣ и обрывается надъ круто падающими далеко внизъ скалистыми утесами грозной лавовой твердыни, какъ бы слегка запорошенными снѣгомъ; мощность же вершиннаго снѣговаго покрова у южнаго края плато, къ которому подошли мы въ надеждѣ быть замѣченными съ Терскольскаго пика, не превысила полутора саженъ. Легкое облако, прильнувшее къ фирновымъ полямъ, отрѣзало отъ нашего взора „Пріютъ Надежды“, откуда насъ могли бы прекрасно увидѣть на вершинномъ обрывѣ въ хорошую подзорную трубу, остававшуюся въ распоряженіи И. И. Медвѣдкова.

Въ сѣверо-восточномъ нѣсколько приподнятомъ углу плато, тамъ, гдѣ наружный край вершинной поверхности дѣлаетъ округленный поворотъ къ сѣверу, возвышается саженъ на восемь вся покрытая снѣгомъ пирамидальная шапочка со взбѣгающимъ фестонами ребровымъ краемъ и крутыми восточными склонами, видимая и съ „Пріюта Надежды“. Къ западному краю ея основанія примыкаетъ разрушенный лавовый*) валъ, протянувшійся саженъ на двѣсти вдоль наружнаго края вершинной поверхности воронки и окайм-

*) Отдѣльныя глыбы лавы представляютъ собою неправильно полигонально разбитую породу темно-сѣраго цвѣта съ матовымъ блескомъ на поверхностяхъ раскола. Поверхность свѣжаго излома матоваго густо-темно-сѣраго цвѣта, почти совсѣмъ чернаго; на ней бѣлѣютъ крупные (до 8 милиметровъ) полевошпатовые кристалы; цвѣтные минералы выдѣляются черными точками, но при микроскопическомъ обзорѣ, простымъ глазомъ ихъ недостаточно ясно можно различить. На плоскостяхъ разлома бросаются въ глаза неправильно расположенныя очень маленькія отдѣльныя отверстія многочисленныхъ пустотъ, пронизывающихъ породу, хотя послѣдняя въ цѣломъ является довольно-таки компактной. Отдѣльные болѣе или менѣе значительно вывѣтрѣлые куски имѣютъ поверхность свѣтло-сѣраго грязноватаго цвѣта съ буроватыми пятнами. На основаніи подробнаго микроскопическаго изслѣдованія порода должна быть причислена къ типичному дациту (точнѣе «гіалопилитовый пироксенъ-амфиболъ-дацитъ»). Среди отдѣльныхъ лавовыхъ глыбъ вершиннаго гребневиднаго вала мнѣ удалось найти небольшіе кусочки розоватой пемзы, а на спускающихся къ сѣдловинѣ лавовыхъ осыпяхъ восточнаго склона встрѣтить маленькіе кусочки свѣтло-сѣраго туфа съ обильнымъ сѣрнымъ налетомъ.

ленный съ юга полосой (до десяти саженъ шириной) уплотненнаго снѣговаго покрова, слегка покатаго къ югу, а затѣмъ уже круто обрывающагося надъ ниспадающими саженъ на двѣсти къ наполненному фирномъ и снѣгомъ дну воронки скалистыми стѣнками кратера. Ширина собственно южнаго склона вала (на сѣверѣ онъ сливается съ гребневой линіей округло-пологихъ склоновъ конуса вершины) не превышаетъ десяти саженъ, а средняя высота его надъ окаймляющей съ юга снѣжной полосой едва достигаетъ двухъ аршинъ. Онъ какъ-бы выполняетъ собою неглубокую полулунную впадину въ общей снѣжной вершинной поверхности, и его восточный и западный края сливаются съ постепенно-поднимающимися соотвѣтственными частями послѣдней, переходящими съ одной стороны, въ склоны сѣверо-восточной шапки-пирамидки, а съ другой стороны, въ склоны второй пирамидки, имѣющей болѣе правильную, приблизительно четырехугольную форму расположенной на крайнемъ юго-западѣ общей внѣшней дуги вершинной поверхности воронки кратера былого вулкана. Она также окутана вся снѣжнымъ покровомъ, возвышается саженъ на десять надъ своимъ основаніемъ, въ свою очередь значительно приподнятымъ надъ общей покатостью вершинной поверхности, а высшая точка ея, являющаяся вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ предѣломъ всего Эльбрусскаго массива, достигаетъ, по новѣйшимъ триангуляціоннымъ даннымъ, высоты 5629 метр. или 18470 футовъ ($43^{0}21'22''$ сѣв. шир. и $42^{0}6'35''$ вост. долг.) надъ уровнемъ моря. У подножія ея южнаго склона рѣзко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ снѣжной пелены высокая палка-рогатка, а подлѣ нея, поближе къ склону самой пирамидки, еще небольшой шестикъ,—молчаливые свидѣтели пребыванія здѣсь человѣка, оставившаго память о себѣ на такой высотѣ.

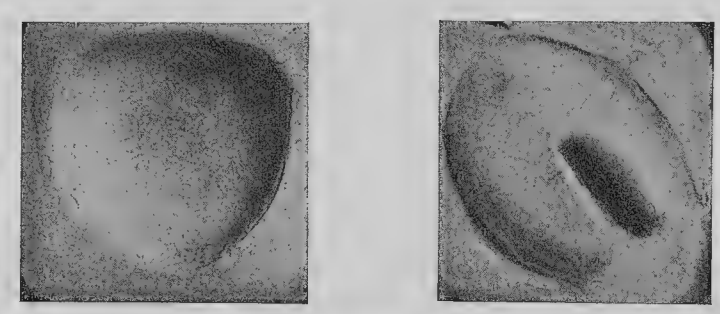
Я занялся было устройствомъ съ помощью башлыка и фуражки примитивнаго затѣненія для подвѣшеннаго на водруженной въ снѣгъ палкѣ термометра, какъ Лысенковъ своимъ неожиданнымъ возгласомъ: „клювъ! клювъ!“ заставилъ меня поспѣшить на его зовъ. Мнѣ думалось, что онъ нашелъ что-нибудь вродѣ той птичьей головки, какую мы подняли утромъ на фирновыхъ поляхъ вблизи „Пріюта Пастухова“. Но вмѣсто этого Лысенковъ указалъ мнѣ протянутой рукой на единственную большую (около 2-хъ саж. высотою и до 4 аршинъ въ поперечникѣ) скалу, возвышающуюся почти посреди гребневаго вершиннаго разрушеннаго лавоваго вала. Быть можетъ, при другихъ условіяхъ мое вниманіе привлекло-бы только то обстоятельство, что совершенно свободная отъ снѣга ровная поверхность, обращенная къ востоку отвѣснаго бока скалы, покрывала на нѣкоторомъ пространствѣ тонкое узловато-узорное стекловатое оплавленіе, вызванное, вѣроятно, ударомъ молніи. Но теперь, когда нервы были до крайности напряжены, болѣзненное воображеніе, дѣйствительно съ навязчивостью рисовало въ своеобразной формѣ лавовой глыбы обращенный на югъ, въ сторону Закавказья клювъ изваянной изъ камня головы птицы, часть шеи которой выступала среди груды лавовыхъ обломковъ, а тыльная сторона была покрыта аршиннымъ слоемъ снѣга, переходящаго въ снѣговой покровъ сѣверныхъ скатовъ конуса, словно охва-

ченнаго плотно исполинскими бѣлыми крыльями. Ужъ не тотъ-ли это самый Симуръ, о которомъ повѣствуетъ легенда, будто смотритъ онъ однимъ окомъ въ холодную вѣчность схороненныхъ мукъ, а другимъ въ неизвѣстность грядущаго? Не въ поэтическомъ-ли образѣ его сладкозвучной пѣсни воплотила народная фантазія дивную музыку міровой гармоніи, казалось, такъ щедро разлитой въ этихъ заоблачныхъ высяхъ? Что же это? простое, чисто случайное совпаденіе созданнаго коллективнымъ народнымъ творчествомъ образа съ причудливой игрой природы, или въ основаніи легенды лежитъ смутный отзвукъ въ дѣйствительности пережитаго впечатлѣнія какого-нибудь безызвѣстнаго странника, забредшаго подобно намъ въ эти зачарованныя мѣста? Но напрасно было ждать отвѣта у холодныхъ и безмолвныхъ скалъ; и ухо тщетно старалось уловить въ невозмутимой тишинѣ тихій звонъ цѣпей того таинственнаго героя абхазскихъ сказаній, который такъ долго томится въ заточеньи въ нѣдрахъ горы, охраняемой вѣщею птицею, но, какъ вѣритъ легенда, дождемся лучшаго будущаго, когда въ полномъ сіяніи лучезарной свободы онъ будетъ призванъ населить землю новыми, противоположными и болѣе совершенными существами.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были на юго-западной пирамидкѣ, обнаженныя скалы у основанія которой смотрятъ въ сторону темныхъ ущелій Карачая. На вершинной площадкѣ ея, какъ и на темени сѣверо-западной, впору помѣститься только одному человѣку. Но съ этого маленькаго по площади наблюдательнаго поста открывался во всѣ стороны необозримый по своимъ размѣрамъ горизонтъ. У южной грани пирамидки на полтора аршина отъ поверхности снѣгового покрова торчала вертикально поставленная пожелтѣвшая палка, гладко отполированная взметаемыми вѣтромъ твердыми снѣжными крупинками, а въ двухъ саженяхъ отъ нея, ближе къ обрывающемуся краю южной оконечности западнаго рога дугообразной вершинной поверхности, высился семиаршинный толстый шестъ-рогатка. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ какъ нерушимо стоятъ они, осѣняя снѣга и скалы Минги-тау, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ водрузила ихъ рука знаменитаго русскаго путешественника по высокогорному Кавказу, военнаго топографа А. В. Пастухова 31-го іюля 1890 г., когда онъ пробылъ на вершинѣ кавказскаго колосса цѣлыхъ $3^1/_2$ часа. Онъ первый изъ русскихъ достигъ этихъ заоблачныхъ высей, и одинокія палки однѣ напоминали путнику о томъ, кто первый изъ всѣхъ когда-либо побывавшихъ здѣсь людей, снялъ подробный планъ съ обѣихъ вершинъ Эльбруса и теперь покоится непробуднымъ сномъ у вершины Машука, на южныхъ склонахъ горы, обращенныхъ къ сверкающей на солнцѣ своими вѣчными снѣгами цѣпи Главнаго Кавказскаго хребта, съ выступающимъ гордо впередъ своимъ державнымъ вождемъ.

Вся вообще окаймляющая наружная линія вершинной поверхности уцѣлѣвшей половины западной крошечной воронки Эльбрусскаго массива достигаетъ въ длину около пятисотъ саженъ, при наибольшемъ поперечникѣ отверстія воронки въ трпста саженъ, считая между угломъ скалистаго края восточнаго плато, представляющагося вершиной съ Терскольскаго пика, и

юго-западной пирамидкой, царящей надъ глубокими ущельями истоковъ Кубани. Поверхность снѣжного покрова обѣихъ пирамидокъ и клюва на юго-западныхъ сторонахъ ихъ имѣетъ изрытый видъ, благодаря множеству маленькихъ карманообразныхъ выемокъ; поверхность же плато была вся какъ-бы покрыта глазурью съ массой выдавленныхъ въ ней рукою незримаго декоратора оригинальными блюдообразными углубленіями съ эллиптическими очертаніями, строго оріентированными по длинной оси ихъ въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ и отгибающимися въ томъ же направленіи отъ юго-западнаго края ихъ гребневидно пріостренными на верху язычками Размѣры подобныхъ углубленій колебались предѣльно отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ аршина по длинной оси и само явленіе представляетъ, повидимому, примѣръ выдуванія снѣговаго покрова, запечатлѣвшаго во внѣшнихъ формахъ созданныхъ имъ фигуръ направленіе преобладающихъ вѣтровъ, дѣйствіемъ которыхъ слѣдуетъ, повидимому, до нѣкоторой степени объяснить обнаженность во многихъ мѣстахъ отъ снѣговаго покрова и скудность его не только на обрывистыхъ скалистыхъ стѣнкахъ западнаго кратера и вообще на южныхъ и юго-западныхъ наружныхъ склонахъ его, но и на обращенныхъ въ тѣ же стороны ничѣмъ не нарушенныхъ въ своей цѣлости склонахъ конуса восточной вершины Эльбруса.



Фигуры выдуванія.

Барометрическое давленіе у юго-западной пирамидки, по непосредственному отчету на анероидѣ было 366 миллиметровъ, что послѣ необходимыхъ поправокъ на чувствительность прибора давало въ конечномъ итогѣ 372 миллиметра; для сѣверо-восточной пирамидки подобнымъ же образомъ давленіе было опредѣлено въ 373 миллиметра и, наконецъ, для уровня поверхности южной оконечности восточнаго плато въ 374 миллиметра. Термометръ, подвѣшенный на полчаса—въ искусственномъ затѣненіи на уровнѣ одной сажени надъ снѣжной поверхностью плато, а затѣмъ приведенный съ помощью шнура во вращательное движеніе въ горизонтальной плоскости, показалъ $5{,}5^0$ С. мороза, который былъ очень мало замѣтенъ благодаря почти полному отсутствію всякаго вѣтра и яркому солнечному освѣщенію.

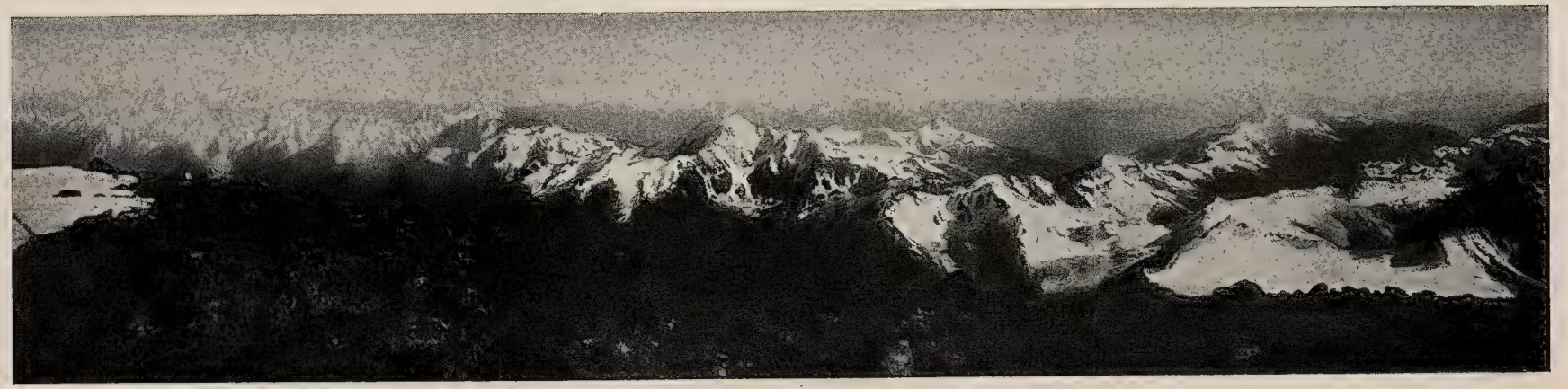
Было тихо. Надъ Кавказскимъ хребтомъ клубилось море облаковъ, въ которомъ давно потонулъ на далекомъ востокѣ Казбекъ. Словно островки,

разсѣянные на воздушномъ океанѣ, выскакивали тутъ и тамъ отдѣльныя вершины, сверкая на солнцѣ своей ледяной броней: Дыхъ-тау, Каштанъ-тау, Шхара, Ушба, Донгузъ-орунъ, красавцы Сванетіи Лайла (4007 метр.) и Штавлеръ, съ пробивающимися по обѣимъ его сторонамъ очертаніями верховьевъ, ведущихъ въ Закавказьѣ долинъ Инчуры и Накры; а къ западу отъ Чиперъ-Азаускаго перевала почти свободные отъ облаковъ синѣли убѣгающія къ подернутой мглою морской дали горныя цѣпи Имеретіи и Абхазіи, и бѣлѣли островерхіе контуры Дамбай-Ульгена (3970 м.) и Белала-Кая (3910 м.) надъ Тибердынскими высотами. Точно искрящаяся серебристыми блестками мантія широко раскинулись къ востоку, западу и югу, вплоть до цѣпи Главнаго Кавказскаго хребта фирновыя поля, общая площадь которыхъ, включая и сѣверные склоны Эльбрусскаго массива, по новѣйшимъ измѣреніямъ, исчисляется приблизительно въ 200 квадр. верстъ. Онѣ обрываются своими лопастями надъ разверзстыми пастями верховьевъ окрестныхъ долинъ и ущелій, питая собой многочисленные ледники Ирикской, Терскольской, Гарабашской, Азаускій, Хатю-таускій и Кюкуртлюйской группъ, дающихъ собою начало сложной водной артеріи р.р. Баксана и Кубани, которыя принадлежатъ двумъ противоположно расположеннымъ бассейнамъ Каспійскаго и Чернаго морей. Сѣдыя волокна мѣстами ползли по южному склону съ востока на западъ въ крутообрывающіяся верховья Уллу-кама (истокъ Кубани), гдѣ сгущались въ клубящееся темное облако, словно приросшее своимъ краемъ къ фирновымъ полямъ и нависшее въ видѣ пышнаго султана на озаренные косыми лучами солнца склоны глубокаго и довольно широкаго ущелья. Мощный валъ, весь закованный въ броню льдовъ и снѣговъ, далеко протянулся на западъ отъ основанія остатковъ слѣпка былого кратера, какъ бы защищая отъ стремительнаго паденья на сѣверъ огромныхъ запасовъ накопленныхъ тамъ вѣками снѣговъ. Его сѣверные скаты сливались съ сѣверо-западными и сѣверными, изборожденными мѣстами скалами и потоками застывшей темной лавы склонами сѣдого великана, вначалѣ округло пологими, а затѣмъ приблизительно на высотѣ сѣдловины пріобрѣтающими довольно крутое паденіе и оканчивающимися густой бахромой многочисленныхъ, но сравнительно незначительныхъ по своимъ размѣрамъ ледниковъ*), выполняющихъ неглубокія ложбины, бороздящія скаты Эльбрусскаго массива. Всѣ они тутъ имѣютъ, въ общемъ большое паденіе, будучи довольно близко расположены другъ

*) Величина поверхности Эльбруса, покрытой вѣчными снѣгами вмѣстѣ съ питаемыми ими ледниками (до 14 перворазрядныхъ и до полусотни второразрядныхъ) исчислялась Абихомъ въ 132 кв. верстъ, каковую цифру по новѣйшимъ опредѣленіямъ приходится удвоить. Если принять за периметръ основанія Эльбруса, какъ одного громаднаго вулкана, краевую линію его фирновыхъ полей на средней границѣ начала сползающихъ съ нихъ ледниковъ, то длина такого периметра достигнетъ приблизительно 40 верстъ. Линія вѣчныхъ снѣговъ на восточныхъ склонахъ Эльбруса лежитъ на высотѣ 3200 метр., на западныхъ—3300 метр. (по Абиху), на южномъ—3600 м. и на сѣверномъ—3500 метр. (по Пастухову). Средняя высота оконечностей ледниковъ Эльбруса около 2900 метр. Ниже всѣхъ спускается Азау (2327 м.). Ледники сѣвернаго склона питаютъ своими ледниковыми потоками истоки р. Малки, одного изъ важнѣйшихъ притоковъ Терека; ледники восточнаго и юго-восточнаго склона—истоки Баксана, впадающаго въ Малку, а ледники западныхъ склоновъ—потоки Кубани.

къ другу не разобщаются какими-нибудь значительными отрогами или гребнями и придаютъ въ своей совокупности всей мѣстности до нѣкоторой степени характеръ ландшафта норвежскихъ фіельдовъ. Мощные валы окаймляющихъ ихъ моренныхъ отложеній сливались съ сѣроватыми склонами широтныхъ скалистыхъ кряжей Кызылъ-кола и Кара-кая, сложенныхъ изъ кристаллическихъ сланцевъ и слишкомъ близко подступающихъ къ крутымъ склонамъ гнейсо-гранитнаго основанія Эльбрусскаго массива. А дальше на сѣверъ убѣгали длинной вереницей плосковершинные, зеленѣющіе, сильно-пониженные хребты сѣверныхъ предгорій, разбитые многочисленными узкими ущельями на отдѣльныя группы возвышенностей и переходящіе постепенно въ волнообразныя равнины далекаго Пятигорья. Тамъ сквозь легкую облачную дымку теперь отчетливо рисовался озаренный солнцемъ красивый трезубецъ Бештау съ разбросанными подлѣ него лакколитами, какъ-бы оттѣняя собою нѣсколько отклоняющееся къ востоку отъ меридіана Эльбруса общее направленіе того водораздѣла между бассейнами Чернаго и Каспійскаго моря на Сѣверномъ Кавказѣ, который начинается у Главнаго Кавказскаго хребта отходящимъ отъ него массивомъ Эльбруса, продолжается почти меридіанально вытянутымъ кряжемъ Ташлы-Сырта, гдѣ на кристаллическіе сланцы налегаетъ свита нижнеюрскихъ песчанниковъ и сланцевъ, и можетъ быть прослѣженъ въ видѣ постепенно сглаживающейся возвышенности въ предѣлахъ юрскихъ, мѣловыхъ и самыхъ молодыхъ третичныхъ пластовъ до Ставропольскаго плато включительно, круто обрывающагося въ сторону Манычской впадины. На востокѣ отъ него освѣщенные заходящимъ солнцемъ и окрашенные въ нѣжные розовато-фіолетовые тона высились отвѣсными бастіонами обрывающіеся надъ р. Джуваргеномъ и Озроковской котловиной юрскіе известняки Алмалы-кая и смежныхъ цѣпей, за которыми еще дальше на сѣверъ зеленѣли плоскія вершины Гунделеновскихъ возвышенностей, связанныхъ переходными звеньями съ относящимся къ той же общей цѣпи Скалистыхъ горъ, отброшеннымъ къ сѣверо-западу отъ нихъ и пользующимся такой извѣстностью Бирмамытомъ (2591 м.). Самъ онъ лежитъ почти на одномъ меридіанѣ съ западной вершиной Эльбруса и, отдѣленный отъ насъ всего тридцативерстнымъ разстояніемъ, считая по воздушной линіи, красиво выдѣлялся въ слегка подернутой своимъ живописнымъ уступомъ, круто обрывающимся надъ плоско-волнистымъ широко-раскинувшимся къ югу Бечасынскимъ плоскогорьемъ, чудный травянистый покровъ котораго смѣняется у подножья Эльбруса темной полосой почти безплодныхъ скалъ и тѣсныхъ ущелій. Совсѣмъ подлѣ насъ*), отдѣленная лишь сѣдловиной, красовалась вершина восточнаго конуса Эльбруса. Ея кольцеобразная форма съ тремя пирамидками: центральной западной, сильно растянутой, крайней сѣверо-восточной притупленной и составляющей неразрывную часть цѣльнаго барьернаго лавоваго вала и юго-западная, въ видѣ уплощеннаго конуса служила прекраснымъ выраженіемъ довольно хорошо сохра-

*) Отъ высшей точки западной вершины до высшей точки восточной по воздушной линіи около 6 саж., а разстоянія между наиболѣе сближенными и обращенными къ сѣдловинѣ краями около 350 саж.



ВИДЪ НА ГЛАВНЫЙ КАВКАЗСКІЙ ХРЕБЕТЪ СЪ ВОСТОЧНОЙ ВЕРШИНЫ ЭЛЬБРУСА.

Съ фот. В. Дубянскаго.

Съ фот. В. Дубянскаго.

ГОРНАЯ ПОРОДА ЗАПАДНОЙ ВЕРШИНЫ ЭЛЬБРУСА.

Съ фот. В. Дубянскаго.

ГОРНАЯ ПОРОДА ВОСТОЧНОЙ ВЕРШИНЫ ЭЛЬБРУСА.

нившейся, меньшей по сравненію съ западной, кратерной воронки, прорванной прямо на востокъ. Мощныя осыпи занимали значительную площадь на западныхъ и юго-западныхъ склонахъ конуса восточной вершины Эльбруса въ противоположность обильнымъ снѣговымъ покровамъ сѣверо-западнымъ и сѣвернымъ склонамъ его. Вся вершинная поверхность, равно какъ и темянная часть юго-восточной пирамидки, вѣнчающей собою всю вершину (5593 мет.; 43°21′11″ с. шир., 42°7′32″ вост. долготы), была совершенно лишена снѣгового покрова, исключая двухъ сравнительно небольшихъ полулунныхъ впадинокъ, и залитая солнечнымъ свѣтомъ, въ то время какъ по склонамъ сѣдловины поползли густыя тѣни, представлялась намъ выжженной солнцемъ полянкой, благодаря особенностямъ слагающихъ ее горныхъ породъ. На самомъ высшемъ пунктѣ юго-восточной пирамидки чуть виднѣлся полуторааршинный туръ, сложенный тамъ изъ туфовыхъ обломковъ и лавовыхъ кусковъ П. Г. Лысенковымъ 6-го августа 1907 г., передъ тѣмъ какъ стужа (—10,5° С.) и сильный сѣверо-западный вѣтеръ заставили его съ Хаджумаромъ Хабліевымъ покинуть въ 4 час. 40 мин. дня тѣ высоты, на которыхъ до него были только окутанные густою мглою Фрешфильдъ со своими спутниками въ 1868 г., да при такихъ же неблагопріятныхъ условіяхъ разбушевавшейся непогоды А. В. Пастуховъ 28 августа 1896 года*).

Мы сложили на снѣгу у самаго подножья сѣверо-восточной пирамидки невысокій туръ изъ лавовыхъ кусковъ съ сосѣдняго гребневаго вала, вложили въ особое углубленіе въ немъ завернутыя въ большой бѣлый листъ бумаги карточки съ нашими именами и подробной записью наблюденныхъ барометрическихъ и температурныхъ данныхъ и навалили сверху надежный камень, чтобы бумагу не выдуло порывомъ вѣтра и не занесло снѣгомъ. Время быстро летѣло. Съ неумолимой жестокостью часовая стрѣлка приближалась къ цифрѣ шесть. Но здѣсь было такъ хорошо, легко и привольно, что не хотѣлось совсѣмъ уходить. Не легко было разставаться съ этой темной

*) Восточная вершина Эльбруса, подобно западной, отъ которой она отдѣлена довольно глубокой сѣдловиной, представляетъ тоже остатки воронки совершенно самостоятельнаго кратера; только наружныя очертанія сохранившихся частей приближаются скорѣе къ кругу, между наиболѣе отдаленными точками внутреннихъ краевъ котораго, повидимому, превышаетъ немного шестьдесятъ саженъ; видимая глубина же воронки, засыпанной снѣгомъ достигаетъ до 40 саженъ. Южная, западная и отчасти сѣверная стѣнки воронки довольно хорошо сохранились, а съ восточной и сѣверо-восточной сторонъ имѣется прорывъ, заваленный приблизительно на уровнѣ видимаго дна воронки, съ ея крутыми покрытыми снѣгомъ склонами, черными глыбами головныхъ частей вылившагося изъ кратера мощнаго лавоваго потока, гребневые участки котораго рельефно выдѣляются на бѣломъ фонѣ фирноваго покрова восточныхъ склоновъ вершины Эльбруса. Съ южной стороны, гдѣ находится высшая точка ея (5593 м.), вершинная поверхность слегка выпуклую дискообразной формы, площадку около 30×25 кв. саж., совершенно лишенную снѣга, если не считать двухъ серповидныхъ сравнительно небольшихъ (до 5 саж. въ длину и до сажени въ ширину) заполненныхъ снѣгомъ ложбинокъ, захватывающихъ частью уже покатость обращенныхъ къ сѣдловинѣ склоновъ конуса восточной вершины. Эта дискообразная площадка, какъ и прилегающія къ ней части вершинной поверхности производила впечатлѣніе выжженной солнцемъ полянки, благодаря обильному сѣрному налету, совмѣстно съ тонкимъ слоемъ мельчайшихъ лапилли, покрывающему слагающую главнымъ образомъ темянную часть вершинной поверхности толщу свѣтло-сѣраго съ розоватыми выцвѣтами тонкосложеннаго тура, разбитаго многочи-

синевою безоблачнаго неба, съ безпредѣльнымъ моремъ свѣта и блеска, разлитыхъ вокругъ насъ, съ величіемъ и красотой развертывающихся панорамъ. Какимъ-то особенно любовно-сіяющимъ прощальнымъ взглядомъ, какъ что-то безконечно дорогое окидывалъ я въ послѣдній разъ зачарованныя мѣста. Я начиналъ какъ-будто забываться. Великолѣпіе дѣйствительности сливалось съ неясной мечтой. Казалось, чудо возрожденія свершилось здѣсь съ моей душой, и свѣтлый геній вдохновенья склонился тихо надо мной.

ГЛАВА XI.

Спускъ съ вершины.—Подъ кровомъ тумана и сумрака.—Въ ожиданіи восхода луны —Вѣхи выручили.—Уснувшій бивакъ.—Царство льдовъ и огня.—Сонъ или чуткая дремота?—Импровизированная обсерваторія.—Прощальный взглядъ.—Въ обратный путь.—По знакомой дорогѣ.—У трескучаго костра.—Стрѣлки.—На сыромъ берегу.—Въ знакомой средѣ.—«Шайтаны».—Подъ звуки вольной пѣсни.—Кони стали.—Ночь на сѣнокосѣ.—Послѣдній аккордъ.

Ровно въ шесть часовъ вечера по пятигорскому времени мы начали спускъ по протоптаннымъ слѣдамъ, а въ половинѣ седьмого достигли того мѣста на сѣдловинѣ, гдѣ лежали оставленныя нами вещи. Прогалинка съ водой начинала уже затягиваться по краямъ тонкимъ ледкомъ. Мы съ наслажденіемъ выпили по кружкѣ студеной живительной влаги, взвалили на плечи руксаки, сильно отягченные теперь образцами вершинныхъ Эльбрус-

сленными трещинами на скорлупы неправильной формы, примѣшано много крутыхъ мелкихъ кусковъ черной, сѣрой и бурой лавъ, разбросанныхъ преимущественно на поверхности западной стѣнки. Темянная площадка, точно голова запятой, переходитъ въ западную стѣнку воронки кратера, продолжаясь на сѣверъ въ видѣ такого же сухого, лишеннаго снѣговаго покрова хребта, длиною до 40 саженъ, который, нѣсколько понижаясь, округло поворачиваетъ на востокъ и тянется въ этомъ направленіи еще саженъ на двадцать въ видѣ бортоваго скалистаго кряжика, почти совершенно не засыпаннаго сверху лавовыми обломками, какъ это имѣетъ для другихъ частей вершинной поверхности и заканчивающагося уступами свѣтло-сѣрыхъ лавовыхъ скалъ, уже лишенными туфоваго покрова и прикрытыми лишь тонкимъ слоемъ мельчайшихъ лапилли и сѣрнымъ налетомъ. Эти скалы обрываются метровъ на двадцать надъ заполняющими нижнія части воронки снѣжными массами, тогда какъ граница снѣговой линіи на внутреннихъ склонахъ стѣнокъ воронки кратера вообще постепенно поднимается въ направленіи на юго-западъ, югъ, юго-востокъ, востокъ и ширина обнаженной отъ снѣга полосы на обнаженныхъ къ сѣверу слегка пологихъ склонахъ южной стѣнки воронки не превышаетъ уже двухъ саженъ. Тамъ подлѣ темянной выпуклости выступаютъ мѣстами свободныя отъ туфовой покрышки коренныя породы, тождественныя повидимому съ породами сѣвернаго борта воронки. Онѣ представляютъ значительныя микроскопическія и химическія отличія отъ типичныхъ дацитовъ и заслуживаютъ, кажется, спеціальнаго названія «пантеллеритъ-дацита». *Прим. авт.*

Помѣщая на ст. 127 чертежъ П. Лысенкова, поясняющій выше приведенное описаніе, считаемъ не безынтереснымъ добавить, что, согласно заявленію П. Лысенкова, количество снѣга въ 1907 г. было значительно меньше, дно воронки было глубже и верхній край снѣжнаго покрова былъ саженъ на 5 ниже. *Прим. ред.*

скихъ породъ, и быстрыми большими шагами, почти бѣгомъ, спотыкаясь и глубоко проваливаясь мѣстами въ снѣгъ, связанные на всякій случай веревкой добрались въ 7 час. 40 мин. вечера къ «Пріюту Пастухова». Солнце успѣло низко опуститься; его лучи скользили теперь по ребристому краю склоновъ конуса западной вершины, и въ легкой облачной дымкѣ надъ Баксанской долиной, на фонѣ вершинныхъ гребней сопровождающихъ ее хребтовъ проэктировалось теперь окаймленное цвѣтными полосами контурное изображеніе ребровой линіи склоновъ западной вершины. Становилось довольно прохладно. Снизу наползалъ густой туманъ. Мы немного передохнули подъ скалой, съѣли по яблоку, уцѣлѣвшему въ нашихъ карманахъ и захвативъ предупредительно оставленный Ройхелемъ дорожный плащъ для Лысенкова, пустились въ дальнѣйшій путь. Начинало темнѣть. Ноги слишкомъ устали. Подтаявшій за день фирновый покровъ значительно затруднялъ путь. Шагъ становился неувѣреннымъ. Туманъ сгущался все сильнѣе. Онъ уже окутывалъ насъ. Вдали неясно чернѣли путеводныя скалы на высотѣ 4100 метр. Мы едва успѣли оріентировать по нимъ нашъ путь, какъ туманъ скрылъ совсѣмъ ихъ изъ виду. Въ 9 час. 20 мин. мы добрались до скалъ. О томъ, чтобы идти впередъ, нечего было и думать. Въ туманѣ легко было заблудиться въ лабиринтѣ трещинъ. Оставалось ждать, пока разсѣется туманъ и взойдетъ луна. Мы вырыли на склонѣ подлѣ скалъ небольшое углубленіе въ размякшемъ фирнѣ, сняли кошки, обернули ноги въ нѣсколько листовъ газетной бумаги, всунули ихъ въ освобожденные отъ всякихъ вещей руксаки, воткнули поглубже въ фирнъ палки, чтобы онѣ случаемъ не свалились и не скатились внизъ и закутавшись въ плащи, улеглись. Только плащъ Ройхеля былъ далеко не достаточенъ на богатырскій ростъ Лысенкова и толщина его внушала послѣднему большія сомнѣнія относительно его способности защитить отъ холода снѣговаго ложа. Лысенковъ немного не расчиталъ трудности пути и былъ, оказывается, вполнѣ увѣренъ, что намъ удастся вполнѣ счастливо проскочить опасныя мѣста въ районѣ трещинъ и избѣжать не особенно улыбавшихся ему своеобразныхъ прелестей «святого подроганья», какъ называлъ онъ предстоящую ночевку прямо на фирнахъ. Я, какъ могъ, старался успокоить его, что туманъ долженъ разсѣяться, и скоро взойдетъ луна. Но у него справедливо возникли сомнѣнія, сбудется-ли все такъ, какъ я предполагалъ, и мнѣ оставалось только поплотнѣе закутаться въ плащъ и вздремнуть, чтобы не мерзнуть напрасно и не тратить времени на безплодные разговоры. Чрезмѣрное напряженіе не прошло Лысенкову даромъ; его, видимо, начинала трясти лихорадка, и до меня доносились сквозь сонъ, какъ сильно порою стучали его зубы. Къ счастью, мои предположенія оправдались, и въ одиннадцать часовъ вечера Лысенковъ уже тормошилъ меня, радостно сообщая, что Эльбрусъ совершенно чистъ, тумана нѣтъ и слѣда и луна ярко сіяетъ надъ подмерзшими снова фирновыми полями. Быстро были сложены вещи, подвязана веревка, и мы по сокращенному пути спустились по небольшому крутому склону къ послѣдней террасообразной возвышенности, у краевъ которой предстояло натолкнуться на трещины. Но при свѣтѣ луны мы скоро

увидѣли разставленныя утромъ вѣшки, чернѣвшія на бѣломъ фонѣ фирновыхъ полей, провѣрили послѣдовательность ихъ нумераціи и послѣ этого уже увѣренно переходили опасныя мѣста, а ровно въ полночь подошли къ Терскольскому пику, у основанія котораго продолжалъ тихо журчать ручей, даже сверху не подернутый ледкомъ, такъ какъ морозу было всего $^1/_2$ градуса.

Въ «Пріютѣ Надежды» царила глубокая тишина. Всѣ спали крѣпкимъ сномъ. На лицо не было только И. И. Медвѣдкова, казака В. Лысенкова, Бачая и В. М. Ройхеля, предпочевшихъ заночевать въ пещерѣ надъ озерцами. Насъ некому было встрѣчать; ѣсть какъ-то совершенно не хотѣлось и, выпивъ по кружкѣ холодной воды, зачерпнутой Лысенковымъ въ сосѣднемъ ручьѣ, мы завернулись въ приготовленные для насъ тулупы и уснули богатырскимъ сномъ, полные впечатлѣній пережитаго дня. Чуть доносилось журчаніе ручья. Гулкимъ эхомъ пронесся по окрестнымъ ущельямъ оглушительный грохотъ сорвавшейся съ крутизнъ Донгузъ-оруна лавины. Снова все стихло крутомъ. Лишь небо высилось ночное съ невозмутимостью святой и надъ любовію земною, и надъ земною суетой.

Закованный въ броню снѣга и льда Эльбрусъ охранялъ нашъ покой. Задумчиво сіяла луна надъ его обширными фирновыми полями съ выступающими на поверхности ихъ кое-гдѣ небольшими грядками лавовыхъ скалъ и нагроможденныхъ обломковъ. Мощные покровы болѣе древнихъ лавъ погребены подъ толщею фирновъ. Нѣкогда излились онѣ на граниты и гнейсы, выступающіе въ глубинѣ окрестныхъ ущелій, выполнили неровности былого рельефа, и распространились далеко за предѣлы той площади, которая служитъ какъ-бы платообразнымъ основаніемъ гордо вздымающагося къ небу теперешняго двуглаваго конуса Эльбруса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти лавы скопились въ большомъ количествѣ и образовали широкія террасы, въ другихъ заполнили на много верстъ узкія глубокія долины, гдѣ онѣ остались не прикрытыми въ своихъ свободныхъ отъ снѣгового и ледяного покрова частяхъ болѣе новыми потоками лавъ, тамъ рука временъ наложила на нихъ свою разрушительную печать въ большей степени, нежели въ тѣхъ случаяхъ, когда по ихъ поверхности разлились новѣйшіе андезитовые потоки, получившіе при своемъ основаніи красивыя формы столбчатой отдѣльности.

Въ древней конечной моренѣ былого могучаго Баксанскаго ледника, возвышающейся въ видѣ поперечнаго вала верстахъ въ пяти выше сел. Урусбіева, а также въ остаткахъ боковой морены на лѣвомъ берегу въ верхней части долины Баксана, ближе къ устью р. Ирика, мнѣ лично не приходилось встрѣчать валуновъ, относящихся къ тѣмъ сѣроватымъ и чернымъ съ буровато-красными участками трахитообразнымъ породамъ, которыя слагаютъ собою основаніе величественнаго конуса Эльбруса и въ изобиліи попадаются въ видѣ обломковъ въ моренахъ сравнительно болѣе поздняго происхожденія. Есть, правда, опредѣленное указаніе на то, что въ верховьяхъ р. Малки наблюдается послѣдовательное напластованіе древнихъ лавъ и мощнаго мореннаго покрова и разлившагося поверхъ его новѣйшаго лавоваго пото-

ка; но съ другой стороны въ послѣднее время приводится не менѣе заслуживающее довѣрія свидѣтельство, что въ указанномъ мѣстѣ дѣло идетъ только о прислоненныхъ къ склонамъ древнихъ лавовыхъ покрововъ моренныхъ толщахъ, смытыхъ въ своемъ основаніи сильно углубившей свое русло въ каменномъ ложѣ рѣкой, и сама моренная толща вовсе не подстилаетъ въ буквальномъ смыслѣ болѣе новыхъ черноцвѣтныхъ лавовыхъ потоковъ.

Такимъ образомъ, едва-ли есть незыблемое основаніе съ достаточной увѣренностью утверждать, что эти древніе лавовые покровы увидѣли Божій свѣтъ еще до того времени, какъ наступила эпоха великаго обледенѣнія Кавказа, отъ которой въ мощной толщѣ моренъ, обнаженныхъ въ долинѣ р. Терека, остались многочисленные валуны, принадлежащіе къ трахитообразнымъ дацитовымъ такситамъ и дацитамъ древнихъ лавъ, слагающихъ основаніе Казбека. Возможно, что имъ не пришлось быть свидѣтелями того грандіознаго зрѣлища, какъ пробудившіяся вулканическія силы растопили ледяную броню и дали начало какъ самому двуглавому великану Кавказа, такъ и многочисленнымъ лавовымъ потокамъ, излившимся изъ него въ окрестныя долины и ущелья, гдѣ приходилось имъ мѣстами низвергаться каскадами и разрываться на отдѣльныя части, застывшія въ нѣмомъ оцѣпенѣніи. И тѣ, и другіе потоки и покровы лавъ, быть можетъ, представляютъ собою только двѣ фазы различной степени напряженія и различной формы проявленія вулканической дѣятельности, не раздѣленныя какой-либо промежуточной эпохой обледенѣнія, а напротивъ, сами имѣвшія мѣсто послѣ окончанія эпохи великаго обледенѣнія и передъ началомъ новой, съ несравненно меньшей областью распространенія вообще и въ частности постепенно сокращающейся на нашихъ же глазахъ, какъ свидѣтельствуютъ хотя бы ряды конечныхъ моренъ современнаго Азаускаго глетчера, значительно отступившаго съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Умолкли-ль навсегда тѣ силы, которыя воздвигли Эльбрусъ, покрытый въ настоящее время бѣлымъ саваномъ снѣга и льда? Мы располагаемъ нѣкоторыми данными, которыя позволяютъ до нѣкоторой степени освѣтить этотъ вопросъ. Но говоря уже о многочисленныхъ углекислыхъ холодныхъ источникахъ, которые бьютъ въ окрестностяхъ Эльбруса и въ верховьяхъ Баксана, у верховьевъ Киртыка и истоковъ Малки, нельзя не отмѣтить присутствія въ верховьяхъ послѣдней рѣки, на сѣверныхъ склонахъ Эльбруса, мощныхъ горячихъ углекислыхъ источниковъ, пользующихся громкой славой цѣлебныхъ у окрестныхъ горцевъ.*) Изъ личныхъ своихъ наблюденій еще по 1907 году, подтвержденныхъ въ 1908 году, могу указать на сильный запахъ сѣрнаго газа, наблюдавшійся какъ у разсѣлинъ лавовыхъ кряжей на фирновыхъ поляхъ южныхъ склоновъ Эльбруса на высотѣ 3600—3550 метр., такъ и на лавовыхъ осыпяхъ, спускающихся съ восточной вершины въ сторону сѣдловины; не могу вмѣстѣ съ тѣмъ не отмѣтить и того факта, что у юго-восточнаго края прорыва восточной воронки наблюдается валообразный покровъ лавъ пепельно-сѣраго, почти бѣлаго цвѣта очень небольшого удѣльнаго вѣса

*) См. Ежег. К. Гор. Об-ва № 3. *Прим. ред.*

и довольно пористаго сложенія, приближающаго ихъ къ пемзамъ; равнымъ образомъ, почти сплошное отсутствіе снѣгового покрова на вершинной поверхности восточной воронки, столь благопріятной, казалось бы, по своей формѣ именно накопленію его, едва-ли можно объяснить исключительно результатомъ дѣйствія господствующихъ юго-западныхъ вѣтровъ, каковое объясненіе предлагается для объясненія бѣдности снѣгового покрова на юго-западныхъ и южныхъ склонахъ обѣихъ вершинъ; вѣдь дѣйствію этихъ вѣтровъ не въ меньшей мѣрѣ открыто плато юго-восточнаго плеча западной вершины, а между тѣмъ мы наблюдаемъ тамъ обильный снѣговой покровъ, но только съ характерными фигурами выдуванія; обращаетъ на себя вниманіе также покровная толща шлакообразныхъ туфовъ и мелко-раздробленнаго пестроцвѣтнаго лавоваго матерьяла на темянной части восточной вершины. Если принять все это въ соображеніе въ связи съ замѣчавшимся въ послѣдніе годы небольшими подземными ударами въ районѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ и отмѣченнымъ въ бюллетеняхъ Тифлисской обсерваторіи внезапнымъ образованіемъ 6-го октября 1900 г. двухъ темныхъ пятенъ на восточной части темени восточной вершины Эльбруса, повидимому, запорошенныхъ снѣгомъ только черезъ два дня, а также съ наблюденнымъ въ самое послѣднее время въ верховьяхъ р. Малки нѣсколько повышеннымъ содержаніемъ углекислаго газа въ самомъ воздухѣ по сравненію съ нормальнымъ, то невольно приходитъ на мысль, что очагъ могучихъ вулканическихъ силъ, потрясавшихъ нѣкогда весь край, и по нынѣ не угасъ еще совершенно въ нѣдрахъ потухшаго по внѣшнему виду вулкана, и что можетъ быть старый Минги-тау подъ своей ледяной броней не спитъ непробуднымъ сномъ, а только чутко дремлетъ.

4-го августа въ 7 часовъ вечера, весь бивакъ былъ уже на ногахъ. Небо было совершенно чисто. Снѣжныя вершины переливали на солнцѣ своими безчисленными брилліантами. Густыя тѣни, покрывавшія склоны ущелій, постепенно таяли въ лучахъ поднимавшагося солнца. Казаки наканунѣ успѣли испортить послѣднюю керосинку, такъ что о горячемъ чаѣ или кофе пока нечего было и думать. Между тѣмъ, термометръ показывалъ не полные четыре градуса по Цельсію, и въ воздухѣ чувствовалась замѣтная прохлада. А тамъ, внизу, зеленѣли луга и лѣса, горячѣй грѣло ясное солнышко, ждали товарищи съ чаемъ, какао и, можетъ-быть, даже съ вкуснымъ дымящимся шашлыкомъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ, и черезъ какихъ-нибудь полчаса на «Пріютѣ Надежды» оставались только П. Г. Лысенковъ со мною. Пока онъ укладывалъ въ тюки оставшіяся на нашу долю вещи, я сдѣлалъ послѣднія отмѣтки на термометрѣ и окончательно укрѣпилъ его въ горизонтальномъ положеніи на шнуркахъ въ разсѣлинѣ на вершинѣ Терскольскаго пика, оставивъ достаточно мѣста для свободнаго тока воздуха и сложивъ наверхъ изъ лавовыхъ обломковъ небольшую пирамидку. Минимальная температура за 2, 3 и 4 августа, по показанію термометра, было около 2^0 С., ниже нуля, а максимальная 15,5 С. выше нуля. Въ $8^1/_2$ часовъ утра, сдѣлавъ послѣдніе фотографическіе снимки и бросивъ съ высоты Терскольскаго пика прощальный взглядъ на свер-

кающій во всемъ своемъ величіи Эльбрусъ и цѣпь Кавказскихъ горъ, мы покинули послѣдними „Пріютъ Надежды“, гдѣ снова воцарилась невозмущаемая больше людскою рѣчью тишина. Занявшись попутно собираніемъ растеній, мы тѣмъ самымъ нѣсколько затянули наше возвращеніе, и только къ часу дня добрались къ Кочкаровскому кошу, гдѣ пиръ, что называется, въ то время шелъ горой. Все населеніе коша было на лицо и выражало, какъ умѣло, свою радость по случаю нашего благополучнаго возвращенія; наши обожженныя, почернѣвшія физіономіи и покрытые водянистыми волдырями губы и носы, приводили горцевъ положительно въ восхищеніе, и даже молодыя дѣвушки, забывъ свою застѣнчивость съ любопытствомъ подходили близко къ намъ и весело смѣялись; дѣтвора предпочитала въ это время опоражнивать кастрюлю съ вкуснымъ какао. Время быстро летѣло, и шелъ уже пятый часъ, когда мы распростились съ привѣтливыми хозяевами, оставшимися, повидимому, вполнѣ удовлетворенными полученіемъ съ насъ четырехъ рублей за барашка и трехъ рублей за все прочее. Теперь не было ни дождя, ни тумана. Азауская котловина представляла собой чудное сочетаніе красокъ темнаго сосноваго лѣса, яркой зелени березъ, лоховника и сочной травы, разбѣгающихся серебристыми змѣйками ручьевъ, ослѣпительной бѣлизны льдовъ, сѣрыхъ скалъ и залитой солнечнымъ свѣтомъ синевы небесъ. Разбившись на группы мы довольно быстро миновали ее, а въ половинѣ шестого насъ встрѣтили уже затосковавшіеся было подводчики, которымъ пришлось довольно дорого заплатить хуторянамъ за сѣно. Бачай получилъ условленные двадцать пять рублей, не считая двѣнадцати съ полтиной за пять дней службы ишака, изъ которыхъ, впрочемъ, два дня послѣдній преспокойно пасся на лужайкѣ близъ котловины съ озерцами въ ожиданіи своего хозяина, и простился съ нами въ Иткольскомъ хуторѣ, провожая насъ самыми наилучшими пожеланіями. Въ лѣсу, за мостомъ близъ устья Адылъ-су, насъ захватила ночь. Весело затрещалъ огромный костеръ изъ сухихъ сосновыхъ вѣтвей. Съ помощью встрѣтившагося намъ на пути молодого стражника Сеида удалось раздобыть въ ближайшемъ хуторѣ съ десятокъ свѣже испеченныхъ пшеничныхъ лепешекъ; закипѣли чайники; и только къ полуночи стихъ оживленный говоръ у догоравшихъ головней. На слѣдующій день рано утромъ мы тронулись въ путь и, рѣшивъ не безпокоить князя, запаслись проѣздомъ въ Урусбіевѣ только хлѣбомъ и курицами, а привалъ устроили въ двухъ верстахъ отъ селенія, на берегу Баксана, въ тѣнистомъ лѣсу на зеленой травѣ, среди живописно разбросанныхъ, поросшихъ мхомъ и лишайниками гранитныхъ и гнейсовыхъ скалъ. Казаки закинули сѣть въ мутныя волны Баксана, и чудная жирная крупная форель съ честью украсила нашъ столъ. Завтракъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ранній обѣдъ, закончился торжественнымъ разстрѣляніемъ послѣдней опорожненной винной бутылки, поставленной въ видѣ цѣли на скалѣ. Счастливымъ стрѣлкомъ, попавшимъ мѣтко въ цѣль, оказался нашъ молодой подводчикъ—казакъ, что нѣсколько огорчило страстнаго охотника-сибиряка, вознаградившаго себя великолѣпнымъ выстрѣломъ въ тонкую палку, помѣщенную на мѣстѣ разбитой бутылки. Ночевать намъ пришлось на этотъ разъ

опять подлѣ Атажукинской мызы въ тѣснинѣ Баксана, казавшейся еще болѣе величественной въ поздній вечерній часъ. Мы попытались было взобраться на крутой скалистый уступъ, гдѣ высится надъ бѣшенно шумящимъ внизу Баксаномъ бѣлая стѣна ограды; но на нашъ стукъ въ ворота никто не вышелъ, и пришлось спуститься ни съ чѣмъ къ влажной лужайкѣ надъ рѣкой. Утро 6-го августа застало насъ въ Верхнемъ (2-мъ) Атажукинѣ, гдѣ въ садикѣ русской казачки-вдовы, открывшей съ мужемъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ торговлю въ кабардинскомъ аулѣ и вполнѣ усвоившей ихъ языкъ, намъ подали и традиціонный самоваръ «съ музыкой», и чудные арбузы изъ станицы Прохладной, и великолѣпную яичницу. Невольно клонило ко сну, когда сильно пригрѣло солнышко, и фургоны быстро покатились по укатанной дорогѣ среди стоговъ скошеннаго снѣга, колосящихся нивъ и необозримаго моря подсолнуховъ. Наши густо покрытыя цинковой мазью лица, точно выкрашенныя въ бѣлую краску, невольно обращали на себя вниманіе встрѣчныхъ и громкіе крики: «шайтанъ! шайтанъ!» дѣтворы провожали насъ по улицамъ ауловъ. Когда солнце начало склоняться къ западу и зной значительно спалъ, все какъ-то оживилось, и успѣвшую за недѣлю сильно поубавиться Малку мы переѣхали подъ звуки старинныхъ пѣсенъ гребенскихъ и сунженскихъ казаковъ, въ грустныхъ мелодіяхъ которыхъ такъ много чарующей прелести. Большой дневной перегонъ сильно утомилъ лошадей, изрядно подбившихъ себѣ ноги въ Наурузовскихъ тѣснинахъ на крутыхъ спускахъ и подъемахъ при переправахъ черезъ боковые притоки Баксана, глубоко прорывшіе себѣ русло среди нагроможденныхъ каменистыхъ выносовъ. Оставалось какихъ-нибудь пятнадцать-двадцать верстъ до Пятигорска. Въ ночномъ сумракѣ ясно выдѣлялись свѣтящіяся группы электрическихъ огней надъ Ессентуками, Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ. Начиналъ накрапывать маленькій дождикъ. А лошади окончательно отказывались идти дальше и, несмотря на всякія понуканія, еле-еле плелись по дорогѣ. Волей-неволей пришлось свернуть немного въ сторону и заночевать подъ стогами сѣна. Къ счастью, дождикъ только немножко покрапалъ. Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, мы быстро уложились и тронулись дальше навстрѣчу начинавшимъ одна за другой вырисовываться горамъ Пятигорья, надъ которыми все ярче и ярче разгоралась заря. Самъ я наканунѣ, немного не доѣзжая мѣста ночлега, обронилъ свой башлыкъ и отправился въ поиски за нимъ. Кругомъ, куда ни погляди, высились безъ конца высокіе стога. Незамѣтно ушелъ слишкомъ далеко отъ дороги; свернулъ куда-то въ сторону, откуда доносился стукъ колесъ, принятыхъ мной за шумъ удалявшихся нашихъ фургоновъ; вскорѣ послышалось пѣніе пѣтуховъ и когда я добрался до края возвышеннаго плато, по которому все время шелъ на востокъ, предо мной раскинулась въ котловинѣ только что пробуждавшаяся отъ сна Зольская станица съ ея обычной трудовой жизнью. Медленно тянулись по дорогѣ въ гору фургоны на ближайшія поля и покосы. Перекликались пѣтухи. Лаяли собаки, завидя издали незнакомца. Потянулись струйки синеватаго дыма надъ кровлями... Мои спутники были уже далеко. Двадцать пять верстъ отдѣляло меня отъ Пяти-

горска. Мнѣ надо было взять направленіе на сѣверо-западъ къ Золотому Кургану мимо Новаго Бабукова, а оттуда уже на Тамбуканскія озера. Я какъ-то не чувствовалъ особой усталости. Напротивъ, чистый утренній воздухъ полей какъ-то бодряще дѣйствовалъ на меня, и отдавшись весь воспоминаніямъ о чудныхъ, какъ волшебная сказка, быстро пролетѣвшихъ десяти дняхъ, я быстро подвигался впередъ. Вотъ и Малый Тамбуканъ. Онъ совершенно высохъ. Бѣлесовато-зеленые, мясистые съ чешуйчатыми листочками низкіе кустики стелящихся солончаковыхъ растеній покрывали мѣстами густо его дно, окаймленное невысокимъ барьеромъ буровато-красныхъ желѣзистыхъ плотныхъ песчаниковъ. Два-три лошадиныхъ скелета одиноко бѣлѣли на унылыхъ берегахъ. А выше опять изумрудная зелень луговъ и захватывающій ароматъ свѣжаго сѣна съ бодрящей прохладой августовскаго утра. Въ 8 часовъ утра я стоялъ уже на краю Кабардинскаго плато надъ раскинувшейся подъ ногами Горячеводскою станицей. Далеко впереди быстро катились подъ гору подводы съ моими спутниками, и въ девять часовъ утра 7-го августа они уже въѣзжали въ освѣщенный солнцемъ Пятигорскъ. Только Эльбрусъ и главная цѣпь были покрыты теперь тучами и облаками, изъза которыхъ только чуть-чуть проглядывали бѣлоснѣжныя маковки вершинъ сѣдого великана, словно посылали привѣтъ тѣмъ, на долю которыхъ выпало принять участіе въ первой многолюдной русской туристической экскурсіи въ заоблачную высь, на склоны сѣдого великана Кавказа, такъ широко открывшаго имъ свои ледяныя объятія.

ГЛАВА XII.

На знакомыхъ мѣстахъ.—Швейцарскіе туристы.—По примѣру прошлыхъ лѣтъ.—На восточной вершинѣ Эльбруса.—Торжество альпинизма.—Кавказъ подъ ногами.—Край гордой красоты.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Не мало было допущено промаховъ при организаціи этой экскурсіи*), что вызывало справедливыя пареканія участниковъ. Какъ всякое новое дѣло, она не обошлась безъ шероховатостей. Но результаты, достигнутые во время этой экскурсіи, съ лихвой вознаградили за всѣ лишенія. Второй изъ русскихъ путешественниковъ въ сопровожденіи жителя русской казачьей станицы до-

*) Общій расходъ по экскурсіи немного превысилъ триста рублей, такъ что на долю каждаго изъ семи платныхъ участниковъ пришлось внести въ кассу по сорока пяти рублей. Фургонщики получили по три рубля каждый въ сутки; содержатель рессорной линейки по четыре, а казаки по полтора рубля.

стигъ высшей точки Кавказа и Европы черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ впервые нога европейца вступила вообще на вершину Эльбруса. При всѣхъ недочетахъ въ снаряженіи и отсутствіи необходимаго опыта, большинство участниковъ могло насладиться съ бельведера, достигающаго или даже превосходящаго, высшую послѣ Эльбруса гору Кавказа Дыхъ-тау, дивными красотами царственной природы, возвышающей духъ человѣка надъ треволненіями и мелочами жизни и укрѣпляющей его въ тяжелой жизненной борьбѣ за лучшіе идеалы человѣчества.

Прошло два года. За это время успѣлъ нѣсколько пробудиться въ русскомъ обществѣ интересъ къ двуглавому великану, и нѣсколько десятковъ туристовъ такъ или иначе попытали счастья побывать на его фирновыхъ поляхъ. Но слава о недоступности самой вершины продолжала находить себѣ многочисленныхъ сторонниковъ, и даже въ печати высказывалось недвусмысленное предположеніе о ложности показаній Лысенкова и неразлучнаго съ нимъ юнаго спутника, какъ мало внушавшаго довѣрія всѣмъ своимъ тщедушнымъ видомъ и убогимъ дорожнымъ, болѣе чѣмъ примитивнымъ, снаряженіемъ.

Но вотъ судьба опять забрасываетъ въ родныя мѣста Лысенкова, Дубянскаго и гг. Исаева и Ерчиковскаго (преподавателей Варшавскаго Политехническаго Института, располагавшихъ по крайней мѣрѣ важнѣйшими приспособленіями для высокогорныхъ экскурсій). Утромъ 9-го августа 1910 г. означенныя лица съ Бачаемъ Урусбіевымъ при почти безоблачномъ небѣ достигли «Пріюта Надежды», гдѣ ихъ встрѣтили проведшіе наканунѣ тамъ ночь два швейцарскихъ инженера-туриста Hug и de-Rham (изъ Лозанны), успѣвшіе уже сдѣлать отмѣтки на провисѣвшемъ два года въ разсѣлинѣ на вершинѣ Терскольскаго пика термометрѣ Дубянскаго (минимумъ около 40° ниже нуля по С., а максимумъ около 16° тепла). Они поднялись къ «Пріюту Надежды» со стороны Терскольскаго ледника и любезно уступили намъ свое мѣсто, перебравшись сами нѣсколько ниже.

Прекрасная погода, простоявшая цѣлый день, дала возможность снять рядъ панорамныхъ снимковъ (часть цвѣтной фотографіи и телеобъективовъ) съ убѣгающихъ вдаль на юго-востокъ и сѣверо-западъ снѣговыхъ колоссовъ Главнаго Кавказскаго хребта, словно выстроившихся на генеральномъ смотру предъ своимъ державнымъ сѣдовласымъ вождемъ; а величественная картина особаго свѣченія довольно широкой у основанія и постепенно суживающейся къ зениту полосы небеснаго свода на противоположной заходящему солнцу части его въ тихій ясный августовскій вечеръ, такъ напоминающій подлинный зодіакальный свѣтъ, оставила у всѣхъ глубокое впечатлѣніе, точно предвѣстникъ счастливаго исхода задуманнаго дѣла.

Въ полночь, при мягкомъ сіяніи луны, небольшой караванъ изъ пяти человѣкъ, связанныхъ веревкой, двинулся по фирновымъ полямъ въ сѣверо-западномъ направленіи (обнаженныхъ отъ фирна участковъ теперь не было видно вблизи Терскольскаго пика) къ группѣ лавовыхъ скалъ на высотѣ 4100 метр., дѣлая небольшія отклоненія въ сторону для обхода незначи-

тельныхъ трещинъ. Тамъ, на широкой фирновой террасѣ, пришлось оставить съ ослабѣвшимъ Бачаемъ теплыя вещи, а затѣмъ повернуть на сѣверо-востокъ и дѣлать зигзаги въ виду значительной крутизны склона отходящаго отъ конуса восточной вершины отрога съ плотнымъ, мѣстами оледенѣлымъ, фирномъ.

Быстро близилась къ концу сравнительно теплая ($1^1/_2{}^0$ С. мороза) ночь. Ярко вспыхнула на сѣверо-востокѣ красавица Венера. Восточные края небосвода окрасились въ пурпурно-фіолетовый, желтый и оранжево-зеленый тона. Въ 4 часа огненный шаръ какъ-то сразу предсталъ предъ нашими глазами, точно нависъ гдѣ-то далеко ниже насъ въ безбрежномъ просторѣ пространства съ безконечно далекимъ горизонтомъ. Косые лучи солнца позолотили темя восточной и западной вершинъ. Надъ убѣгающими къ Черному морю, свободными отъ облаковъ, хребтами, явственно обрисовались слои атмосферы, послѣдовательно-окрашенные въ синеватый, блѣдно-оранжевый цвѣта, а на границѣ первыхъ двухъ сталъ намѣчаться красивый интенсивно-индиговый тѣневой контуръ гребневой части отрога, по которому двигались путники, отступая все дальше и дальше на западъ по гребнямъ хребтовъ, пока солнце, играя переливнымъ розовато-золотистымъ пурпуромъ на вершинныхъ снѣгахъ, не поднялось достаточно высоко.

На «Пастуховскомъ Пріютѣ» отсталъ г. Еричковскій, не успѣвъ дойти до того мѣста, откуда раскинулась синѣющая даль Чернаго моря; а остальные путники, подвязавъ кошки, взяли курсъ опять на сѣверо-западъ къ нижнему концу краевыхъ лавовыхъ осыпей на южныхъ склонахъ восточной вершины, куда и подошли въ 12 час. 15 мин. дня. Дальнѣйшій подъемъ по крутымъ склонамъ конуса восточной вершины, засыпаннымъ обломками сѣровато-черныхъ лавъ, только мѣстами покрытыхъ слежавшимся снѣгомъ, частью скрѣпленныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тоненькой, прозрачной, слегка подтаявшей ледяной коркой, и одинокими глыбами пепельно-сѣрыхъ новѣйшихъ лавъ, не требовалъ больше помощи веревки, но по затратѣ физической энергіи при почти сорокаградусномъ уклонѣ, представлялъ очень большія затрудненія. Сильно стучало въ вискахъ; не прекращался шумъ въ ушахъ; становились невыносимыми приступы тошноты; одолѣвала сонливость; дыханье было затруднено въ высокой степени, и послѣ каждыхъ десяти шаговъ приходилось останавливаться или присѣдать на нагрѣтыя солнышкомъ скалы. И только дивная, захватывающая, величественная красота развертывавшихся по мѣрѣ поднятія вверхъ картинъ, толкала впередъ и удерживала отъ малодушнаго отступленія, маня воображеніе таинственной неизвѣстностью.

Въ три часа дня мы достигли одинъ за другимъ завѣтной восточной вершины. Страшный порывъ сѣверо-западнаго вѣтра положительно сшибъ меня съ ногъ, и я повалился ничкомъ на обнаженную мелко-обломочную поверхность темени вершины, покрывшись плащемъ и не попадая зубъ на зубъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ припадкѣ горной лихорадки; другой изъ насъ, обезсиленный въ концѣ усталостью и тошнотой, прикурнулъ подъ защитой гребневыхъ скалокъ и сладко проспалъ минутъ двадцать пять; только

Лысенковъ не унывалъ и, распустивъ громадный парусиновый зонтъ, прикрѣпленный къ его самодѣльному альпенштоку, торжественно присѣлъ подъ нимъ на знакомой уже ему по 1907 году вершинѣ. Тамъ спокойно высился, перевитый снѣжно-бѣлымъ, развѣваемымъ вѣтромъ полотнищемъ стальной ледорубъ, водруженный Петромъ Гавріиловичемъ еще 6 августа 1907 года въ сложенномъ имъ же самимъ полуторааршинномъ каменномъ турѣ. Въ заложенной въ турѣ жестянкѣ поверхъ помѣщенныхъ туда Лысенковымъ моихъ писемъ лежали теперь визитныя карточки Hug'a, и de Rham'a, побывавшихъ здѣсь нѣсколькими часами раньше насъ и успѣвшихъ въ тотъ же день подняться со стороны сѣдловины по нашему пути 1908 года и на западную вершину Эльбруса, со скалъ которой сильные вѣтры сорвали кое-гдѣ снѣговой покровъ, бывшій при нашемъ посѣщеніи ея болѣе цѣльнымъ.

Любо-дорого было смотрѣть, какъ легко подвигались впередъ эти прирожденные альпинисты, съ тринадцати-лѣтняго возраста, по ихъ словамъ, начавшіе бродить по массивамъ и пикамъ родной страны и явившіеся на далекій Кавказъ во всеоружіи многочисленнаго личнаго опыта и новѣйшихъ усовершенствованій въ области одежды, обуви и снаряженія. Какимъ убогимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дерзостно-смѣлымъ долженъ былъ показаться имъ нашъ доморощенный русскій караванъ, во главѣ котораго шелъ здоровенный, обрамленный черной бородой Лысенковъ въ высокой барашковой папахѣ, въ тяжелыхъ простыхъ сапогахъ съ наскоро-прилаженными кошками и самодѣльнымъ альпійскимъ зонтомъ, такъ гармонировавшій съ остальными спутниками, или до извѣстной только степени располагавшихъ альпійскимъ снаряженіемъ, или попросту увѣренно ступавшихъ по фирнамъ Эльбруса въ томъ самомъ костюмѣ и той же самой обуви, въ которыхъ они незадолго передъ тѣмъ прогуливались по дорожкамъ тѣнистаго Кисловодскаго парка.

Съ помощью Лысенкова я въ теченіе цѣлаго часа провозился на вершинѣ съ барометрическими и температурными наблюденіями, зарисовываніемъ общаго плана воронки, фотографированіемъ съ штатива по всѣмъ восьми румбамъ горизонта и собираніемъ петрографическаго матеріала на срѣзанныхъ краяхъ стѣнокъ воронки засыпаннаго снѣгомъ больше, чѣмъ въ 1907 году, но вообще сравнительно не глубокаго кратера, имѣющей прорывъ прямо къ востоку. Тамъ, у юго-восточнаго края прорыва, тянулся саженъ на сорокъ въ видѣ восточнаго плеча вершины, расположеннаго нѣсколько ниже ея, небольшой валъ съ каравасообразнымъ покровомъ пепельно-сѣрыхъ, сильно скважистыхъ лавъ, отдѣльныя глыбы которыхъ попадаются въ небольшомъ количествѣ въ верхнихъ частяхъ лавовыхъ осыпей на южныхъ склонахъ конуса восточной вершины, а въ единичномъ количествѣ были встрѣчены мною и теперь, и въ 1907 г. торчащими въ фирновомъ покровѣ на высотѣ 4440 метровъ, на обращенныхъ къ верховьямъ Ирикскаго глетчера склонахъ основанія Эльбруса. Наружные края вершинной кольцеобразной поверхности воронки были почти совершенно свободны отъ снѣгового покрова и только на сѣверныхъ, обращенныхъ ко внутренности воронки склонахъ темяннаго диска теперь лежалъ сплошной тонкій снѣговой уплотненный покровъ, подступавшій

къ самому основанію каменнаго тура, продолжавшаго выситься на свободномъ отъ снѣга самомъ высшемъ пунктѣ восточной вершины (5593 метра). Вся свободная отъ снѣга вершинная поверхность была покрыта лавовыми обломками, не особенно крупными, окрашенными въ различные оттѣнки отъ чернаго до буровато-розоваго, перемѣщенные съ болѣе крутыми скорлуповатыми кусками туфовъ, мощная толща которыхъ прикрываетъ коренную породу кратерныхъ стѣнокъ, очень хорошо выраженную въ скалистомъ кряжикѣ сѣверной стѣнки, но проглядывающую между прочимъ немного ниже къ востоку отъ темяннаго диска и покрытую сверху, какъ и сѣроватые съ пестрыми выцвѣтами туфы, обильнымъ сѣрнымъ налетомъ и тонкимъ слоемъ мельчайшихъ лапилли.

Температура воздуха на вершинѣ не опускалась ниже—5° С. барометрическое давленіе по провѣренному анероиду давало по непосредственному отсчету 379 миллиметровъ, а послѣ введенія необходимыхъ поправокъ 375 миллиметровъ. Только сѣверо-восточный вѣтеръ дулъ все время съ страшной силой и срывалъ штативъ аппарата. Всѣ великаны Главнаго Кавказскаго хребта, Казбекъ и Тебулосъ на далекомъ востокѣ, чернѣющія глубокія долины Баксана, Ингура, Накры и истоковъ Кубани, Сванетскія альпы съ Лайлой и Штавлеромъ, убѣгающія зеленѣющими террасами, слегка покатыми къ сѣверу, передовые хребты, обрывающіеся къ югу крутыми бастіонами Бирмамыта и Алмала-Кая съ ихъ собратьями, вершинные гребни Абхазіи и Имеретіи, цвѣтущія долины Закавказья, упирающіяся въ подернутыя легкой дымкой моря, безпредѣльныя степи и лакколиты Пятигорья съ грандіознымъ Бештау на первомъ планѣ и синѣющія горныя цѣпи Малаго Кавказа со стройными, горделивыми контурами царственнаго Арарата и Алагеза,— вотъ что схватывалъ восхищенный и растерянный взоръ путника съ заоблачныхъ высей восточной вершины Эльбруса въ этотъ рѣдкій солнечный августовскій день, когда небо озаряло своей лучезарной улыбкой буквально весь Кавказскій Край.

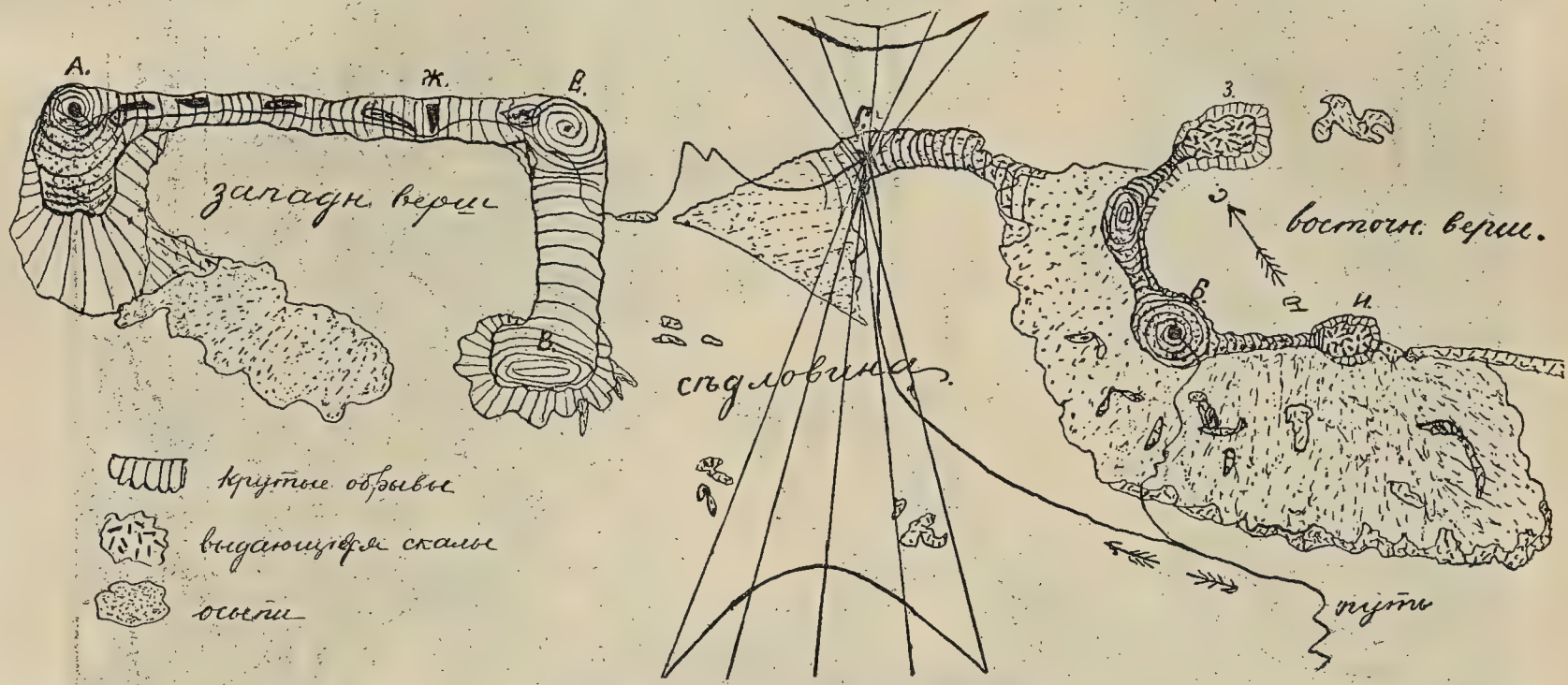
Въ 4 часа дня путники покинули вершину и въ $7^1/_2$ часовъ вечера, насладившись на обратномъ пути живописной картиной медленнаго потуханія послѣднихъ проблесковъ дня и постепеннаго наступленія ночного сумрака съ міріадами ярко вспыхнувшихъ въ темной синевѣ небесъ звѣздъ, были уже у оставленныхъ теплыхъ вещей. До восхода луны прикурнули они подъ защитой скалъ отъ непереставшаго дуть сѣверо-западнаго вѣтра, позабывъ про всѣ невзгоды быстраго спуска, когда приходилось подчасъ падать на скользскихъ мѣстахъ, а то и просто скатываться метровъ на пятьдесятъ на собственныхъ салазкахъ, гдѣ примитивныя кошки отказывались бороться съ обледенѣлыми фирнами. Къ 12 часамъ ночи вмѣстѣ съ Бачаемъ и отставшимъ товарищемъ, всѣ вернулись въ „Пріютъ Надежды“, гдѣ ихъ ждала бутылка хорошаго „Каберна“, при мягкомъ сіяніи луны, озарявшихъ радостно и привѣтливо улыбающіяся лица товарищей...

Описанныя восхожденія на вершины Эльбруса Лысенкова и Дубянскаго со стороны Терскольскаго пика, увѣнчавшіеся такъ или иначе полнымъ успѣхомъ, и полное одобреніе избраннаго ими пути, которому послѣдовали и

опытные швейцарцы, посвятившіе два дня предварительной рекогносцировкѣ по льдамъ и скаламъ Эльбруса, позволяютъ до нѣкоторой степени рекомендовать этотъ путь, какъ наиболѣе короткій и удобный лицамъ, которыя, не довольствуясь существующими описаніями, пожелали-бы сами совершить вполнѣ, какъ видно изъ предыдущаго, возможное при благопріятной погодѣ восхожденіе на вершины сѣдовласаго колосса Кавказа,*) полюбоваться неизгладимыми въ памяти картинами разгорающейся зари и восхода солнца, какъ-то сразу вырастающаго въ пространствѣ въ видѣ огненнаго шара, прелестными свѣтовыми эффектами въ рѣзко обрисовывающихся слояхъ атмосферы, яркомъ сіяньи звѣздъ и луны на просторѣ фирновыхъ полей въ тихую лѣтнюю ночь и окинуть орлинымъ взоромъ распростертый у ногъ во всей своей чарующей прелести край гордой красоты...

В. Дубянскій

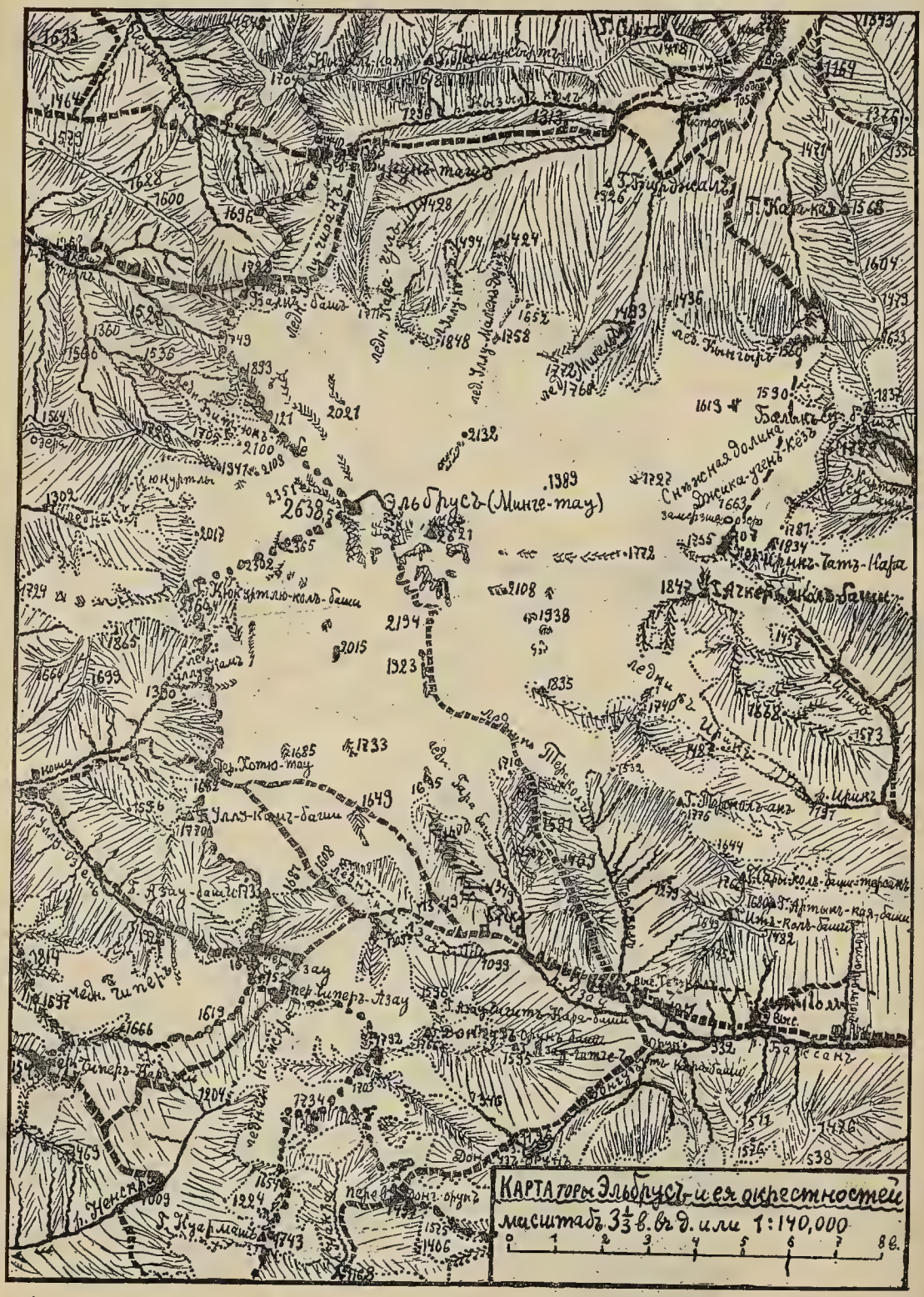
*) Съ своей стороны мы не можемъ не отмѣтить, что другой путь черезъ Азау-Кругозоръ (См. Ежег. Кавк. Горн. Об-ва № 2), по общему заявленію туристовъ, посѣтившихъ эти мѣста, является несравненно болѣе живописнымъ, едва-ли болѣе длиннымъ и менѣе удобнымъ, чѣмъ Терскольскій. Достаточно указать, что для того чтобы добраться отъ Кочкаровскаго коша только до Терскольскаго пика потребовалось 2 дня, тогда какъ отъ Кругозора (подъемъ отъ Азау около 3-хъ верстъ по расчищенной дорожкѣ) достаточно одного дня, чтобы добраться до Пастуховскаго пріюта; преимущества же ночлега на послѣднемъ передъ ночлегомъ на Терскольскомъ пикѣ очевидны. Что же касается выбора пути черезъ Терсколъ В. В. Дубянскимъ, швейцарскими туристами и др., то очевидно въ этомъ отношеніи большую роль сыграли примѣры Пастухова и Фрешфильда и отсутствіе обстоятельнаго описанія пути черезъ Кругозоръ (Ежег. К. Г. Об-ва № 3. Черезъ главный Хребетъ), въ силу чего и выбирался, хотя болѣе трудный и болѣе длинный путь, но, такъ сказать, освященный удачными опытами извѣстныхъ альпинистовъ, подробно его описавшихъ. Покойнымъ Предсѣдателемъ Об-ва Р. Р. Лейцингеромъ послѣ пятилѣтнихъ развѣдокъ, былъ намѣченъ Кругозорскій путь, почему въ маѣ 1909 г. былъ выстроенъ Об-вомъ горный пріютъ на Кругозорѣ, а въ 1910 г. пріобрѣтена ветеринарная сторожка на Азау. Эти пріюты должны послужить базой кругозорскаго пути на вершины Эльбруса; слѣдующій пріютъ будетъ устроенъ на Пастуховскомъ пріютѣ или же вблизи него.
Прим. ред. Предсѣд. Пр. И. Медвѣдковъ.



Схематическій чертежъ вершинъ Эльбруса.

Высшія точки А и Б Г. Ж.—клювъ.

Рис. П. Лысенко.


Эльбрусъ (Минге-тау)
2638,5
Карта горы Эльбрусъ и ея окрестностей
масштабъ 3⅓ в. въ д. или 1:140,000
0 1 2 3 4 5 6 7 8 в.

КАМЕНСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№